

3

Церковная Археология

1995

Institute of the History of the Material Culture
Russian Academy of Sciences
State Department of Culture and Tourism of the
Pskov Regional Administration
Pskov State Integrated Museum-Reservation
of History, Architecture and Art
Society of the Holy Olga of Russia, Pskov
Kizhi State Muzeum-Reservation

RUSSIAN CHRISTIAN ARCHAEOLOGY

Reports of the First Russian National Conference
Pskov, 1995 November 20 - 24

PART 3. CHURCH ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITIES IN RUSSIA

St. Petersburg -- Pskov
1995

Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук
Комитет по культуре и туризму
Администрации Псковской области
Псковский государственный объединенный историко-
архитектурный и художественный музей-заповедник
Псковское общество Святой Ольги Российской
Государственный музей-заповедник "Кижы"

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Материалы Первой Всероссийской конференции.
Псков, 20–24 ноября 1995 года

ЧАСТЬ 3
ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ
РОССИИ

Санкт-Петербург–Псков
1995

Археологические изыскания.

Выпуск 26 (часть 3)

Редакционная коллегия:

Александров А.А., Белецкий С.В. (отв. редактор),
Волочкова О.К., Голышев А.И., Грушина Л.Е. (отв. секретарь),
Лебедев Г.С., Массон В.М., Мусин А.Е.,
Рождественская Т.В., Чукова Т.А.

Обложка художника Н.С.Сафроновой

**Издано на средства
Псковского общества Святой Ольги Российской**

ISBN 5-201-01172-1 (часть 3)

© ИИМК РАН, 1995.

© ПГОИАХМЗ, 1995.

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

А.С.Косцова, А.Г.Побединская (Санкт-Петербург)

РУССКИЕ ИКОНЫ XVI – НАЧАЛА XX ВВ. С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ МОНАСТЫРЕЙ И ИХ ОСНОВАТЕЛЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА.

В собрании Государственного Эрмитажа имеется группа икон (более 100) с изображением русских монастырей и их основателей. Большинство этих икон никогда не публиковалось и не экспонировалось. В условиях проводимой в настоящее время реставрации сохранившихся монастырских комплексов, активного изучения архивных материалов по истории исчезнувших монастырей и забытых исторических личностей введение в научный оборот значительного нового источника по иконографии монастырских комплексов представляется весьма своевременным.

На иконах эрмитажного собрания представлены изображения 24 монастырей: Александров-Успенский Куштский; Александро-Ошевенский; Александро-Свирский; Артемьев-Веркольский; Боголюбов; Валаамский Преображенский; Варлаамиев-Хутынский Спасо-Преображенский; Дорофеевский Югский; Киево-Печерский (Лавра); Кирилло-Белозерский Успенский; Кирилло-Новоезерский; Клопский Троицкий Михайловский; Макарьев Желтоводский; Николаево-Верхотурский; Нилово-Столбенский; Пафнутьев-Боровский; Преображенский (Спасо-Геннадиев); Рождественский Палеостровский; Рождество-Богородицкий Антония Римлянина; Сквородский Михайловский; Соловецкий; Спасо-Суморинский Тотемский; Троице-Сергиев (Лавра); Троицкий Александро-Невский. Самые ранние иконы относятся к кон. XVI – нач. XVII вв., основная группа икон датируется XVII–XIX вв., небольшое число памятников датировано нач. XX в. Многие иконы принадлежат к северным письмам. Ряд икон относится к таким крупным иконописным центрам, как Кострома, Вологда, монастыри Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Троице-Сергиев, Киево-Печерский, Нилово-Столбенский.

На всех иконах с изображением монастыря присутствует изображение его основателя, а в некоторых случаях – изображение того святого, чьим именем назван монастырь. Выделяются следующие изводы: монастырь изображен у ног преподобного; преподобный или преподобные держат в руках модель монастыря; святой изображен на фоне монастыря или среди монастырских построек; святой изображен у монастыря, но монастырь представлен частью ансамбля; монастырь представлен главным монастырским храмом, а его модель преподобный держит в руках; основатель монастыря изображен у кельи (у кельи и храма); преподобный изображен в интерьере (в тех случаях, когда это связано с житийной легендой).

Архитектура монастырей на иконах передана с разной степенью достоверности. Часто она не просто узнаваема, а “читается” до мелочей – с точной фиксацией всего комплекса построек и окружения монастыря на момент написания иконы. Но даже в основе условно изображенной архитектуры всегда есть черты реальности: форма шатров, башен, место входа, количество куполов на храмах и проч. Детали изображения являются прекрасным датированным элементом: характер куполов и покрытия храмов, кладки стен, пристройки и решетки, наличие или отсутствие самих храмовых построек, имеющих точные даты возведения и перестроек.

Самая значительная группа икон в эрмитажном собрании – иконы с изображением Соловецкого монастыря. Они представляют монастырь с традиционной точки обзора – со стороны бухты. На всех иконах крепостные башни имеют шатровое покрытие, устойчивы местоположения и формы храмов. Изображения на разных иконах различаются деталями. Архитектурные сооружения узнаются сразу: башни с прапорами, Успенский собор, одноглавая Никольская церковь, главный Преображенский собор, трехшатровая звонница, Благовещенская надвратная церковь у Святых ворот. Изображаются также кельи и разнообразные подсобные помещения.

Значительная группа икон представляет Нилову пустынь – один из крупнейших и богатейших монастырей центральной России. На большинстве изображений достаточно точно фиксируется архитектурный комплекс монастыря и его окружение: храмы, колокольни, архиерейские, настоятельские и братские кельи, часовни, башни, гостиница для приезжих, служебные постройки, гос-

тины и хозяйственные дворы. Две иконы, датированные перв. пол. XVIII в., фиксируют состояние комплекса на рубеж XVII–XVIII вв. Уникальна икона вт. пол. XVIII в., отличающаяся высоким уровнем исполнения и ярко выраженными барочными чертами: на этой иконе культовые и хозяйственные постройки имеют цифры, аннотированные в нижней части иконы. Произведения XIX в., на которых монастырь изображен полностью или фрагментарно, позволяют увидеть те изменения, которые произошли в архитектуре комплекса: перестройка центрального собора в перв. тр. XIX в., перестройка настоятельских келий, ограды, пристани.

Чрезвычайно интересны иконы с изображениями монастырей Новгородской земли: Антониева, Сковородского, Валаамского, Свирского. Икона с изображением Антония Римлянина, держащего в руке свиток с видом будущего собора – одна из древнейших в эрмитажном собрании икон с изображениями монастырей и их основателей (кон. XVI в.). Изображения Сковородского монастыря на иконах 1819 и 1870 г. позволяет проследить изменения в архитектуре монастыря, произошедшие за половину столетия. На иконах с изображением Валаамского монастыря подробно зафиксированы основные постройки, составляющие монастырский комплекс. Своеобразие икон с изображением Александра Свирского состоит в том, что в них нет развернутой композиции многочисленных монастырских строений, а дается состояние монастыря на момент его основания в XVI в.

Ряд значительных и интересных монастырей представлен в эрмитажном собрании лишь единичными иконами. Таковы икона из Киево-Печерской Лавры; редкая икона с изображением Корнилия Палеостровского (на ней помещено изображение ныне уже не существующего монастыря); иконы с изображением Кирилло-Новозерского монастыря, фиксирующие комплекс построек кон. XVIII – нач. XIX вв. и др. Особое внимание привлекают иконы с изображениями Троицкого Александро-Невского монастыря, прежде всего – икона 1740 г., зафиксировавшая главный собор монастыря, возводившийся с 1726 г. на протяжении почти сорока лет, но так и оставшийся незавершенным, а впоследствии – разобранным (проект архитектора Т.Швертфегера). Вероятно, иконописец пользовался изображением собора на гравюре П.Пикарта 1723 г. При реставрации иконы обнаружены остатки подписи иконописца И.А.Гусятникова.

Кроме архитектурных сооружений, зафиксированных иконами эрмитажного собрания, чрезвычайный интерес представляют также другие изображения – корабли на воде около монастырей, монахи и гости монастыря, изображения запруд, огородов, бытовые подробности из жизни преподобных.

Специальная литература, посвященная иконам с изображениями монастырей, невелика и связана в основном с крупными монастырями. В результате анализа эрмитажного собрания икон складывается впечатление, что Эрмитаж располагает хорошей коллекцией икон интересующей нас группы – как по количеству и разнообразию представленных на них архитектурных комплексов, так и по мастерству и стилю (от примитивного лубка до тонкой изящной живописи). Источники поступления икон в Эрмитаж различные – в результате экспедиционной деятельности по сбору памятников старины в Ленинградской, Ярославской и Вологодской обл., в Подмосковье и на Белом море; из Государственного обменного фонда; из других музеев (Музей истории религии, Российский этнографический музей) из частных собраний (коллекция М.И. и Ю.И.Успенских, собранная в кон. XIX – нач. XX вв. на территории Санкт-Петербургской губернии); через экспертно-закупочную комиссию Эрмитажа.

А.Ю.Епатко (Санкт-Петербург)

ВАЛААМСКАЯ ЛЕГЕНДА О КОРОЛЕ МАГНУСЕ ЭРРИКСОНЕ

С Валаамским монастырем связана легенда о чудесном спасении шведского короля Магнуса Эрриксона. Согласно этой легенде, флот Магнуса во время похода на Новгород и Карелию погиб, застигнутый на Ладоге бурей, сам же король спасся на Валааме, где в благодарность за свое избавление от смерти принял православие, постригся в монахи и вскоре, в 1371 г., скончался. Эта легенда нашла свое отражение в литературном памятнике XV в. – “Рукописании самого Магнуша краля”, сохранившемся в составе Софийской летописи.

“Рукописание” неоднократно привлекало внимание исследователей, однако относительно подлинности его высказывались раз-

личные мнения. Шведский историк О.Далин приписывал составление легенды бедному греческому монаху. Н.И.Карамзин относился к “Рукописанию” иронически, а И.П.Шаскольский называл его “вымышленным завещанием”, написанным в нач. XV в. анонимным новгородским книжником. На подлинности “Рукописания”, однако, настаивали историки церкви, в частности – о. Дамаскин, игумен Валаамского монастыря.

Единственным материальным памятником, связанным с легендой, была могильная плита короля, находившаяся на братском кладбище Валаама. По рассказам иноков монастыря, под этой плитой был погребен шведский король, некогда занесенный бурей на остров. Первым описал плиту Н.Я. Озерецковский, посетивший Валаам в 1785 г.; он осматривал тонкую белокаменную (?) плиту, не имеющую никакой надписи. Следующие по времени свидетельства относительно “плиты Магнуса” принадлежат русскому путешественнику А.Муравьеву и собирателю “Калевалы” О.Леннорту: им показывали деревянную плиту с надписью, повествующей о кораблекрушении шведского флота и чудесном спасении короля. Позднее деревянная плита была заменена на каменную с аналогичной надписью. В кон. XIX в. ее описал И.Шмелев: “Плита не из древних и стихи сравнительно недавнего происхождения”. Последнее по времени свидетельство о “плите Магнуса” находим у Л. Резникова: он сообщает, что в июле 1970 г. от нее оставался лишь небольшой осколок, следы которого к моменту издания книги (1985) затерялись.

Летом 1994 г. во время посещения Валаамского монастыря мы осмотрели территорию кладбища. Близ входа были обнаружены три фрагмента надгробных плит. Один из них, принадлежавший белокаменному надгробию, возможно, является остатками “плиты Магнуса”. Перед отъездом с острова о находке было сообщено заместнику монастыря, о.Панкратию, с которым обсуждался вопрос о переносе фрагмента в Валаамский музей.

ЦЕРКОВНЫЕ ПАНИКАДИЛА XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ. В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

В коллекциях Отдела истории русской культуры Эрмитажа среди других произведений прикладного искусства из различных металлов имеется группа церковных осветительных приборов. На временных выставках Эрмитажа экспонировалось трехъярусное кованое железное паникадило, завершающееся короной и крестом (Осветительные 1975:40–3, кат. №38; Художественный 1981: кат. №7). На ствол нанизаны чеканные и прорезные шаровидные украшения – конусы и диски, которые держат кованые перья-кронштейны в виде завитков с цветком-свечником, листьями и силуэтным изображением летящего ангела. Паникадило исполнено в традициях русского прикладного искусства кон. XVII в., о чем свидетельствуют также сохранившиеся остатки росписи и позолоты. Русские кузнецы в XVII в. были хорошо известны своим мастерством изготовления решеток с яркой, росписью: вспомним шедевр этого искусства – знаменитую кованую “золотую” решетку кремлевского Теремного дворца в Москве.

В эрмитажном собрании имеются медные литые детали русских осветительных приборов XVII–XVIII вв. Среди них наиболее интересным является красно-медный ствол-веретено миниатюрного (23,7x6x4,5 см) двухъярусного паникадила с владельческой надписью. Ствол паникадила профилирован, завершается литой фигуркой двуглавого орла у петли-подвеса. Внизу имеется “гирька” – литая маска льва. Кольцо для подвески кисти не сохранилось. Резные надписи помещены по окружности “яблока” верхнего малого (“Паникадило Семен..”) и нижнего большого (“Панокатило Семена Кузмина сна Кармазова”). К этому паникадилу подобрано пять кронштейнов-перьев для подсвечников. Кронштейны (6,8x12x1 см) в виде ветвей со спиралевидными завитками аканта с вплетенными в них “личинами” в шляпах и головами змея-дракона. Они исполнены из меди другого цвета – не красной, а желто-зеленой, плохо держатся в прорезных гнездах паникадила, хотя и гнезда, и кронштейны имеют одинаковое обозначение – точками. Аналогичные паникадила воспроизведены в работе Н.Р.Левинсона (1941: 83–128, рис. 4, 6)

Еще один профилированный стержень, отлитый из “зеленой”, меди принадлежит двухярусному паникадилу на 12 свечей. Стержень завершается литым с резьбой двуглавым орлом. Паникадило сравнительно небольшого размера (28,5x58x4,5 см). Подобный тип паникадил был широко распространен в русском церковном и светском быту кон. XVII – нач. XVIII вв.

В собрании Отдела истории русской культуры Эрмитажа имеются также два фрагмента от ранних паникадил – детали литых из красной меди кронштейнов с личинами, оформленными грубой резной разделкой лица и волос; подобные детали также известны по публикации Н.Р.Левинсона (1941: рис. 13–17).

Левинсон Н.Р. 1941. Подвесные осветительные приборы XVI– XVII вв. // Труды ГИМ, вып. XIII. М.

Осветительные приборы конца XVII – начала XX века в России. Каталог выставки. Л., 1975.

Художественный металл в России XVII – начала XX века. Каталог выставки. Л., 1981.

А.С.Туберозов (Санкт-Петербург)

МЕДНАЯ ЛИТАЯ ИКОНА XVIII В. “ЧУДО СВ. ДМИТРИЯ” ИЗ СТАРОЛАДОЖСКОГО МУЗЕЯ

В коллекции мелкой пластики Староладожского музея находится медная литая икона с изображениями “Чуда Св. Дмитрия Солунского”, Спаса Нерукотворного и 20 избранных святых (инв. № ДОМО – КП-3004 / ДП-566). Размеры иконы 12,0x10,4x0,5 см. Высокое качество литья, богатая палитра эмалей, своеобразная иконография изображений указывают на происхождение иконы из северных старообрядческих центров, вероятнее всего – из Выговских литейных мастерских.

Определенные параллели для изображений на иконе имеются в памятниках XV–XVI вв. Однако анализ принципа отбора святых, отсутствие прямых аналогий иконе и технические особенности ее изготовления позволяют утверждать, что памятник был отлит со специально изготовленной модели и не являлся позднейшим воспроизведением (или репликой) уникального произведения древнерусского искусства. В попытке реконструировать “идеоло-

гическую программу”, заложенную в икону, обращают на себя внимание уставные требования для обитателей скитов, разработанные Андреем Денисовым (1674–1730), руководившим с 1702 г. Выговским (Даниловским) общежитием. Не исключено, что икона из собрания Староладожского музея была изготовлена если не по заказу, то в соответствии с идеологической программой Андрея Денисова. Время изготовления памятника в этом случае может быть определено между 1720 и 1730 гг.

И.Н.Уханова (Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РЕЗНЫХ ИКОНАХ XVII–XIX ВВ. ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Художественное наследие старообрядцев постоянно привлекает к себе внимание исследователей. Наиболее обстоятельно изучалась книжная культура. Поморские рукописи демонстрируют, с одной стороны, исключительность каллиграфов и изографов, а, с другой – позволяют увидеть стилистические отличия в творчестве мастеров локальных центров. В определенной степени такую возможность предоставляет широко известное медное литье и менее известная мелкая деревянная пластика.

Умеренное количество опубликованных к настоящему времени произведений резчиков по дереву из среды старообрядческого населения России XVII–XIX вв. рисует лишь примерную картину состояния творчества умелых “древделов”. Именно из этой среды выходили мастера, свободно владевшие профессиональным инструментом, ощущавшие красоту древесины и понимавшие специфику пластического искусства. Учитывая, что состав братии основного поморского старообрядческого центра в Заонежье – Выговского общежития – был, главным образом, крестьянским, вполне естественно то, что в этом коллективе обработка древесины развивалась в традициях народного творчества: с Выговским общежитием в XVIII в. было, в частности, связано производство декоративно оформленных берестяных туесов. Но многие из переселенцев в заонежские скиты были выходцами из Новгородской земли, так что, надо полагать, здесь были известны традиционные новгородские ремесла, сохранялись и раз-

вивались пластические приемы, формы, изображения на разнообразных изделиях, несущих функциональную нагрузку.

К названному ряду художественных произведений принадлежат кресты и иконы работы поморских старообрядцев. Все известные памятники исполнены в технике плоского рельефа, врезанного вглубь доски. В одних случаях рельеф хорошо моделирован, в других – оставлен резко обрубленным. Сохранилось несколько икон чисто графического типа, где резьба нанесена углубленными линиями, создающими четкий рисунок. Это икона XVIII в. (инв. №ЭРД – 472) с изображением Голгофского креста в сиянии и икона-эпитафия раба Божия Зиновия 1793 г. с изображением островерхих башен Града Иерусалима (инв. №ЭРД – 476).

Иконы с сенью, под которой располагается Голгофский крест, датируются XVIII – перв. пол. XIX вв. Их композиции восходят к книжной графике и имеют аналогии в медном старообрядческом литье. По-видимому, данное обстоятельство повлияло на резчиков икон: они раскрашивали их, выделяя цветом либо фон, либо арки со столбами сложной конфигурации. Существовали иконы, являвшиеся одновременно киотами для медных крестов или икон, объединявшие, таким образом, творчество и резчика, и литейщика: стилистика двух различных предметов соединялась в единый образ.

Полихромность – признак традиционного народного искусства – широко утвердилась в творчестве старообрядцев Заонежья. Если не использовалась окраска значительных участков поверхности, то применялась частичная выкраска штрихами, пятнами, розетками. Икона оживлялась, получалась более радостной. Группа икон XVII–XVIII вв. с Голгофским крестом под сенью многоглавого собора в окружении криптограмм декорировались особенно сочно, известны варианты с использованием позолоты (инв. №ЭРД – 1286; 3080). Для старообрядческого искусства был характерен восьмиконечный крест с копием и тростью. Именно такой крест можно видеть в “Поморских ответах” выговских основоположников учения. Крест во все времена для всех христиан был предметом величайшего поклонения. Схема его очертаний оставалась устойчивой, но пропорции могли меняться в зависимости от назначения. Если в медном литье с матрицы делались многочисленные повторения, то в резьбе по дереву абсолютные повторения невозможны – наблюдается вариантность. Разнообразие ком-

позиций видим также в использовании текстов молитв (“Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим...”; “Крест хранитель вселенной, Крест красота церковная”). Разнообразны и криптограммы, расшифровываемые как “Иисус Назарет Царь Иудейский”, “Царь Славы Иисус Христос”, “Сын Божий”, “Ника”, “Копие”, “Трость”, “Место Лобное Рай Бысть”, “Гора Голгофа”, “Голова Адама”.

В творчестве заонежских старообрядцев получило развитие характерное для древнерусского искусства изображение над оглавлением креста образа Нерукотворного Спаса (инв. №ЭРД – 3042). В пластике этого изображения ощущается монументальность, значительность, выразительность лика. Он как бы доминирует над Голгофским крестом, углубляет содержательность изображения.

Деревянные иконы и кресты представляют собой своеобразный пласт русской традиционной культуры, поэтому необходимо обратить внимание еще на одно существенное явление – использование в этих произведениях иконописных образов (инв. №ЭРД – 1237; 1286; 2494; 3080). Крест – символ искупительной жертвы Христа – усиливает свое смысловое содержание за счет написанного в среднике изображения Распятия, Спаса Нерукотворного или иных фигур. Качество иконописных миниатюр на деревянных иконах и крестах эрмитажного собрания очень высокое – тщательность письма, умелое размещение фигур на узком пространстве говорят об опыте и таланте художников. Творческое сотрудничество мастеров Выговского общежития и близлежащих скитов, в которых было развито иконописание (напр. Березовский) осуществлялось достаточно легко: иконописцы работали рядом с резчиками, литейщиками, эмальерами, переписчиками и иллюстраторами книг – их объединяла общность духовных и художественных задач.

В свое время Н.Н.Соболев отметил, что в прошлом много делалось резных крестов-икон с изображениями Голгофы и орудий казни, но крайне редко – с живописными изображениями Спасителя. Резные иконы и кресты из собрания Эрмитажа представляют, таким образом, группу редких произведений, которые относятся к кругу памятников старообрядческого искусства, искусства – сохранившего верность традициям древнерусской художественной культуры.

ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КОЛОКОЛЬНОГО ДЕЛА В XVIII В.

Колокола – своеобразный вид памятников материальной культуры. Наличие на колоколах надписей позволяет рассматривать их как оригинальный письменный источник, раскрывающий дату и событие, связанные с их производством, а нередко содержащий и имя мастера, изготовившего колокол. Интерес к личности высококвалифицированного мастера всегда оправдан, поскольку такой мастер не одинок, а представляет, как правило, большую ремесленную династию. К сожалению, большинство древних колоколов до настоящего времени не сохранилось, поэтому первостепенное значение приобретают письменные документы, содержащие сведения о колоколах и тексты колокольных легенд, либо документы, связанные с литьем.

Вопрос о местном северном литье в XVI–XVII вв. историко-ведчески разработан недостаточно, хотя богатейшие возможности имеющихся источников отмечались неоднократно (см. напр.: Устюгов 1946: 127; Хмыров 1875: 213–214; Мерзон, Тихонов 1960: 632). В 1635 г. в Архангельске на государев обиход было куплено 3 колокола медных, 280 досок, 310 пудов меди красной “дощатой”, 527 пудов меди зеленой “в котлах и тарелех”, 18 пудов меди волоченной, 40 пудов и 24 доски меди красной в тонких полицах (Русская 1875: 567). В приходо-расходных книгах спасского приказчика на Холмогорах записано: “Дал мастером колокольным Ивану с товарищи двум по 3 руб.” (1615); “колокол лили, ряжено мастеру по 14 алт. с пуда, и в весу колокол тянул пять пуд с третью, от литья дал 2 руб. 7 алт.” (1617). В 1620 г. кузнец Окула “язык ковал к новому колоколу”, а в 1621 г. на Холмогорах опять лили колокол: “Колоколнику от литья дано за девяти пуд без чети 3 р. с полтиной” (Русская 1894: 51–52). При архиепископе Афанасии, в 1689 г. на Холмогорском посаде был лит колокол к Архангельскому городу к Рождественской церкви (Архив СПбФ ИОИ РАН, кол.11: 121 об.), а в 1695 г. там же лил колокол Федор Роспопин (Там же, №107: 91). В Переписной книге 1678 г. на Холмогорском посаде упомянуто имя колокольного мастера – Федька Андреев сын, колокольник (РГАДА,

Важным источником по истории колокольного дела являются метрики церковей Архангельской губ., составленные в 1887 г. и хранящиеся ныне в рукописном архиве ИИМК РАН (Р.П., д.1–243). Метрики – это печатный вопросник, который заполняли служители церкви, отвечая на разнообразные вопросы по архитектуре храма, древним иконам и проч. Вопрос о колоколах (№ 51 вопросника) формулировался следующим образом: “ Сколько колоколов на колокольне? Какого они времени? Надписи желаются в точном списке”. На вопросы метрики отвечали с разной степенью точности и тщательности: иногда колокола только перечисляли по весу или по годам их отливки, порой надписи пересказывались, но нередко и тщательно переписывались. Таким образом, метрики 1887 г. содержат важнейшие сведения по истории северной колокольной казны на единый хронологический рубеж. Сведения метрик опубликованы (Овсянников 1990).

Колокола, отлитые во 2-м пол. XVII – сер. XIX вв. местными мастерами (напр., представителями династии Христофоровых), как правило были сравнительно небольшого размера. Не исключено, что местные мастера могли лить лишь колокола малого веса. Судя по хранящейся в Государственной архиве Архангельской обл. переписке между архимандритом Соловецкого монастыря Варсонофием и московским “колокольным подмастерьем” Андреем Федоровичем Моляровым (ГААО, ф.102, оп.1, №1060), заказы на крупные колокола реализовывались преимущественно столичными мастерами. Переписка эта интересна и тем, что она с редкой степенью выразительности характеризует взаимоотношения заказчика колокола с колокольных дел мастером. Текст переписки подготовлен к изданию.

Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. 1960. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М.

Овсянников О.В. 1990. Из истории северорусского городского и сельского ремесла (колокола) // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торонто.

Русская историческая библиотека. Т. II, СПб., 1875.

Русская историческая библиотека. Т. XII, СПб., 1894.

Устюгов Н.В. 1946. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. // Вопросы истории, №1.

Хмыров М.Д. 1875. Материалы, металлические изделия и минералы в древней России. СПб.

“КНИГА ЗАПИСНАЯ” 1691 Г. – НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ ИКОНОПИСНОЙ ДОМОВОЙ АРТЕЛИ АРХИЕПИСКОПА ХОЛМОГОРСКОГО И ВАЖЕСКОГО АФАНАСИЯ

Иконописная домовая артель, организованная архиепископом Холмогорским и Важеским Афанасием (Любимовым) – первым архипастырем этой северной, образованной в 1682 г. епархии, сыграла выдающуюся роль в развитии церковной живописи Северного Поморья XVII – нач. XVIII в., сплотив значительные силы лучших поморских живописцев. Каменное церковное строительство, начавшееся еще до Афанасия, в годы его святительства приобрело широкий размах (Булкин, Овсянников 1976: 334–351; 1980: 117–122; 1981: 554–563; 1983: 97–101; 1986: 541–553) и способствовало становлению местной иконописной школы (Брюсова 1961а: 245–253; 1961б: 246–277).

С начала 1970-х годов проводится большая работа по выявлению новых письменных документов, раскрывающих состав владычной живописной артели, уточняющих имена и характеристики иконописцев (Овсянников 1970: 197–211; 1992: 48–76; Булкин, Овсянников 1987: 23–35). К числу таких документов относится и анализируемая в докладе “Книга записная по строительству хозяйственных построек и церкви” 1691 г., хранящаяся в Государственном архиве Архангельской обл. (ф.31, оп.3, ед. хр.7, л.1–20 об., 33–34). В ней содержатся новые данные о деятельности иконописной артели, перечисляются мастера и характеризуются те работы, которые эти мастера выполняли. Большинство имен, упомянутых в документе, известны по челобитным, записям прихода-расходных книг архиерейского дома, по писцовым и переписным книгам холмогорских посадов XVII–XVIII вв., и это позволяет сопоставлять информацию, содержащуюся в разных документах. Одно из первых мест во владычной иконописной артели занимал Алексей Струнин, разделявший положение главы артели со своим племянником, протопопом Богоявленского собора Федором Васильевичем. “Сын боярской первой статьи”, Алексей возглавлял династию Струниных, служивших владыке Афанасию: в сос-

таве артели работали, кроме упомянутого Федора, сын Алексея Струнина Егор, брат Степан, сын Степана Яков. Другая династия иконописцев, работавших в составе артели – это Филипп, Карп, Максим и Матфей Каратаевы. Известны и другие члены артели – Ондрей Ондреев, изготовивший чертежи строящихся каменных Гостиных Дворов в Архангельске для подмастерья каменных дел Дмитрия Старцева (Овсянников 1971: 27); Терентий Силин и Иван Сидоров, много работавшие для Антониева-Сийского монастыря; Иван Погорельский – художник и автор не Двинской летописи (ср.: Брюсова 1961а), а оригинального “Летописца вкратце”.

Книга 1691 г. содержит многие любопытные подробности, связанные с деятельностью иконописной артели. В настоящее время она подготовлена к изданию.

Брюсова В.Г. 1961а. Холмогорский летописец и художник XVII в. (об одном из авторов Двинской летописи) // ТОДРЛ, т.XVII.

Брюсова В.Г. 1961б. Семен Спиридонов – холмогорец-изограф XVII в. (1662–1695 гг.). К вопросу о холмогорско-устюжской школе живописи. // Ежегодник Института истории искусств. 1960. Архитектура и живопись. М.

Булкин В.А., Овсянников О.В. 1976. Из истории каменного строительства в конце XVII в. // Средневековая Русь. М.

Булкин В.А., Овсянников О.В. 1980. Каменные шатровые храмы Сийского монастыря // КСИА, №160.

Булкин В.А., Овсянников О.В. 1981. Подмастерье каменных дел Петр Некрасов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980 г. М.

Булкин В.А., Овсянников О.В. 1986. Новые данные о каменном строительстве второй половины XVII в. в окрестностях Холмогор // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1984 г. Л.

Булкин В.А., Овсянников О.В. 1987. Холмогорцы Струнины и Погорельские // Холмогоры – центр художественной культуры русского севера. Архангельск.

Овсянников О.В. 1970. Холмогорские и архангельские посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вологда.

Овсянников О.В. 1971. Люди и города средневекового Севера. Архангельск.

Овсянников О.В. 1992. Северный иконописный фонд по письменным источникам. Пути формирования и судьбы в XVI-XIX вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Н.В.Перцева. Архангельск.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБРЯДОВОЙ ОДЕЖДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ХРИСТИАНСКИМ КУЛЬТОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРООБРЯДЦЕВ АЛТАЯ)

С кон. XVII в. старообрядцы, гонимые официальными властями, расселялись в периферийных, малодоступных областях России – в нижегородских лесах, на Урале, на Севере и в Сибири. Сибирские земли приютили различные этнокультурные группы старообрядцев, среди которых компактностью расселения и особенностями культуры выделялись так называемые “поляки”. Архивные данные свидетельствуют об изначальной неоднородности “поляков” – среди них были выходцы из Московской, Белгородской, Смоленской, Воронежской и Нижегородской губ. В 60-е гг. XVIII в. указом Сената беглецы были изгнаны с первоначальной территории расселения, входившей в состав Польши, и партиями расселены по Алтаю; здесь старожилы окрестили переселенцев “поляками” по прежнему месту жительства.

Любопытной особенностью мужской одежды “поляков” является особый тип рубахи, использовавшейся в качестве праздничной, а также обрядовой свадебной одежды – туникообразной конструкции без швов на плечах. Коллекции таких рубах хранятся в Омском историко-литературном музее и в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге. Соединение многообразных орнаментальных мотивов вышивки и тканья свидетельствует о сложном, поэтапном процессе сложения декора рубах. Характерным элементом этого декора являются нашивки кумача вдоль швов соединения центрального полотна и боковин. Эти нашивки украшались ромбами, квадратами с продолженными сторонами, меандрическим орнаментом. Вышивки выполнены контрастными, по отношению к кумачу, нитками синего и белого цветов. По двум сторонам от полос прокладывались узоры геометрического характера. В целом, продольные полосы вносят тектоническую ясность таким образом, что обилие вышивок и прочих отделок не воспринимается хаотическим нагромождением.

Традиция прокладывать декоративные полосы вдоль конструктивных швов сохранилась в XIX в. лишь в отдельных видах южно-русской женской одежды – коротайках, шушпанах и проч.

В этнографических же данных по мужской одежде XIX – нач. XX вв. аналогий, как будто бы, не обнаруживается. Пережиточно сохранившиеся в мужской восточнославянской одежде украшения швов вышивками или кумачем отличаются как орнаментацией, так и выполнением более скромной роли в общем декоративном решении. Это относится и к алтайским соседям “поляков” – бухтарминским старообрядцам (“каменщикам”), рубахи которых по внешнему облику были близки рубахам “поляков”, но вместо кумачевых полос во всю длину имели проставки узорной тканины в области пройм. В реставрированных рубахах русских царей XVI – нач. XVII вв. швы окаймлены тесьмами или лентами, но значительно более узкими, чем полосы кумача на рубахах “поляков”.

В связи со сказанным внимание привлекают изображения священнослужителей Чернигова на миниатюрах Радзивилловской летописи. Они одеты в длинные до пят туники, украшенные контрастными отделками по вороту, краям подола и рукавов, от оплечья до низа подола тянутся две продольные полосы. Речь, очевидно, может идти о сохранении в одеждах русского духовенства элементов облачения священнослужителей Византии: постановления Соборов фиксировали, что именно такой убор – белая туника с двумя вертикальными полосами-клавами с меандрическим орнаментом красного и синего цвета – сложился у духовенства Византии к VI в. К VIII–XI вв. в православии существовала достаточно устойчивая иконографическая традиция изображения костюма со всеми его атрибутами.

Туники с клавами бытовали в Западной Европе в одежде духовенства синхронно с изображениями Радзивилловской летописи. В Византии, как и в Западной Европе туники латиклавия распространились под влиянием и первоначально как атрибуты христианского культа. Одежды с клавами можно видеть на настенных росписях II–IX вв. в Риме, изображающих Богоматерь и святых, на культовых портретах из римской провинции Эль-Фаюм, на вотивных статуях и росписях Парфии, в образцах коптской одежды. На всех перечисленных изображениях полосы старательно подчеркнуты и хорошо читаемы, что свидетельствует о важности этой, без сомнения – сакральной, детали одежды.

Сказанное позволяет считать, что подчеркивание декоративными полосами конструктивных швов и членение вышивки у ворота на рубахах можно приурочить к эпохе Киевской Руси, когда

принималось христианство в его греко-византийском варианте (православие). Эта одежда отвечала требованиям эстетики феодального мира того времени, желанию не только внутренне, но и внешним обликом следовать Христу, образу "истинного христианина". Бытование у "поляков" еще в нач. XX в. орнаментированных рубах-туник можно связывать с южно-русской по происхождению частью старообрядцев Алтая. Именно в одежде южно-русских крестьян во вт. пол. XIX в. пережиточно сохранялись элементы одежды. Очевидно, бытование таких рубах в среде старообрядчества объясняется скрупулезным следованием дедовским традициям как в духовной, так и в материальной культуре.

И.Ю.Трушкова (Киров)

О КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВЯТСКОМ КРАЕ (НА ПРИМЕРЕ ОДЕЖДЫ)

Особенности сохранения различными локальными группами вятского русского населения архаичных явлений в одежде давно анализируются в литературе. Уже Д.К.Зеленин рассматривал русский вятский костюм в контексте проблемы религиозных представлений. Анализ вятских музейных этнографических коллекций позволяет конкретизировать следующие аспекты проблемы:

1. Достаточно ранние контакты русского населения и коми на северном вятском пограничье законсервировали архаику в русском костюме. Наиболее ранние сходные элементы, заимствованные в определенные исторические периоды, не осмысливались точно так же, как свои, и не подвергались поэтому развитию, стилизации как явления собственной культуры. Более ранняя миксация могла консервировать архаичные явления в одежде, в то время как более поздние контакты и смешения приводили к нивелировке и утрате этнических особенностей в костюме. Именно здесь дольше всего сохранялись сарафаны, некоторые виды головных уборов, сенокосные рубахи, мужские порты из неотбеленного холста, ранние виды орнаментов.

2. В районах дисперсного проживания русских и мари наблюдается более длительное существование в марийской среде заимствованных от русских наименования головных уборов "ко-

кошник”, “сорока” (“марьяна русская голова”); эти названия и эти типы головных уборов у русских в данных районах не фиксируются, а в XIX в. наиболее распространенными были головные уборы других типов. Здесь же, на окраине марийского этно-территориального массива вплоть до нач. XX в. сохранялись марийские сакральные вещи с крупными антропоморфными орнаментами, родовыми знаками, что не находит аналогий в центральных этнических территориях мари.

3. В зонах удмуртско-русских контактов архаика русского костюма сохраняется в силу следующих причин. Как правило, русское население здесь составляют по-преимуществу старообрядцы. Контакты между локальными этническими группами немногочисленные и, главным образом – экономические. Относительное невмешательство в инокультурный мир, вероятнее всего, и привело к длительному сохранению некоторых ранних элементов в комплексе русского костюма. Заметим, что фиксируются различия в особенностях русского костюма даже у старообрядцев разного толка: “поморяне” дольше других сохраняют сарафанный комплекс из холщевых и ситцевых тканей, старообрядцы белокриницкого согласия – сарафанный комплекс, “парочки” из шелка, шерсти и тонко выделанного льна.

Некоторые элементы русской традиции в костюме на Вятке сохраняются дольше не только из-за специфики проведения христианизации в регионе, сравнительно невысокого уровня промышленности и более длительного сохранения традиционных занятий населения (домашнее ткачество), но и при наличии этнических контактов, консервации культурных явлений в данном этническом сообществе.

А.Ю.Майничева (Новосибирск)

СОФИЙСКИЙ СОБОР В ТОБОЛЬСКЕ (1621–1667)

Многие храмы Сибири имели долгую историю изменения своего облика, сохраняя вместе с тем преемственность архитектурного образа. Это относится, например, к Спасской церкви Зашиверска, прошедшей не менее пяти этапов трансформации, к Спасской церкви Туринска, для которой достоверно установлено два этапа

строительной истории. Это можно сказать и о Тобольском соборе Св. Софии Премудрости Слова Божия – первом каменном храме Сибири. Однако Софийский собор Тобольска имеет и деревянную “предисторию”, насчитывающую более полувека – с 1621 г., когда был построен первый деревянный храм, до 1667 г., когда этот храм сгорел в пожаре, охватившем город.

Строительная история каменного Софийского собора подробно анализировалась в литературе (В.И.Кочедамов, С.В.Копылова, С.Н.Баландин). О деревянном храме исследователи почти ничего не писали. Однако именно в период существования деревянного храма Св. Софии Тобольск стал военно-административным и церковным центром всей Сибири, что неизбежно должно было сказаться на архитектурном образе храма, изначально мыслившегося в качестве соборного.

В нач. XVII в., когда Тобольск стал фактической столицей Сибири, сюда направляется митрополит Киприан, с именем которого и связывается постройка первого деревянного собора в 1621–1622 гг. Судя по сведениям Переписной книги 1636 г., собор был выполнен как часть комплекса архиепископского двора, связанного крытыми переходами не только с колокольней, но и с ц.Похвалы Богородицы и с хорами архиепископа. Из Переписной книги известно, что ц.Похвалы Богородицы была “на подклетах”, крытая на два ската и по своим размерам не уступала собору. Церковь, как и собор имела в ширину пять сажени, алтарь – четыре сажени, высота до потолка церкви составляла три сажени. Таким образом, описание позволяет реконструировать собор как пятиглавый с крещатыми бочками (закомарами), с выведенной одной главой на восьмерике с бочками, а ц.Похвалы – как теплую клетскую, с двускатным покрытием и одной главой. Шатровая колокольня комплекса была шестигранной. Архиепископские хоромы включали избу, комнату, передние и задние сени, переднюю и заднюю кельи, казенную келью, повалушу “о тех мостах”, жилые подклеты, чулан, омшанник, ледник и другие постройки. Ц.Похвалы и Софийский собор связывались стоящей на режу крытой папертью от галерей и алтарей собора, с архиепископскими хорами – крытыми переходами. Собор был также связан с колокольней. Таким образом, перед нами предстает грандиозный комплекс, все основные здания которого соединялись между собой. Это отражает одну из тенденций развития русской деревян-

ной архитектуры, когда каждое значительное здание мыслилось как часть комплекса.

В 1646 г. было заложено новое здание собора. Оно размещалось там, где ранее находилась Спасская церковь, так как прежнее место собора посчитали тесным для строительства, а, кроме того, там отсутствовал выход к торговой площади, что мешало доступу людей в собор. Таким образом, назначение собора сменилось – он стал доступен для посещения большинству горожан. Размеры четверика собора и три алтаря были сохранены, однако теперь собор увенчивали 13 глав – “в ознаменование Христа Спасителя с 12 апостолами”. При этом, посвящение собора Софии Премудрости Слова Божия было сохранено. Так в символике храма были сохранены и память о Спасской церкви (Христа Спасителя), и память прежнего Софийского собора; напомним, что пятиглавие символически связано с тринадцатиглавием, поскольку знаменует собой Христа с четырьмя апостолами. Пышные барочные формы собора 1621 г. сменились более строгими и суховатыми формами собора “под каменное дело”, чему способствовала обшивка фасадов, установка главы на небольшом шатре и придание законам треугольной формы. Собор приобрел более вытянутое в вертикальном направлении решение, чему способствовало и тринадцатиглавие, поскольку плановое решение собора не изменилось, а логичное размещение увеличившегося числа глав потребовало четкой ярусности, то есть членения по вертикали.

В 1686 г. был достроен и освящен каменный пятиглавый Софийский собор, возведенный по образцу Вознесенского собора (1519) зодчего Алевиза Нового. Явственно прослеживается связь нового собора с деревянным собором 1621 г., который изначально мыслился как главный храм столичного города. По наблюдениям Г.К.Вагнера, пятиглавие возрождалось тогда, когда в политике ктиторов возникла некая политически масштабная общерусская тенденция: первой пятиглавой церковью можно считать ц. Богородицы (Десятинную), заложенную в 989 г. после крещения Владимира Святого. Во многих городах России в XV–XVII вв. главные каменные городские и монастырские храмы строились пятиглавыми, начиная от московских Успенского собора Аристотеля Фиораванти (1475–1479) и Архангельского собора Алевиза Нового (1505–1508). Несколько храмов датируются кон. XVI в., затем следует перерыв до сер. XVII в. Начиная с 1647 г. и по

1652 г. возводятся 5 церквей и соборов, а с 1675 г. и до конца столетия – 9 (включая и Софийский собор в Тобольске).

Таким образом, архитектура каменного Софийского собора 1686 г. в Тобольске являлась как выражением общего развития архитектуры своего времени, так и продолжением традиции культового сооружения, ведущего историю своего существования в течение длительного времени. Деревянный Софийский собор в период с 1621 по 1677 г. претерпел ряд изменений, однако сохранил образный строй. Строители храма изначально ориентировались в качестве образцов на наиболее значительные храмовые постройки своего времени, что позволяло поддерживать традиционность и символичность сооружения.

П.Е.Сорокин (Санкт-Петербург)

СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ – ПЕРВЫЙ ХРАМ НА ТЕРРИТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

Заселение русским населением побережья Невы стало закономерным этапом освоения важнейшего водного пути, связывавшего центры русского Северо-Запада с государствами Северной Европы. Три клада монет, отчеканенных в кон. VIII–XI вв. (Васильевский о-в, Петергоф, Мартышкино), свидетельствуют о наличии стоянок судов или даже пункта транзитной торговли в этом ключевом пункте пути. Немногочисленные находки, связанные с племенем ижора, происходят с территории, удаленной от русла реки – все они обнаружены на высокой береговой террасе (глинт), отстоящей на 7–15 км от береговой линии. В середине XIII в. на Неве известна лишь “стража Ижорская”; в 1300 г., когда шведы пытаются утвердиться в устье р. Охта, оседлое население на берегах Невы так же не упоминается.

Вероятно, только в перв. пол. XIV в., после разграничения владений Новгорода и Швеции и основания Орешка, начинается активное заселение побережья Невы русским населением. Археологические работы, проведенные здесь в последние годы, выявили поселения этого времени в устьях рек Ижоры и Охты. Писцовая книга Вотской пятины 1500 г. фиксирует здесь для кон. XV в. развитую поселенческую структуру. Освоение новых пахотных зе-

мель и рыболовных угодий, торговля и обслуживание трассы водного пути способствовали быстрому развитию региона. Однако, непрекращающаяся борьба за территории со Швецией и опричное разорение существенно сдерживали развитие края. Тем не менее, в дельте Невы в XVI в., начинает складываться протогородской центр, что явилось закономерным продолжением поступательного освоения магистрального водного пути, начавшимся еще в раннесредневековый период. Наиболее крупные поселения располагались, согласно писцовой книге 1500 г., следующим образом: два на Васильевском о-ве, по одному – на Березовом о-ве и в устье Охты.

Примечательно, что поселение в устье Охты после 1300 г. шведские источники традиционно называют Ландскроной. Вероятно, именно здесь в XVI в. начинается формирование нового центра, получившего в документах название Невский городок или Невское устье. Выгодное географическое положение этого пункта на пересечении водного пути и сухопутной дороги, связывавшей Выборг и Корелу с Копорьем, Ямгородом, Ивангородом, Новгородом, Нарвой и Ревелем, а также некоторая удаленность от устья Невы, подверженного затоплению во время наводнений, и открытого для внезапных нападений с моря, способствовали развитию поселения. Основными составляющими центра, вероятно, было село в устье Охты, населенное рыбаками и торговыми людьми, и связанное с ним переправой с. Спасское, располагавшееся на левом берегу Невы – в районе современного Смольного.

Первое упоминание с. Спасское содержится в Разрядной книге 1475–1605 гг. Во время перемирия 1593 г. в русско-шведской войне, когда русские войска стояли в Ямском у., "послали воеводы ко Спасу на Неву на Устье князя Петра Ахамошуковича Черкассково да князя Михаила Быка Путятина", а с ними были посланы "казаки да тотаровья". Устье Невы с узлом коммуникаций представлялось, вероятно, в этих условиях, чрезвычайно важным стратегическим пунктом.

В XVII в. с. Спасское известно уже как одно из крупнейших поселений края. Между тем, в писцовой книге 1500 г. оно не упоминается. Не исключено, что в XVI в. оно носило другое название и было переименовано после появления Спасской церкви. Во всяком случае культурный слой с фрагментами керамики XV–XVI вв. был обнаружен перед центральным каре Смольного монастыря.

ря на побережье Невы – в месте локализации села, определенной на основе совмещения исторических планов с современной топоо-сновой. На наиболее ранней из дошедших до нас шведских карт этой местности – “Delineatio geografia” 1630–1640-х гг. – с. Спас-ское с церковью (Spaski Kyrkieby) изображено на левом берегу Невы против устья Охты. Упомянуется оно и в документе 1640 г., правда – с несколько видоизмененным названием (Sraskoj Kyrskiooby), что характерно для шведских документов.

Известно, что местное население оказало активную поддержку русским войскам, вторгшимся в Ингерманландию во время войны 1656–1661 гг. Вероятно, на их стороне выступили и жители Спас-ского, поскольку уже в 1660 г. в Гетеборге было принято решение о передаче двора священника в этом селе во владение г. Ниена. Этому предшествовало разорение этого двора.

При изучении шведских карт и планов XVII в. обращает на себя внимание отчетливая индивидуальность изображений отдельных сооружений. Это позволяет предположить, что сооружения являются не просто значками на картах, а отражают особенности реально существовавших построек, в том числе храмов. Уже самое раннее изображение – на карте “Delineatio geografia” – характеризуется реалистичными чертами. Это деревянная церковь прямоугольной формы с двускатной крышей, в центре которой выделяется колокольня шатрового типа, увенчанная крестом; на равном удалении от нее имеются две маковки с крестами, одна из которых помещена над алтарной частью, а вторая – вблизи входа.

Другое изображение, во многом повторяющее первое, но проработанное детальнее, относится к 1698 г. Здесь также имеется центральная шатровая колокольня и две маковки с крестами, но также четко выделяются алтарная часть с закругленной крышей и притвор – более низкий и узкий по сравнению с основным помещением. На первом изображении обозначены только две двери, на втором же хорошо видны две двери и шесть окон. Если рассматривать последний рисунок как масштабный, то храм имел приблизительно следующие размеры (в м): длина – 27, ширина – 9, высота – 10 до верха кровли и 19 до вершины колокольни. Согласно плану, церковь располагалась в 40 м от берега Невы, в 50 м от дороги, ведущей от паромной переправы Ниена и в 100 м от места начала дороги у берега.

При попытках совместить исторические планы с современной

топоосновой церковь однозначно локализовать не удается. Согласно наиболее точному плану 1698 г. она должна находиться на территории современного сквера на берегу Невы, перед каменным зданием у северо-восточного угла каре Смольного монастыря. Для решения вопроса о местоположении первой церкви в устье Невы необходимо продолжение археологических исследований.

И.В.Берова (Киров)

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО КИКНУРСКОГО РАЙОНА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

История строительной деятельности. Наиболее ранние сведения о появлении памятников православного культового зодчества на территории Кикнурского р-на Кировской обл. относятся к нач. XVIII в. В 1705 г. был срублен первый Петропавловский храм в с.Улеш. В те же годы происходит закладка деревянной ц.Благовещения, давшей название селу на р. Большая Кошанга (впоследствии – с.Омшинское-Кинкур). Сведения об архитектурном облике этих построек не сохранились. Вероятно, это были обычные храмы клецкого типа, устойчивая объемно-планировочная структура которых отразилась в более поздних, дошедших до нас сооружениях (храмы в с.Беляево, Потняк и в д.Круг-Маза-ры).

Деревянное храмостроение в крае не прекращалось и в последующие десятилетия. Старая часовня, построенная в 1805 г., находилась в д.Шардынь. По существующей легенде, с 1820 г. в лесах между д.Шардынь и Исаковская находилась женская старообрядческая (?) пустынь; о количестве и характере построек в ней сведений не сохранилось, известно лишь, что они сгорели в 1926 г. В последние годы перед пожаром в обители находилось до сотни послушниц. В перв. пол. XIX в. деревянные храмы и молитвенные дома появляются в с.Кокшага и Русские Края, несколько позднее – в Макарье и Падерине.

Развитие каменного зодчества в крае можно проследить начиная с 1820-х годов. В это время появляются первые кирпичные храмы – Петропавловская церковь в с.Улеш (1822), и Благовещенская церковь (не сохранилась) в с.Благовещенском (1824). В

1850–1860-е гг. рост численности населения и активизация миссионерской деятельности православных священников привела к оживлению строительной деятельности: крупные храмы закладываются в с. Кокшага (Троицкий, 1856–1861), Падерино (Покровский, 1863) и Русские Края (Троицкий, 1863–1867). В эти же годы перестраивается храм в с. Омшинском (1852–1865), а несколько позднее – в с. Улеш (1874). Ц. Казанской Богородицы возводится в с. Макарье (1877; не сохранилась), а в с. Русские Края трудами духовного подвижника, о. Александра Селивановского возводится целый комплекс монументальных культовых сооружений, единых по композиционному и художественному замыслу (1863–1869). Достаивается Троицкий храм в с. Кокшаге (1889). Последние значительные культовые постройки, возведенные из кирпича, создаются в с. Цекееве (ц. Знамения, 1893; не сохранилась) и в с. Шапте (ц. Владимирская, 1913, архитектор И. А. Чарушин).

Кон. XIX в. был ознаменован всплеском строительства деревянных церквей. Объясняется это тем, что закладывались они, как правило, во вновь открываемых небогатых приходах, желавших обзавестись своим храмом. Церкви возводятся в с. Беляево (ц. Никольская, 1893), с. Круг-Мазары (ц. Александро-Невская, 1895), с. Крестовоздвиженское (Потняк; ц. Воздвижения Креста, 1898), с. Кресты (ц. Богоявленская, 1898; сгорела в 1978 г.). Храмы и часовни появляются в д. Зобенки (1891), д. Нолинских (кон. XIX – нач. XX в.), д. Майда (кон. XIX в.), д. Тырышкино (1909; не сохранилась), д. Большая Лыжня (1900-е гг.) и др.

В нач. XX в. около с. Беляево, в местах, освященных присутствием преподобного о. Матфея, Яранский мужской Пророчицкий монастырь (находился в с. Опытное Поле в 11 км от Яранска; не сохранился) начал строительство скита. Было возведено несколько деревянных зданий, заготовлен кирпич для строительства храма и братского корпуса. После событий 1917 г. начавшиеся работы по закладке фундаментов были приостановлены и больше не возобновлялись.

Группировка памятников. По стилистическим характеристикам кинкурские храмы можно разделить на две основные группы. К первой относятся памятники, построенные в стиле провинциального классицизма – первенцы каменного зодчества в крае (ц. Петра и Павла в с. Улеш, ц. Благовещения в с. Благовещен-

ском), а также более поздние храмы (Троицкие церкви в с.Кокшага и Русские края). Из деревянных построек к этой группе может быть отнесена Скорбященская часовня в д.Большая Лыжня. Из всех перечисленных памятников только Троицкий храм в с.Кокшага представляет собой (кроме колокольни) образец чистого классицизма; в облике других храмов, где использованы восьмигранные ярусные объемы, просматриваются барочные реминисценции. В то же время признаки, свойственные законам классицизма, прослеживаются на протяжении XIX – нач. XX в. в построении памятников иных стилей. К числу таких признаков относятся симметричность планировочной разбивки, геометрическая четкость объема, строгость организации фасадов.

Вторую группу составляют памятники, в архитектурном облике которых нашли отражение веяния “русского” стиля, основанного на использовании традиций древнерусского зодчества XVI–XVII вв. К числу построек этой группы принадлежат деревянные церкви в с.Беляево и Потняк, каменные храмы в с.Падерино и Цыкеево (не сохранился). Наиболее ярким и цельным образом этого стилевого направления служит Владимирский храм в с.Шапте: облик храма отличается характерным пятиглавием, наличием шатровых покрытий, достоверной прорисовкой фасадного декора.

Особую группу образуют часовни. Разнообразные по внешнему виду и не связанные друг с другом стилистически, они были рассчитаны на небольшой приход и выполнены в духе народной архитектуры. Таковы ярусный храм в д.Зобенки, каркасная часовня при д.Нолинские, придорожная часовня-беседка у д. Майда, часовня-столбик Спаса Нерукотворного в д.Шамаки (нач. XX в.).

Планировочная композиция. Большинство культовых памятников района решено по типу продольно-осевого расположения составляющих частей (“корабль”). Эта каноническая компоновка помещений приходских храмов предусматривает строгую последовательность чередования составных частей с востока на запад: алтарь, собственно церковь, трапезная, колокольня, притвор, паперть. Исключением является храм в с. Шапте, трапезную у которого заменил внушительного вида переход между колокольней и храмом; последний, в свою очередь, докомпонован нефами приделов. Промежуточные притворы, соединяющие колокольни с помещениями зимних церквей, дополняют развитую планировочную

структуру памятников в с. Кокшага и Русские Края. Качествами центричной постройки обладает только Большелыжинская часовня.

Часть культовых построек имеет ярусный тип объемно-пространственного построения. Это выражается в использовании композиций, сочетающих восьмигранные формы барабанов или восьмериков на кубическом основании храмов и колоколен (каменные храмы в с. Улеш, Кикнур, Русские Края; деревянные храмы в д. Круг-Мазары и Зобенки). Смена стилевых направлений в архитектуре, пришедшая в провинцию с некоторым опозданием, оказала влияние и на силуэтную прорисовку объемов; результатом этого стало появление таких необычных сооружений, как храмовые колокольни в с. Кокшага, Беяево и Цекеево, угловые башенки ансамбля Троицкой церкви в с. Русские Края, выразительная ступенчатая композиция храма в с. Шапте.

Художественное оформление. У памятников классического направления оно выполнено в строгом соответствии со стилевым контекстом. Эти постройки просты и лаконичны в элементах декора: стены членятся ордерными лопатками или колоннами, ограничиваются карнизами и украшаются только неглубокими прямоугольными нишами. Ярусные колокольни завершаются невысокими шпилями на граненых основаниях. Памятники, сооруженные в "русском" стиле, включают тип шатровой колокольни, широко используются кокошники, килевидные и щипцовые завершения. Но в отличие от пластичных форм русской архитектуры, этот поздний орнамент выглядит суховатым и геометричным. В декоре фасадов деревянных памятников часто применяются традиционные мотивы резьбы по дереву.

С. П. Михайлов (Псков)

СТОЛИЧНЫЕ ХРАМЫ В ГДОВСКОМ УЕЗДЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Строительство храмов в Гдовском у. Санкт-Петербургской губ. в кон. XIX – нач. XX вв. велось достаточно интенсивно. Предлагавшиеся к постройке храмы отличались "городскими" масштабами – большими площадями и сложными структурами

планового решения. Был выработан определенный тип центричного плана развитого креста с заполнением всех четырех компартиментов малыми объемами палаток. Весь периметр стен, как и основные пилоны “средокрестия”, имели богатую, иногда – с перегрузкой, пластику. Храмы обладали стилевой выразительностью. Можно выделить следующие стили: неорусский, с “уклоном” в XVII в. (ц.Св. Петра и Павла в с.Ветвенник), псевдовизантийский (ц.Св. Николы в д. Крапивно, ц.Входа в Иерусалим Посолодина монастыря), модерн со слабо выраженными русскими мотивами (ц.Св. Николы в пог. Каменный конец, ц.Св. Ильи в пог.Черма, ц.Св. Петра и Павла в д.Лаптовицы, ц.Св. Николы в д.Ремда, ц.Св. Петра и Павла в д.Кунестье, ц.Св. Петра и Павла в д.Поличино), яркий русский модерн (ц.Св. Козьмы и Дамиана в д.Гвоздно, см. рис.1).

Большая часть памятников располагается по восточному берегу Чудского озера и представляет собой своеобразную панораму, рассчитанную, очевидно, на осмотр со стороны озера – во время движения судов в Псков и из Пскова. Прослеживая эту панораму с севера на юг мы получаем следующую картину: в устье р.Нарва у д.Скамья стоял храм Ольгин Крест (утрачен); за ним, у д.Доможирка находится ц.Св. Троицы XV в.; далее расположена часовня Св. Николы у д.Козлов берег (архитектор В.В.Виндельбанд, 1875); ц.Св. Николы в пог. Каменный конец (архитектор Д.П.Садовников, 1881–1892); ц.Св. Петра и Павла в д.Лаптовицы (кон. XIX в.); ц.Св. Петра и Павла в д.Поличино (архитектор П.Ф.Пономарев, 1902); ц.Св. Ильи в пог. Черма (архитектор П.Соколов, 1909) завершает Гдовский отрезок панорамы.Сам Гдов некогда украшали собор Св. Дмитрия Солунского (XV в.), цц. Успения Богородицы, Св. Анастасии и Св. Марии Магдалины (XIX в.); в настоящее время храмы утрачены.

Северный фасад
церкви

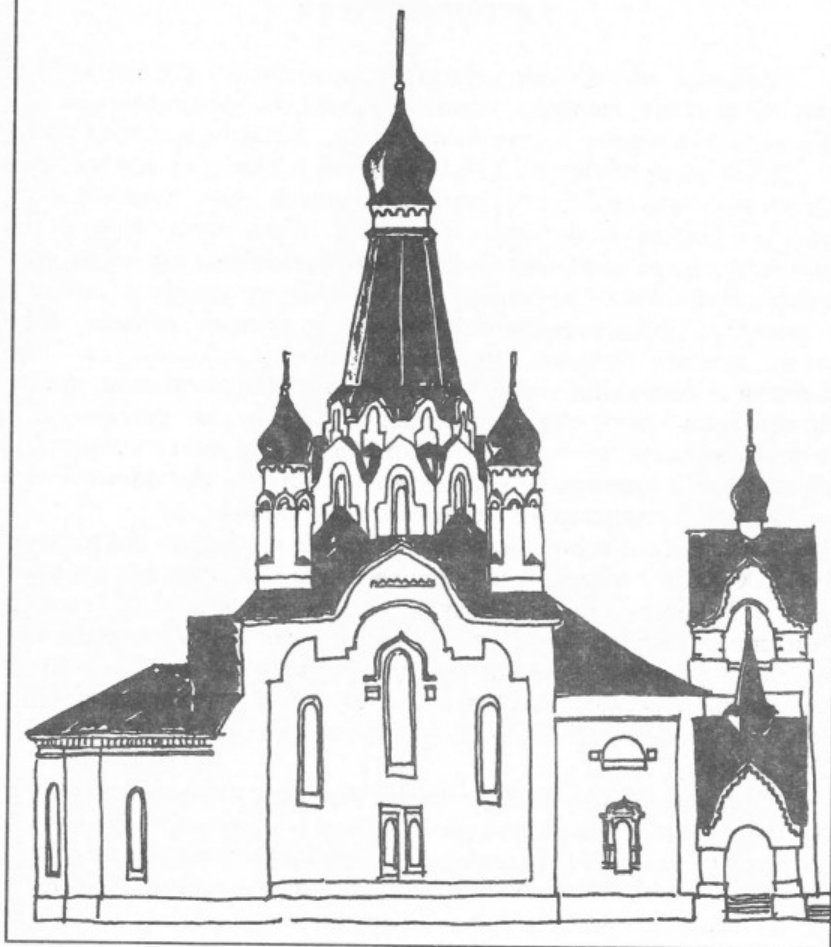

Рис.1. Ц. Козьмы и Дамиана (арх. А.П. Аплаксин) в д.Гвоздно (с авторского чертежа)

ИМУЩЕСТВО СЕЛЬСКИХ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII В.: ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ

Проблема обеспечения храма необходимыми для богослужения предметами являлась одной из наиболее существенных при обустройстве нового церковного здания. Законодательство XVIII в. делало недостижимым идеал дешевой церкви, вынуждая прихожан закупать серебряные или, по меньшей мере, оловянные церковные сосуды и шелковые ризы для духовенства. Имущество сельской церкви складывалось из первоначального взноса от прихожан, состоявшего из необходимых по закону утвари и одеяний, а также из “самопроизвольных” даров по разным поводам. Изучение данного вопроса опирается, главным образом, на “Ведомости о состоянии храмов” (источнике специфическом, содержащем лишь самые общие суждения о “благолепии” храмов и сведения о металле, из которого изготовлены церковные сосуды), а также Описи церковного имущества и Приходо-расходные книги церквей, сохранившиеся в незначительном количестве.

“Ведомость о состоянии церквей” 1802 г., словно подводящая итоги XVIII в., содержит краткие сведения о 82 церквях, из которых в 24 имелась лишь оловянная утварь, а в 58 – купленные “мирскими людьми” серебряные сосуды. Обобщенные оценки состояния церквей дают несколько иную картину: в числе “хорошо благолепием украшенных” названы 44 храма, “посредственно” – 36, “еще украшаются” (вероятно, после пожара или ограбления) 2 церкви.

Свидетельств о формировании церковного имущества известно немного. Обеспечив необходимый минимум, при наличии которого церковь могла быть освящена, прихожане продолжали заботиться о благосостоянии своего храма уже без всякого давления извне. Наиболее часто встречающаяся форма вклада от отдельных лиц была связана с событиями в жизни крестьян – крещение, свадьба, похороны. Наиболее крупные вклады делались “всеми

мирскими людьми". Не обходили своим вниманием храмы и меценаты, главным образом купцы. Иногда имущество церкви пополнялось из "мирских" (принадлежащих волости) сумм, а не за счет церковной казны. Средства для ведения храмового хозяйства поступали и от завещателей.

Наиболее подробные сведения о бюджете приходской церкви обнаружены в книгах "для записки церковной денежной казны". Как правило, доход был невелик – несколько десятков рублей. Средства расходовались на покупку муки и меда для просфор, а также на свечи, церковное вино, масло для лампад, реже – на оплату труда иконописцев. Сохранялась практика выдачи церковных денег нуждающимся прихожанам.

Снабжение храма полностью зависело от прихожан. И, тем не менее, подавляющее большинство храмов, согласно оценки духовного ведомства, вполне соответствовало необходимым для богослужения стандартам. Разобраться в этом можно только рассмотрев обязанности церковного старосты, являющегося посредником в материальных вопросах между приходской общиной и клиром.

Круг обязанностей церковного старосты определен законодательством достаточно приблизительно. Однако нет оснований считать, что в XVIII в. функции старосты выходили за рамки контроля над поступлением и расходованием церковных средств, а также над сохранностью разнообразного имущества, находящегося в храме. Во всяком случае, упоминаний о церковном старосте, являющемся одновременно приходским поверенным или фактически выполняющим обязанности сельского старосты мною не обнаружено.

Ряд документов о взаимоотношениях церковного старосты и клира, хранящихся в архиве Олонецкой духовной консистории, позволяет утверждать, что местные органы церковного управления предоставляли "приходским людям" значительные права в распоряжении имуществом храмов. Основным аргументом в тех случаях, когда объяснения присутствуют, служит то, что у прихожан нет "доверенности" к священно- и церковнослужителям. На первый взгляд, такое объяснение правдоподобно – согласиться с ним позволяют материалы судебных дел. Но, в конечном счете, они все-таки не объясняют, почему консистория и епископ неуклонно поддерживали баланс между правами клира и прихожан в вопросах контроля над имуществом храма: резолюции поступали

и в те приходы, где духовенство не было замечено в хищении приходской собственности.

Объяснение, вероятно, может состоять в следующем. Консистория не располагала существенными возможностями влиять на конфессиональные общины. Во имя создания в храмах “благолепия” архиерей соглашался с традиционным отношением прихожан к церковному имуществу как к своей собственности. И не епископ, а прихожане могли предоставить священно- и церковнослужителям возможность контроля за церковным имуществом. Именно поэтому свидетельства источников весьма разноречивы.

Чаще всего, прихожане оставляли за собой доступ к церковной казне, а за священно- и церковнослужителями – доступ в помещение церкви. Достигалось это путем незатейливой хитрости: ключи от казенного ящика хранились у церковного старосты, а ключи от храма – у духовенства. Об этом свидетельствуют дела об ограблении церквей, при расследовании которых неизбежно вставал вопрос о местонахождении ключей. По замыслу прихожан, обе стороны – и церковный староста, и клир – должны были контролировать друг друга. На деле это приводило к тому, что контроль приходской общины за всем имуществом церкви становился полным: в некоторых приходах священник был вынужден перед началом богослужения посылать пономаря к церковному старосте “для взятия из сундука ключей, где хранится церковный круг книг, для вынута из него Октоиха”. В случае ссоры прихожан со священником или причетниками ограничение доступа клира к церковному имуществу становилось еще более жестким.

Таким образом, позиция прихожан в рассматриваемый период являлась наиболее существенным фактором приходской жизни. Крестьяне самостоятельно, без давления со стороны епископа, решали все проблемы, связанные с формированием и использованием церковного имущества. Массовые источники показывают, что содержание храмов вполне соответствовало требованиям, предъявляемым к “благолепию” церкви: прихожане заботились о состоянии своего храма. Но это была не активность законопослушных граждан, а усердие хозяев. Многообразие приходской жизни по-прежнему не поддавалось регламентации.

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.Н.Заднепровская (Санкт-Петербург)

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ОХРАНЕ И ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ РОССИИ.

Церковно-археологическими учреждениями (ЦАУ) в России в кон. XIX – нач. XX вв. назывались специально созданные в епархиях и подчинявшиеся Духовному ведомству епархиальные комитеты (общества, комиссии), председателем которых обязательно являлся глава епархии – архирей. В ведении этих комитетов находились древлехранилища (музеи церковных древностей), библиотеки и консисторские архивы.

В задачи комитетов входило выявление, учет и охрана памятников церковной древности, находящихся в церквях и монастырях, изучение этих памятников и архивных материалов, касающихся Духовного ведомства, создание специальных музеев, религиозно-просветительская деятельность, изучение и публикация наиболее ценных материалов. В советской литературе, специально посвященной дореволюционной деятельности музеев, краеведческих организаций и охране памятников, сведения об этих учреждениях практически отсутствуют – упоминается церковно-археологическое учреждение при Киевской Духовной академии, очень кратко характеризуется охранная деятельность ЦАУ (Разгон 1957; 1961; 1973).

Первые церковно-археологические музеи были созданы как учебные при Духовных академиях в Москве (1870), Киеве (1872) и в Петербурге (1879). При них существовали специальные комиссии, занимавшиеся пополнением и учетом. В 1880-е годы было создано 8 ЦАУ, в 1890-е – 9. С 1900 по 1910 г. было создано 16 ЦАУ, с 1911 по 1914 – 23. Таким образом, за 40 с небольшим лет

было открыто около 60 ЦАУ почти во всех епархиях – от Смоленска до Якутска.

Резкое увеличение открываемых в нач. XX в. ЦАУ вызвано двумя взаимосвязанными причинами. В широких слоях общества на рубеже XIX–XX вв. возрос интерес к церковным древностям, которые стали рассматриваться в качестве памятников, имеющих историческую, культурную и художественную ценность. В печати появлялись статьи, в которых звучало беспокойство о судьбе памятников, приводились примеры порчи, уничтожения, варварских способов хранения, приводивших к утрате памятников, становились известными случаи воровства и продажи. Ответом на эти новые веяния и стала организация на местах учреждений, которые должны были положить конец этим негативным явлениям. Со своей стороны Синод не мог не откликнуться на новое, спонтанно возникшее движение в епархиях в защиту памятников древности.

В 1906 г. Синод приступил к обсуждению вопроса о создании на основе Синодальной Архивной комиссии центрального органа, которому бы вменялось в обязанность содействовать организации ЦАУ, играть роль координатора, выработать законопроект о статусе ЦАУ. В марте 1908 г. на заседании Архивной комиссии под председательством академика А.И.Соболевского были выработан и отредактирован проект “Положения о церковно-археологических комитетах” и “Правила архивно-археологической комиссии при Св.Синоде”. В этой работе принимали видные ученые Петербурга – Н.П.Кондаков, Н.В.Покровский, Я.И.Смирнов, А.А.Спицын, Н.И.Веселовский, Д.В.Айналов, Н.П.Лихачев и др. В том же году проект “Положения” был опубликован вместе со сводкой о консисторских архивах и уже существующих ЦАУ. В 1909–1911 гг. Синод продолжал обсуждать проект “Положения”, но в Совет Министров он так и не был передан.

Работа в ЦАУ велась в следующих основных направлениях: разработка программ деятельности; выявление, охрана и изучение памятников церковного искусства; приведение в порядок консисторских архивов; создание древлехранилищ и библиотек. Особенно плодотворно работа велась в Воронежском комитете, созданном в 1901 г. Широкого размаха достигла музейная деятельность комитетов. С 1900 по 1917 г. в 20 городах епархиальные музеи издали свои путеводители или каталоги. Научная деятельность заключалась в изучении и публикации памятников церковной

древности и архивных материалов. ЦАУ участвовали в Археологических съездах, организуя на выставках к съездам отделы, посвященные церковному искусству. Кроме каталогов и путеводителей примерно треть комитетов издавала свои труды. Они выходили нерегулярно и количество их было ограничено. Статьи сотрудников ЦАУ печатались на страницах епархиальных ведомостей. Просветительская деятельность заключалась в проведении экскурсий по древлехранилищам, организация выставок из собраний ризниц. Заслуживает внимания организация в 1904 и 1912 гг. Тверским церковно-археологическим комитетом и Тверской ученой комиссией публичных лекций для духовенства по русской истории и церковному искусству.

В 1913 г. на Предварительном съезде по устройству Первого Всероссийского съезда деятелей музеев была создана церковно-археологическая секция; на ней обсуждались насущные проблемы епархиальных древлехранилищ и ставился вопрос о съезде церковно-археологических музеев.

В развитии деятельности ЦАУ можно наметить три этапа. Первый этап связан с созданием первых учебных музеев при Духовных академиях (1870–1880-е гг.). Второй этап охватывает период с 1890-х гг. по 1908 г. и характеризуется ростом количества открываемых комитетов и расширения их полномочий. Начало третьего этапа, не получившего завершения, положили опубликованные в 1908 г. законопроекты о Центральной архивно-археологической комиссии и ЦАУ. И хотя эти законопроекты не были утверждены, они содействовали открытию новых комитетов, их организационной деятельности, расширению правовой базы ЦАУ. В последующие годы делались попытки привлечь внимание государственных органов и общественности к нуждам и задачам этих учреждений, но война, а затем революция не дали осуществиться начинаниям. В 1917 г. ЦАУ были упразднены, а коллекции древлехранилищ переданы в государственные музеи.

Деятельность ЦАУ продолжалась немногим более 40 лет. Они находились во многом в стадии становления, испытывая как объективные трудности (финансовые, отсутствие помещений), так и субъективные (отсутствие правовой базы, методологических основ). Но, несмотря на это, немногочисленным сотрудникам-энтузиастам удалось сделать немало, особенно в деле выявления и сохранения церковных древностей.

Разгон А.М.1957. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917 гг.) // История музейного дела в СССР. М.

Разгон А.М. 1961. Археологические музеи в России (1861-1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Вып.3. М.

Разгон А.М. 1973. Исторические музеи в России. 1861-1917. \ Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Саратов.

Н.Н.Жервэ (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДСКИХ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ (ВТ.ПОЛ.XIX – НАЧ.XX ВВ.)

Интерес к новгородским церковным древностям появился уже в перв.пол.XIX в., но собрание памятников местной церковной старины началось во вт.пол.XIX в. Инициатором этого явился новгородский протоиерей **Николай Гаврилович Богословский (1824-1892)**. Оставаясь до конца жизни лишь археологом-любителем, он, тем не менее, сумел собрать обширную и достаточно ценную археологическую коллекцию, лучшую часть которой составляли древние церковные предметы, принадлежавшие церквям и монастырям Новгородской епархии. Исполняя обязанности секретаря губернского статистического комитета, Николай Гаврилович получил разрешение “осмотреть все монастыри и церкви Новгородской епархии и собрать достопримечательные памятники, которые стали бы собственностью музея” (НГМ ОПИ, ф.Богословского, ед.хр. 9883, л.1 об.), учрежденного при губернском комитете в 1865 г. В продолжении нескольких лет Богословский с большим энтузиазмом осуществлял эту работу. В результате новгородское древлехранилище сделалось настолько богатым, что на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в С.-Петербурге экспозиция из коллекции музея заслужила очень высокие и лестные отзывы русских и европейских ученых. О ценности собранной Н.Г. Богословским коллекции свидетельствует и тот факт, что в кон.70-х – нач.80-х годов по указу Святейшего Синода (№ 1486) значительная часть предметов (свыше 2 тыс.) была взята из Новгорода в С.-Петербург. Для “отбора” в Новгород был направлен Н.В.Покровский – большой специалист и знаток церковно-

археологических древностей.

Дальнейшее пополнение коллекций музея осуществлялось за счет кладовых и ризниц новгородских церквей и монастырей, но после ухода Н.Г.Богословского в отставку (1878) дело было организовано плохо. Только в кон.ХІХ – нач.ХХ вв. наблюдается новый подъем интереса новгородского общества к церковно-археологическим древностям. Во многом это определялось общим подъемом и развитием археологической науки, более серьезным и глубоким интересом к древнерусской культуре и ее памятникам. Новгород – важнейший древний религиозный центр – обладал поистине уникальными церковными древностями, изучением и собиранием которых частично занимались губернская ученая архивная комиссия и Новгородское общество любителей древностей.

Выставка икон, устроенная летом 1911 г. во время XV Археологического съезда, показала, сколь ценные древние образцы новгородской иконописи подчас все еще пылятся и гибнут на чердаках, колокольнях, в подвалах церквей и монастырей. И в 1912 г. был, наконец решен вопрос о создании в Новгороде Церковно-археологического общества (НЦАО). Инициатором создания общества и его главой стал новгородский архиеп.Арсений. Основные задачи, устав и направления деятельности общества были обсуждены на двух организационных собраниях в мае и октябре 1912 г.

Перед НЦАО были поставлены следующие задачи:

1. Охрана существующих памятников церковной старины в Новгородской епархии.
2. Описание и выявление существующих в соборах, монастырях и церквях древних предметов, книг и рукописей.
3. Образование церковно-археологического древлехранилища из письменных и вещественных памятников.

Особое внимание обращалось на богатство церковных архивов, судьба которых часто складывалась не лучшим образом. Исходя из поставленных задач общество предполагало осуществлять работу в следующих направлениях:

1. Описание и изучение архивов церквей, монастырей, духовно-учебных заведений; выделение из архивных материалов наиболее важных для сосредоточения в архиве общества.
2. Наблюдение за сохранностью старинных храмов, икон, церковной утвари.

3. Просветительская деятельность среди духовенства и местного общества – чтение публичных лекций, печатание материалов и научных исследований по истории и археологии местного края, составление историко-статистического описания епархии с привлечением к этой деятельности специалистов-ученых.

Относительно реставрации храмов и других памятников старины общество должно было действовать в согласии с ИАК.

Торжественное открытие НЦАО состоялось 3 января 1913 г. в Епархиальном доме. Там впоследствии проводились и все заседания общества. При НЦАО создавались: библиотека, исторический архив, церковно-археологическое древлехранилище (с письменными и вещественными памятниками). Права пользования этими учреждениями имели не только члены общества, но и сторонние лица. Деятельность НЦАО нашла отражение в регулярных публикациях на страницах новгородских епархиальных ведомостей, а также в сборнике трудов общества «Новгородская старина», выпущенном в 1914 г.; там были опубликованы и журналы собраний общества за 1913-1914 гг. Анализ этих публикаций и документов фонда НЦАО в ОПИ НГМ позволяет оценить конкретные результаты деятельности общества по всем намеченным направлениям.

Направления деятельности общества и конкретные результаты.

1. *Сбор материалов по истории церквей и монастырей Новгородской губ.* Уже в 1913 г. были получены описания Мало-Кириллова и Сквородского монастырей, Борисоглебской и Ковалевской церквей, Реконьской пустыни и др. (НГМ ОПИ, ф.НЦАО, ед.хр.11670, л.2, 5, 7, 8).

2. *Сбор сведений и описаний церковных древностей (утвари, икон, книг и рукописей).* Сведения получали путем рассылки запросов, направлявшихся в церкви, монастыри и духовные училища. Эти сведения имели первостепенное значение для осуществления охранных мероприятий в отношении тех церковных древних предметов, которые уже не использовались при богослужении, но имели определенную историческую ценность. Конечно, далеко не всегда по полученному описанию можно было определить таковую, но практическая реализация этих сведений позволила обществу в течении нескольких лет пополнить коллекцию древлехранилища целым рядом уникальных предметов. В 1913 г.

были получены данные об уникальной библиотеке Феофана Прокоповича, находившейся в фундаментальной библиотеке Новгородской духовной семинарии (НГМ ОПИ, ф.НЦАО, ед.хр.11670, л.5). Было получено несколько десятков вещей из Ковалевской церкви, Рдейской пустыни, Дымского монастыря (царские врата), Кирилло-Новоезерского монастыря (149 рукописных книг и 7 икон), Никитской (9 панагий, 5 наперстных крестов, 1 евангелие), Молотковской (образ Св.Софии), Успенской (икона "Осада Новгорода суздальцами) церковью Новгорода. В 1914-1918 гг. древлехранилище пополняется еще рядом ценных предметов и икон из Сыркова монастыря, Тихвинского Введенского монастыря, Власьевской церкви, Юрьева монастыря, Вяжицкого монастыря (косяной посох) и др. (там же, л.15-68).

Данные входящего реестра о передаче вещей в Древлехранилище дополняются сведениями инвентарной книги, содержащей опись письменных и вещественных памятников старины, поступивших в древлехранилище с 1913 по 1925 г. (НГМ ОПИ, ф.НЦАО, ед.хр.4445). Большой приток поступлений начинается с 1917 г. – древние книги из библиотеки братства Св.Софии, церковные предметы и иконы из Софийского собора, а в 1921-1925 гг. из фондов губмузея, куда поступали вещи из различных закрытых и расформированных церквей и монастырей Новгородской губ.

3. Борьба за реставрацию и сохранность памятников архитектуры и живописи. 1913 – фиксация данных о плохом состоянии чудотворной иконы Св.Николая в Никольском соборе и о необходимости ее реставрации; участие в расчистке фресок ц.Рождества на кладбище; ремонт деревянной ц.Дмитрия Солунского в Белозерском у. (НГМ ОПИ, ф.НЦАО, ед.хр.11670, л.10, 12, 13). **1914** – охрана от разрушения и необходимые ремонтные работы в Кирилло-Белозерском монастыре; участие в реставрации ц.Федора Стратилата (там же, л.18 об., 20 об.). **1915** – фиксация необходимости ремонта ц.Никола Мученика и Спасской башни Детинца (там же, л.39, 43). Тогда же были получены указания Кондакова, какими мерами можно содействовать охране и изучению памятников новгородской церковной старины. **1916-1917** – активное участие в судьбе сохранения Нередицких росписей.

4. Просветительская и издательская деятельность. О них можно судить, прежде всего, по единственному, но достаточно со-

лидному изданию – “Новгородская церковная старина” (Труды НЦАО, т.1, Новгород, 1916).

В адрес НЦАО приходили многочисленные письма от частных лиц с сообщениями о тех или иных древностях. Благодаря полученным сведениям появилась возможность своевременно обнаружить и взять под охрану ранее неизвестные древние предметы. Так было собрано и спасено от гибели множество книг, рукописей, памятников прикладного искусства. НЦАО поддерживало тесные связи с Новгородским обществом любителей древности (председатель которого, М.В.Муравьев являлся одновременно и членом НЦАО), с Псковским церковно-археологическим обществом (создано в 1909 г. по инициативе архиеп.Арсения), а также с археологическими обществами Москвы и С.-Петербурга. С 1918 по 1925 гг. продолжало функционировать только Древлехранилище НЦАО. Фонды его в 1925 г. вошли в состав Новгородского музея древнего и нового русского искусства.

Н.А.Хан (Киров)

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

Церковная археология получила развитие в провинциях Российской империи во вт. пол. XIX в. Толчком к развитию этого направления стали Археологические съезды (АС): фиксация и описание памятников, их введение в научный оборот во многом происходили именно в рамках работы подготовительных комитетов. Большую роль сыграла и деятельность Императорской Археологической комиссии, направлявшей в провинциальные центры циркуляры, методические и нормативные указания. Систематическая работа по выявлению и изучению памятников церковной археологии в большинстве провинций России начинается позднее и связана с деятельностью ученых архивных комиссий, обществ и кружков любителей старины.

Типичная ситуация сложилась в этом отношении в Вятской губернии. Впервые вятские церковно-археологические древности в более или менее систематизированном виде были обнародованы на VII АС в Ярославле в 1887 г. Целенаправленное описание и фикс-

сация церковных древностей начались позднее – в нач. XX в. Они связаны с деятельностью Вятской ученой архивной комиссии (ВУАК), придававшей с самого начала своей деятельности большое значение изучению и пропаганде истории и археологии края (в том числе – памятникам церковной археологии). Значительный вклад в изучение памятников старины вносили энтузиасты-церковнослужители. В организационном отношении в ВУАК была создана подкомиссия (И.Я.Сырцов, И.М.Осокин), которая вела собирательскую работу – изучение, сбор и сохранение памятников церковной археологии. Это вылилось в учет, регистрацию, музеефикацию и пропаганду церковно-археологических древностей. Эти работы успешно проводились И.М.Осокиным, обследовавшим в 1914–1917 гг. церкви и монастыри вдоль среднего и нижнего течения р.Вятка. В 1912 г. по инициативе ВУАК и при содействии Вятской епархии был открыт Трифоновский церковно-археологический музей. Экспозиция музея имела четкую структуру (7 отделов), музей активно формировал фонды, публиковал отчеты и каталоги-путеводители.

Сходная ситуация фиксируется и в другой провинции Российской империи – в Туркестанском генерал-губернаторстве. Здесь существовали Туркестанский кружок любителей археологии, Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока. Члены этих кружков, главным образом – представители русскоязычной военной, гражданской и духовной интеллигенции, основное внимание уделяли в своей деятельности обнаружению памятников, относящихся к распространению христианства на территории Средней Азии. Именно тогда была впервые высказана мысль о том, что проникновение христианства в этот регион началось еще в парфяно-сасанидскую эпоху. Члены кружков обследовали и фиксировали конкретные памятники, в том числе – такие, как несторианские кладбища в долине р.Сумбар в юго-западной Туркмении. Успехи среднеазиатских историков-краеведов были столь значительны, что только Октябрьский переворот сорвал попытку проведения очередного АС в Ташкенте.

Различная историческая и религиозная ситуация в разных регионах России определяли разный уровень подготовки местных краеведческих сил, что, в конечном счете, определяло и уровень сбора сведений, охраны памятников и их музеефикации. Описания церковно-археологических памятников велись в рамках

краеведческих объединений и были направлены на сохранение и пропаганду местных святынь и древностей.

Р.В.Васильева (Санкт-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ РУКОПИСНОГО АРХИВА ИИМК РАН КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КРАТКИЙ ОБЗОР ФОНДОВ)

В последнее время заметно оживился интерес к изучению христианской культуры. Это диктует необходимость введения в научный оборот новых источников, в том числе – материалов архивов, остающихся малоизвестными или вовсе неизвестными широкому кругу специалистов.

Сказанное относится к материалам одного из старейших архивов Санкт-Петербурга – Рукописному архиву ИИМК РАН (РА ИИМК). Архивохранилище уникально: в силу обстоятельств возникновения и фондообразования здесь на протяжении более ста лет собирались и хранились документы узко тематической направленности – связанные с археологическими раскопками и охраной памятников старины всех видов и категорий.

РА ИИМК берет свое начало в сер. XIX в. – с момента основания Императорской Археологической комиссии (ИАК). Являясь хранилищем документов, связанных с практической деятельностью ИАК, архив собрал значительную коллекцию документов по истории археологических изысканий в России и по охране памятников старины, их учету и реставрации. После революции архив целиком передается в ведение Российской академии истории материальной культуры. В 1930-е годы к документам архива были присоединены материалы ликвидированных после октябрьских событий 1917 г. учреждений – Русского археологического общества (РАО), Московского археологического общества (МАО) и некоторых просветительских организаций Петербурга. В эти же годы архив пополняется рядом личных фондов.

В настоящее время РА ИИМК продолжает получать документы текущей деятельности ИИМК и материалы личного происхождения от сотрудников ИИМК. На учете в архиве сто фондов, в

том числе – около 70 фондов личного происхождения. Хронологические рамки документов охватывают период от кон. XVIII в. до 1990-х годов.

Для круга проблем христианской культуры и церковной археологии источниковедческий потенциал документов РА ИИМК позволяет исследовать следующие основные направления:

а) история возникновения научного направления “Церковная археология”, его задачи, предмет исследования, методы; роль направления в процессе исследования памятников христианской культуры; развитие направления на протяжении XIX в. – период накопления материалов, первые попытки обобщений, деятельность РАО и МАО, расширение круга источников, подготовка монографических исследований и трудов (Кондаков, Ростовцев, Покрышкин, Шляпкин, Сычев и др.);

б) охрана памятников христианской культуры; законодательство по охране памятников (XIX–XX вв.); деятельность ИАК, обществ по охране памятников старины, комиссий при ГАИМК, музейных комиссий;

в) реконструкция и реставрация памятников – проекты, сметы, отчеты, изобразительная и графическая документация, применение методов естественных наук в реставрации (ИАК);

г) учет памятников старины; сбор статистических сведений по памятникам древности (1826); учет памятников церковного зодчества (1887); анкеты и паспорта на памятники; метрики церквей; практические мероприятия по претворению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства (1918) и Декрета об изъятии церковных ценностей (1922); проведение переписи всех церковных построек и утвари всех церквей, паспортизация оставшихся после изъятия церковных ценностей (1930-е).

В РА ИИМК хранится обширная изобразительная документация, представленная коллекцией чертежей и рисунков, собранной еще в ИАК и пополнившейся в 1930-е годы. Объем коллекции превышает 60 тыс. листов разного формата и техники исполнения. Большая часть материалов – подлинники, многие из которых никогда не публиковались. В ряде случаев материалы этой коллекции представляют объемный (и даже полный) комплект изобразительной документации по истории реставрации архитектурных и живописных памятников церковного искусства. Среди подлинников находятся обмерные чертежи храмов Новгорода (П.П.По-

крышкин и В.В.Суслов), Пскова и Владимира (Н.Н.Воронин и Н.П.Сычев), акварели копий икон и фресок Софии Киевской (Ф.Солнцев), рисунки внутренней живописи Успенского собора Московского Кремля (неизвестный художник, 1863), рисунки литургических предметов, архитектурных декоров и фасадов (Н.В.Султанов и Н.П.Сычев). Среди уникальных материалов фонда – авторские чертежи поэтажных планов Мраморного дворца (кон. XVIII – сер. XIX вв.), рисунки колоколов и древнерусских надписей. В целом, материалы коллекции в сочетании с письменными документами являются важными источниками для изучения различных аспектов христианской истории и культуры. Прикладное значение этих документов, используемых при современных реставрационных работах, трудно переоценить.

А.Е.Королев (Псков)

ИСТОРИЯ ПСКОВСКОГО КРАЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Богатая историческими событиями и памятниками старины Псковская земля побуждала к исследованиям не только профессиональных историков, но и лиц самых разных профессий, в том числе – священнослужителей: священников сельских приходов, монахов и настоятелей монастырей, иерархов Русской церкви.

О деятельности митроп. Евгения (Болховитинова) написано много (за последнее время – Жервэ 1994; Егорова 1994). Напомню только, что владыка был архиепископом Псковским в 1816–1822 гг. В 1821 и 1824 гг. появились составленные им описания ряда псковских монастырей (Евгений 1821; 1824), в 1825 г. вышла “Летопись древнего словено-русского княжеского города Изборска” (Болховитинов 1825), в 1831 г. была опубликована “История княжества Псковского” (Евгений 1831); в недавнее время была переиздана составленная Болховитиновым “Сокращенная Псковская летопись” (Болховитинов 1993).

Занимались исследованиями псковских древностей и другие псковские владыки. Еп. Псковский и Порховский Павел, занимавший кафедру в 1869–1882 гг., изучал историю владычных палат Пскова (Павел 1881). Архиеп. Псковский и Порховский Арсений,

пребывавший в Пскове с конца 1903 г., стал инициатором учреждения Псковского церковного историко-археологического комитета, организовавшего систематические исследования псковских церковных древностей. Председателем Комитета был избран прот. Анастасьевской церкви В.Д.Смиречанский, известный своими работами по истории Псковской епархии (Смиречанский 1875; 1878; 1895). Составлением краткого историко-статистического очерка ц. Успения с Полонища занимался секретарь Комитета А.С.Ляпустин – священник этого храма, окончивший в 1905 г. одновременно Духовную академию и Археологический институт в Санкт-Петербурге. В 1910 г. был издан первый том трудов Комитета (Псковская 1910). Редактором изданий Комитета и хранителем его музея был преподаватель Псковской духовной семинарии Н.И.Серебрянский, магистр (1909), доктор церковной истории, автор ряда работ по истории псковского монашества (Серебрянский 1903; 1904; 1908).

Лица духовного звания принимали участие и в работе Псковского археологического общества (ПАО). Архиеп. Арсений являлся почетным членом ПАО с 1907 г., еп. Тобольский и Сибирский Алексей – с 1911 г. Членами ПАО были кандидат богословия, свящ. Н.П.Быстров, ректор Псковской духовной семинарии Герасим, еп. Псковский и Порховский Евсей (почетный член с 1912 г.), наст. псковского Старо-Вознесенского женского монастыря Онуфрия, свящ. В.Г.Черепнин (с 1916 г.) и др. В “Псковских губернских ведомостях” и в “Псковских епархиальных ведомостях” регулярно появлялись небольшие статьи и историко-статистические очерки, посвященные отдельным церквям, монастырям, местностям Псковского края; позднее некоторые из них издавались брошюрами.

Свящ. Ф.В.Загорский опубликовал в “Псковских епархиальных ведомостях” за 1900 г. летопись псковского Николо-Любятковского монастыря. Появились описания Святогорского Успенского монастыря (игум. Иоанн), Спасо-Преображенского Мирожского (еп. Амвросий), Спасо-Елеазарова (иером. Иосиф), Старо-Вознесенского монастырей (свящ. А.К.Березский), ц. Георгия со Возза, Петропавловского собора (свящ. В.Д.Щукин) и др. (Амвросий 1913; Иоанн 1899; Старо-Вознесенский 1862; Иосиф 1858а; 1858б; Добрянский 1866; Березский 1887; Щукин 1883). Известны своей краеведческой деятельностью свящ. Г.В.Лебедев и наст.

Троицкого собора М.И. Кунинский (Евлентьев 1874; Егорова 1992). В 1888 г. ПАО издало "Выписку из домашней летописной книги священника Козьмодамианской церкви г.Пскова О.И.Негоновского", в которой сообщается о событиях кон. XVIII – нач. XIX вв. Свящ. Н. Милевский публиковал на протяжении ряда лет описания свитков, хранящихся в архиве Губернского Правления (Милевский 1841–1845), а прот. Троицкого собора в г.Острове Н.Панов составил "Летопись Острова и его уезда".

Многие ученые, интересовавшиеся псковской стариной, происходили из семей священнослужителей или же получили духовное образование. Г.М.Князев (1858–1919), известный литературовед, историк славянофильства, родился в семье священника в г. Пскове; в 1884 г. он опубликовал исследование по древней топографии Пскова (Князев 1884). Другой пскович, филолог-славист И.Е.Евсеев (1868–1921), окончил в Пскове духовное училище и семинарию, а затем Петербургскую духовную академию; его перу принадлежит заметка о псковских древностях (Евсеев 1908). Уже упоминавшийся свящ. Н.П.Быстров написал ряд работ по истории Елинского прихода Островского у. (Быстров 1898; 1902). Исследователи псковской старины были и среди преподавателей Псковской духовной семинарии. Так, А.К.Положенский в 1876 г. прочитал лекцию об уничтожении псковского веча в 1510 г.; В.Д.Грацилевский, составивший описание музея Псковского церковно-исторического комитета, собирал материалы о городищах Островского и Опочецкого у. для археологической карты Псковской губ., подготавливавшейся к XVI Археологическому съезду; инспектор семинарии А.С.Князев составил указатель достопримечательностей Пскова (Князев 1858).

Как видно из всего вышеизложенного, лицам духовного звания в Пскове и на Псковщине не было чуждо то, что находилось вокруг них и составляло неотъемлемую часть псковской провинциальной жизни – памятники старины, прежде всего – памятники церковной архитектуры, история церквей и монастырей, с которыми они были связаны в своей деятельности. Духовное образование предполагало некоторую почву, достаточную для занятий историей. Но в большинстве своем это было любительское увлечение, не претендующее на высокий профессионализм.

Амвросий. 1913. Псковский Спасо-Мирожский монастырь. Рязань.

- Березский Ал. 1887. Историко-археологический очерк Псковоградского Георгиевского со Взвоза храма. Псков.
- Болховитинов Е.А. 1825. Летопись древнего словено-русского княжеского города Изборска. СПб.
- Болховитинов Е.А. 1993. Сокращенная Псковская летопись, избранная из разных российских и чужестранных летописей и особенно из Псковской. Псков.
- Быстров Н.П. 1898. Намогильные кресты Елинского прихода и его окрестностей // Псковские губернские ведомости, №11.
- Быстров Н.П. 1902. Покровская церковь погоста Елин Островского уезда Псковской губернии и Елинский приход. Историко-статистический очерк. Псков.
- Добрянский П. 1866. Краткое описание погоста Виделебья (в Псковском уезде) // Псковские губернские ведомости, №57.
- Евгений (Болховитинов) 1821. Описание монастырей Иоанно-Богословского Крыпецкого и Рождества-Богородицкого Снеготорского с прибавлением списка преосвященных архиреев псковских. Дерпт.
- Евгений (Болховитинов). 1824. Описание Иоанно-Предтечева Псковского монастыря. Дерпт.
- Евгений (Болховитинов). 1831. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Т.1-3, Киев.
- Евлентьев К. 1874. Священник Г.В. Лебедев (некролог) // Псковские губернские ведомости, № 24, 28.
- Евсеев И. 1908. Памятники старины. Псков. // Новое время, №11665 (СПб).
- Егорова Т.В. 1992. Из фондов древлехранилища // Новости Пскова, 19 марта.
- Егорова Т.В. 1994. Митрополит Евгений (Болховитинов) и Псков // Земля Псковская, древняя и современная. Псков.
- Жервэ Н.Н. 1994. Русский Миллер // Вестник Псковского вольного университета, т.1, №1.
- Иоанн. 1899. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков.
- Иосиф. 1858 а. Описание Спасо-Елсазарова монастыря. СПб.
- Иосиф. 1858 б. Историческая достоверность сказания Степенной книги о первоначальной святине г. Пскова. СПб.
- Князев А.С. 1858. Указатель достопримечательностей г. Пскова. М.
- Князев Г.М. 1884. Заметка по древней топографии Пскова. Псков.
- Милевский Н. 1841-1845. Археографическое описание древностей гор. Пскова, сохранившихся в настоящее время // Псковские губернские ведомости.
- Павел. 1881. Летописное разъяснение о владычных палатах в Пскове, построенных архиепископом Новгородским и Псковским Макарием. Псков.
- Псковская старина. 1910. Труды Псковского церковно-исторического комитета. Т.1. Псков.
- Серебрянский Н. 1903. О редакциях жития Саввы Крыпецкого. СПб.
- Серебрянский Н. 1904. О редакциях жития преподобного Никандра Псковского. СПб.
- Серебрянский Н. 1908. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества // ЧОИДР. кн.3, М.

Смиречанский В. 1875. Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии. I. Псковская епархия в период зависимости от повгородского владыки. Псков.

Смиречанский В. 1878. Исторический очерк о Псковской епархии // Псковский статистический сборник 1877 г. Псков.

Смиречанский В. 1895. Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии. Остров.

Старо-Вознесенский женский монастырь в г. Пскове с присовокуплением статьи игумена Агна. 1862. СПб.

Щукин В.Д. 1883. Петропавловский собор в Пскове. Псков.

В.А.Калинин (Санкт-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЦЕРКОВНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ В ФОНДЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ФОТОАРХИВЕ ИИМК РАН

Основу специализированного фотоархива составляют коллекции фотоснимков и негативов Императорской Археологической комиссии (далее – ИАК), значительная часть которых отражает все поднимаемые на конференции "Церковная археология (русская церковная археология в истории материальной культуры)" проблемы.

Значительные объемы материалов, отложившихся в фонде №1 – ИАК, не позволяют представить в данной работе подробную опись, существующую в архиве. Связанные с изучением церковных зодчества, иконописи и декоративно-прикладного искусства материалы будут раскрыты кратко – по картотеке фондов, то есть обозначены инвентарные номера и количество единиц хранения, скрывающиеся за ними.

Материалы сконцентрированные в фонде №1 – фонде ИАК.

Иив. №№1–20315. Древности и реставрация памятников архитектуры. Негативов – 19940, отпечатков – 10298. Сп. И.Ф.Чистякова, 1896–1917 гг.

Иив. №№50288–50456. Реставрация икон Зимнего дворца. Коллекция "Комиссии по реставрации икон Зимнего дворца" под председательством А.А.Шириинского-Шихматова. Реставраторы братья Чириковы. Негативов – 171, отпечатков – 142. Сп. фотографа В.М.Машечкина, 1915–1916 гг.

Иив. №№53554–53707. Реставрация Ипатьевского монастыря в г.Костроме под руководством Д.В.Милсева. Сп. И.Ф.Чистякова, 1911–1913 гг. Негативов – 155, отпечатков – 142.

Инв. №№86941–87260. Реставрация Ипатьевского монастыря в г.Костроме под руководством Д.В.Милеева. Сп. И.Ф.Чистякова, 1911–1913 гг. Негативов – 268, отпечатков – 239.

Инв. №55724. Материалы путешествия Н.П.Кондакова в Македонию в 1900 г. и на Афон в 1898 г. Сп. художника-фотографа Д.А.Крайнева. Негативов – 4, отпечатков – 749.

Инв. №№А 8892–9206. Коллекция "Комиссии по реставрации Большого Успенского собора в Москве" под председательством А.А.Шириного-Шихматова. Руководитель работ П.П. Покрышкин. №№А 8892–А 8989 – Сп. с подписью С.Милорадовича. Негативов – 4, отпечатков – 315.

Инв. №А 92225. Коллекция "Летопись Русского зодчества". XI–XX вв. Сп. до 1917 г. Ориентировочная опись составлена П.П.Покрышкиным. Негативов – 8, отпечатков – 642.

Коллекция №8. Виды старинных кавказских памятников (монастырей, церквей, крестных камней) в границах быв. Тифлиской и Эриванской губ. Сп. фотографа М.Папаянца, 1889–1892 гг.

Коллекция №45. Икона Александра Невского 1759 г. из церкви Васильевского логоста Новоладожского у. Сп. В.М.Машечкина, декабрь 1914 г. Негативов – 6, отпечатков – 6.

Коллекция №154. 1) Материалы обследования Георгиевского собора в г.Юрьеве-Польском Владимирской губ., произведенного К.К.Романовым по заданию ИАК в 1909–1910 гг. (общие виды собора, детали порталов, декорировки стен, рельефов, кладок и раскопок); 2) Материалы реставрации Троицкого собора Ипатьевского монастыря в г.Костроме под руководством Д.Милеева в 1912 г.; 3) Кальки фресок Мирожского монастыря в Пскове, исполненные В.В.Сусловым в 1893 г.; 4) Церковь Илии в Витебске. Сп. И.Ф.Чистякова, 1909–1912 гг. Негативов – 364, отпечатков – 339.

Коллекция №163. Раздел II. Реставрация Ипатьевского монастыря в г.Костроме под руководством Д.В.Милеева. Сп. И.Ф. Чистякова, 1911–1913 гг. Негативов – 58, отпечатков – 56; Раздел III. Реставрация Троицкого собора Макарьевского-Желтоводского монастыря Нижегородской губ. под руководством епархиального архитектора А.Н.Полтанова. Сп. Д.В.Милеева и губернского архитектора А.Иванова, 1907 г. Негативов – 55, отпечатков – 55; Раздел V. Ремонтные работы в церкви Успения Божией Матери в Кожевниках в г.Москве. Сп. 1903 г. Негативов – 5, отпечатков – 5; Раздел VI. Церковное зодчество Олонцкой губ. Сп. Леонтовского, до 1917 г. Негативов – 36, отпечатков – 36; Раздел VII. Памятники северного церковного зодчества. Сп. А.П.Удаленкова, 1918 г. Негативов – 95, отпечатков – 95; Раздел VIII. Памятники церковного зодчества Свияжска и Самарской губ. Сп. до 1916 г. Негативов – 30, отпечатков – 30; реставрационные работы в Архиерейском доме в Вологде. Сп. П.П.Покрышкина, 1902 г. Негативов – 13, отпечатков – 13; Раздел IX. Реставрация фресок церкви Спас на Берестове в г.Киеве. Материалы поездки П.П.Покрышкина. Сп. 1914–1915 гг. Негативов – 67, отпечатков – 62; Раздел XIV. Раскопки Д.В.Милеева на Митрополичьей усадьбе в г.Киеве. Сп. 1909–1910 гг. Негативов – 37, отпечатков – 37; Раздел XV. Раскопки Д.В.Милеева Борисоглебского храма на Смядыне в Смоленске. Сп. 1908 г. Негативов – 62, отпечатков – 62; Раздел XVI. Раскопки Д.В. Милеева в Софийском соборе в г.Киеве. Сп. 1909 г. Негативов – 21, отпечатков – 21; Раздел XVIII. Материалы к работе И.А. Шляпкина "Палсография"

(церкви в Волоотово, Спас на Ковалево). Сп. до 1917 г. Негативов – 25, отпечаток – 1; Раздел XIX. Материалы к различным работам: рисунки 1884 г. и др. лет В.В. Сулова с памятников церковного зодчества. Негативов – 10; материалы к делу №254/1903 г. о Троицком соборе Петроградской стороны г.Петербурга. Сп. И.Ф.Чистякова, 1903 г. Негативов – 6, отпечатков – 6; Раздел XX. Материалы раскопок Д.В.Милеева Десятинной церкви в г.Киеве и Борисоглебского храма на Смядыне в г.Смоленске. Сп.1908–1909 гг. Негативов – 233, отпечатков – 233.

Коллекция №228. Памятники церковного зодчества Кавказа. Сп. Д.Ермакова и О.Куркьянца, 1876–1894 гг. Негативов – 7, отпечатков – 92.

Коллекция №331. Материалы по русской архитектуре. Сп. до 1917 г. Негативов – 52, отпечатков – 498.

Материал не прошедший процесса научно-технической обработки: инв. №№36636–36718. Миниатюры жития Преподобной (благочестивой княгини) Анны Кашиной. Сп. И.Ф.Чистякова, до 1917 г. Негативов – 83.

Материалы, сконцентрированные в коллекции №190 фонда №1 – ИАК.

Далее представлен каталог: сначала с шифрами О, Q, F указываются номера альбомов, в которых размещены фотографии. Последующие цифры означают страницы в альбоме. Называется сюжет, автор и время съемки.

Q 347.5–10. Икона Александра Невского из храма Васильевского погоста. Ново-Ладожского у. Снимки (далее – сп.) В. Машечкина, 1914 г.

О.2205.1–63. Поездка П.П.Покрышкина 1914–1915 гг. в связи с реставрацией росписи ц.Спаса на Берестове в Киеве. Сп. Кириллова.

О.436.496, 497; О.448.781, 782; Q 383.50–53. Роспись Архангельского собора, виды Троице-Сергиевской Лавры. Сп. монаха Данилова монастыря Антония, 1911–1913 гг.

О.664.1–51. Памятники церковного зодчества Черниговской губ. Сп. М.Я.Ария, 1900–1906 гг.

О.402.1754–1766. Косьмодамиановская ц. в Муроме. Сп. художника-архитектора Н.Б.Бакланова, 1914 г.

О.483, О.484, О.486, О.490, О.498, О.706. Памятники церковного зодчества гг.Звенигорода, Владимира, Александрова, Пскова, Новгорода, Ярославля, Ростова, Углича, Волоотова, Вязицкого и Псково-Печорского монастырей, с.Чидиново. Предметы церковной утвари из музея барона Штигица в Петербурге. Сп. И.Ф.Барщевского, 1882–1894 гг.

О.644, О.645. Памятники северного церковного зодчества. Сп. художника И.Я.Билибина, 1902–1905 гг.

О.393.1332–1333. Древности ризницы Юрьевского монастыря в Новгороде. Сп. Л.М.Брайловского, 1903 г.

О.475.1889–1899. Церкви сербских монастырей в Студенице, Градаце и Руднице. Сп. с рисунков и чертежей 1871–1874 гг. архитектора М.Вальтровича. Сп. 1902 г.

О.404.1822–1862. Спасо-Преображенский монастырь в г.Новгород-Северском Черниговской губ. Сп.С.П.Вельмина, до 1914 г.

О.380.709–710. Виды ц.Михаила Архангела в с.Микулины Городища Старицкого у. Тверской губ. Сп. Вершинского, 1909 г.

О.403.1811–1816; О.404.1820–1821; О.405.1868–1871, 1902. Церкви и монастыри гг.Киева, Чернигова, Новгород-Северского, Стародуба. Сп. архитектора А.Н.Грара, 1916 г.

О.395.1408-1418; О.389.1127-1129. Памятники церковного зодчества Нижнего Новгорода и Нижегородской губ., Печерско-Вознесенского монастыря. Сп. Ф.Гремячевского, до 1912 г.

О.647.31-40. Коложская ц. в г.Гродно Виленской губ. Сп. с рисунков художника В.Грязнова.

О.45.1-54. Реставрация икон Верхоспасского собора "за золотой решеткой" в Кремлевском дворце Москвы. Сп. иконописца В.П.Гурьянова, 1912 г.

О.408.2012-2044. Раскопки храма в Звартноце. Сп. зав. Эчмиадзинского музея архим. Хачика Дадяни, 1900-1901 гг.

О.371; О.372; О.553.46-47; О.554.57-58; О.556.34; Q 212.36. Поездка по Закавказью: церковь и собор в Мцхете, собор Баграта в Кутаиси, церковь в Эшшванке и др. Сп. фотографа Д.И. Ермакова, 1890-е гг.

О.618.19. Церковь и колокольня с.Малютинцы Пирятинского у. Полтавской губ. Сп. А.И.Залесского, 1905-1906 гг.

О.617.1-14. Спасо-Вифаньевский монастырь Дмитровского у. Московской губ. Сп. А.А.Захарова, 1900-1909 гг.

О.405.1911-1914; О.406.1915-1943. Памятники церковного зодчества гг.Усть-Выма, Ныроба, Вяжмы и с.Иртовского. Сп. художника А.Н.Зеленина, 190-1908, 1912 гг.

О.373.332-340; О.469.123-130. Собор Спасо-Прилуцкого монастыря, церкви Спасо-Угольского погоста Вологодской губ., гг.Вологды, Юрьевца, Новгорода, Кишешмы. Сп. Ивойлова, до 1909 г.

О.401.1673-1684; О.400.1656-1672. Памятники церковного зодчества Олонейской губ.: Данилов скит, церковь в Волозере и др. Сп. фотографа-реставратора Ф.А.Каликина, 1910-1917 гг.

О.595.1-30. Памятники церковного зодчества и церковная утварь из храмов Пскова и Псковского у. Сп. фотографа К.И. Компрада, 1871 г.

О.395.1431-1432; О.396.1433-1435; О.431.388-390; О.644.76. Памятники церковного зодчества Архангельской и Олонейской губ. Сп. архитектора А.А.Каретникова.

О.378.595-598; О.390.1190-1191. Памятники церковного зодчества Костромы и Георгиевской церковь в с.Каликином Чухломского у. Костромской губ. Сп. В.Н.Кларка, до 1910 г.

О.1776.1-21. Материалы раскопок П.Троицкого большого храма на Смядыне в Смоленске в 1908 г. и Е.Н.Клетновой малого храма в 1909 г.

О.618.24-36. Цд. Апостола и Богородицы в Салониках и базилика Федора Стратилата в Серрах. Наружные и внутренние виды. Сп. Д.А.Крайнева, 1900 г.

О.1836, О.1837. Надгробные памятники Лазаревского кладбища в Петербурге. Сп. архитектора Б.Р.Криммера, 1905-14 гг.

Q 784.25-29. Вознесенский собор Ново-Иерусалимского монастыря. Сп. художника-архитектора И.С.Кузнецова, 1913 г.

О.468.1-24. Памятники архитектуры Эчмиадзина, Вагаршапата, Сагмосаванка, Ованшаванка, Звартноца. Сп. фотографа Кюркчанца, 1899-1901 гг.

О.1754; О.472.1289-1334. Памятники архитектуры Москвы, Петербурга и церкви г.Торонца. Сп. Н.Е.Лансере, 1906 г.; Б.А. Сербрякова, 1904 г.

Q 759.1-96; F 197.48. Материалы к исследованиям В.В.Латышева для работы "К истории христианства на Кавказе".

О.471.807; О.472.1085-1098; О.474.1530-1565; О.475.1761-1764, 1839-1883;

О.476.16, 17, 41, 51–53; О.342.1367–1368; Q.379.25–28. Памятники церковного зодчества Вольнской и Киевской губ., Буковины и кармелитского костела в Бердичеве. Сп. В.Г.Леонтовича, 1910–1917 гг.

О.471, О.472. Памятники церковного зодчества гг.Москвы, Костромы, Киева, Чернигова и их губ., гг.Тулы и Казани, Варшавской и Вольнской губ. Сп. архитектора Г.Лукомского, 1900–1912 гг.

О.338.1180–1195; О.339.1196–1226; О.384; О.385; О.389; О.400–403; О.590–594; О.663. Памятники церковного зодчества, церковных древностей и вышивок Новгородской, Воронежской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Екатеринославской губ.; г.Белозерска; Никитского, Горицко-Воскресенского и Кирилло-Белозерского монастырей. Сп. Н.Е.Макаренко, 1911 г.

Q.357.1–29. Памятники церковного зодчества г.Острога Вольнской губ. Сп. фотографа Р.Мартвиха, 1885–1911 гг.

О.376.488–519; О.377.522–564; О.378.570–594; О.379.648–655; О.469.335–400; О.470.457–484; О.424.213; О.589.14–32. Памятники церковного зодчества гг.Казани, Свияжска, Киева, Новгорода и губ.; Вольнской губ. Сп. художника-архитектора В.Н.Максимова, 1909 г.

Q.381.24–50. Материалы исследований Н.И.Репниковым фресок Никольской церкви Гостинополья Новоладожского у. Петроградской губ. Сп. В.М.Машечкина, 1914 г.

О.374–376; О.381–383. Памятники церковного зодчества и утвари в городах "Великого Сибирского пути", Черниговской, Полтавской, Ярославской, Владимирской губ. Сп. В.Машукова, 1904–1907 гг.

О.322.410–424; О.379.643–647; О.469.157–213; О.649–654. Памятники церковного зодчества Архангельской, Вологодской, Костромской, Новгородской, Олонецкой и Ярославской губ. Сп. Д.В.Милеева, 1905–1906 гг.

О.400.1640–1642. Синагога в г.Снядеве Ломжинской губ. Сп. Л.А.Моисеева, 1916 г.

О.464.1304–1314; О.465.1315–1324. Церковные древности Новгорода и Тихвина. Сп. М.П.Машкова, 1916 г.

О.391–393; О.400; О.415. Памятники церковного зодчества и утвари Тверской Архангельской и Петербургской губ. Сп. С.С. Некрасова, 1909 и 1911 гг.

О.404.18–19. Крестовоздвиженская церковь в Тобольске. Сп. Н.М.Никифорова, 1908 г.

Q.383.44–49. Реставрация иконы Донской Божией Матери из Архангельского собора Москвы. Сп. фотографа П.В.Орлова, 1915 г.

О.396–397; О.399; О.403; О.437–443; О.448; О.452–453; О.456; О.464; О.711. Памятники церковного зодчества Костромской и Вологодской губ., гг.Суздаля и Новгорода. Сп. С.А.Орлова, до 1916 г.

О.1777, О.1778. Памятники церковного зодчества русского ампира и барокко, надгробные памятники. Сп. А.Н.Павловича, до 1917 г.

Q.216.27–35. Памятники церковного зодчества Армении: на озерах Севан и Гокча, в Эчмиадзине, Макараванке, Эривани. Сп. А.Папазянца, до 1889 г.

Q.355.1–26. Преображенский собор Спасо-Мирожского монастыря. Сп. О.Парли, 1898–1899, 1912 гг.

О.424.201–212. Интерьеры и утварь Саввиновской ц. близ Казани. Сп. М.Пченкина, до 1909 г.

О.398–400; О.403; О.405; О.466; О.472; О.577. Памятники церковного зод-

чества Украины. Сп. инженера-архитектора В.Пещанского, 1913–1918 гг.

О.366.18; О.416.8; О.417.2; О.461.70; О.638.67; О.370.221; Q 765.45–46. Памятники церковного зодчества Архангельской губ., с.Монастырь Пермской губ. и роспись ц.Василия в Овруче Вольнской губ. Сп. В.А.Плотникова, 1907–1909 гг.

О.567; О.671; О.675; О.676. Памятники церковного зодчества Сербии и Болгарии. Сп. П.П.Покрышкина, 1900, 1902 гг.

F.117–118; Q.392. Процесс реставрации Московского Успенского собора и раскопок Кремлевской площади И.П.Машковым под руководством П.П.Покрышкина. Сп. П.П.Павлова, 1910–1913 гг.

О.684–686. Материалы церковного декоративно-прикладного искусства из Полтавского Епархиального древлехранилища. Сп. до 1912 г.

О.469.109–117. Памятники церковного зодчества Костромы. Сп. до 1913 г.

О.401; О.403; О.405; О.449–451; О.472–475. Памятники церковного зодчества и утвари Петербургской, Олонецкой, Мариупольской губ. Сп. Н.И.Репникова, 1914–1916 гг.

О.373.364–376; О.374.377–400; О.386.13–45; О.390. Памятники церковного зодчества Кисва, Пскова, Новгорода и Вольнской губ. Сп. Б.Рериха, 1909–1910 гг.

О.453.1037–1047; Q 722.52. Памятники церковного зодчества Пскова и вид Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Сп. К.К.Романова и В.М.Машечкина, 1917 г.

О.69.92–99. Троице-Сергиевская Лавра: виды и утварь. Сп. Стромиллова, до 1917 г.

О.648; О.398. Памятники церковного зодчества гг.Кисва, Калуги, Новгорода, Москвы. Сп. архитектора С.М.Сулина, 1907, 1913 гг.

О.380.711–713. Ц."Белая Троица" в Твери. Сп. фотографа Точалова, до 1914 г.

О.689.1–26. Памятники церковного зодчества Архангельской губ. Сп. художника Архангельской иконописной мастерской Д.Д.Терентьева, до 1913 г.

О.394.1342–1350; Q 779.30–32. Памятники церковного зодчества Гдова и его уезда. Сп. 1911–1912 гг.

О.405.1907. Иконостас ц.Петра и Павла на Софийской стороне в Новгороде. Сп. И.И.Тыкина, 1915 г.

О.424–426. Памятники церковного зодчества Черниговской и Московской губ. Сп. фотографа Н.Н.Ушакова, до 1912 г.

Q.361.1–47. Памятники церковного зодчества Черниговской и Курской губ. Сп. фотографа Я.Фесика, 1900-е гг.

О.368.23; О.622.49; О.643.68, 71. Успенский монастырь в г. Александрове; церкви близ г.Клина и в Иваново-Вознесенске. Сп. А.Хребтова, до 1917 г.

О.618.20–23. Икона Божией Матери из Преображенского собора в Путивле. Сп. братьев Чириковых, 1911 г.

О.386.46–47; О.389.1121. Церковные древности Архангельского музея и церковь с.Ужидельского Архангельской губ. Сп. Н.А.Шабунина, 1905–1906 гг.

О.619–621. Памятники церковного зодчества и церковная утварь Киевской, Подольской и Херсонской губ. и Могилевского музея. Сп. В.М.Щербаковского, 1904–1905 гг.

О.398.1550–1553. Памятники церковного зодчества гг.Вязьмы и Верси. Сп.

1912–1913 гг.

О.394.1351–1354. Материалы к делу о сломке церкви 1695 г. в Сурском приходе Пинежского у. Архангельской губ. Сп. 1894 г.

О.394.1341. Михайловская ц. в Новом Вишневец Вольнской губ. Сп. 1910 г.

О.389.1132. Ц.Богородицерждественская в с.Рудне Богородицкого Московской губ. Сп. 1911 г.

О.456.1106. Колокольня ц.Архистратига Михаила в с.Синьково Бронницкого у. Московской губ. Сп. Позизовкина, 1914 г.

О.389.1135–1136. Ц.Вознесения 1761 г. в г.Березне Черниговского у и губ. Сп. 1911 г.

О.389.1130–1131. Ц.Знаменская в с.Муныгском Кирилловского у. Новгородской губ. Сп. 1911 г.

О.456.1104–1105. Ц.Параскевы и колокольня в с.Копиевке Липовецкого у. Киевской губ. Сп. 1914 г.

О.456.1108. Кафедральный собор в Якутске. Сп. 1914 г.

Q.730.70–83. Храмы и здания Ферапонтова монастыря. Выезд Иоанна Кронштадтского из монастыря на фоне "Сушила". Сп. А.Семеновского 1904 г.

О.448.788. Николаевская ц. в с.Житном Роменского у. Полтавской губ. Сп. 1914 г.

О.405.1908–1910. Материалы к делу о реставрации монастыря Иоанна Предтечи в Казани. Сп. 1916 г.

О.400.1625–1654; О.466.1343; О.399.1582–1624. Памятники церковного зодчества Московской, Новгородской, Псковской, Костромской и Тульской губ. Сп. 1908–1915 гг.

О.714.1–20. Процесс реставрации ц.Флора и Лавра в Москве. Сп. Н.Ушакова, 1915–1916 гг.

Q 736.1–19. Процесс реставрации Успенской ц. в с.Венев Тульской губ. и у. Сп. 1912 г.

О.634.28; Q 363.1–27. Материалы к реставрации Троицкого собора Макарьевско-Желтоводского монастыря по проекту Д. Милсева и А.Иванова, под руководством архитектора А.Н.Полтанова. Сп. Д.Милсева, А.Иванова, 1907 г.; фотографа М. Дмитриева, 1902 г.

О.691.13–32. Материалы к ремонту ц.Рождества Богородицы в Старой Усиче Островского у. Псковской губ. Сп. М.Герасимова, 1908 г. и Н.Клименко, 1913 г.

О.699–700. Процесс реставрации Воскресенского собора и икон и живописи в станице Старочеркасской области Войска Донского. Сп. Г.Ринше, 1911–1912 гг.

О.665–666. Процесс реставрации икон Путивльского Преображенского собора Курской губ., производившейся Г.А.Маклаевским. Сп. 1907 г.

Q.771; О.707; О.709. Дудин монастырь в с.Подъяблонье Горбатовского у. Нижегородской губ. Процесс реставрации Успенской ц. архитектором Л.Д.Агафоновым в 1911 г. и икон – Н.Сафоновым в 1912–1913 гг. Сп. 1911–1913 гг.

Q.773.1–25. Процесс реставрации иконы "Всемиростивого Спаса" иконостаса Верхоспасского собора ("за золотой решеткой") в Кремлевском дворце в Москве. Сп. монаха Антония и В.Гурьянова, 1913 г.

Q.356.1–71. Процесс реставрации икон ц.Спас на Бору в Москве, исполненной под руководством П.П.Покрышкина братьями Чириковыми. Сп. монаха Ан-

тония, 1911–1912 гг.

О.674.29–42. Процесс реставрации Успенского собора в Москве. Сп. 1915 г.

F.115; F.122; F.124; Q.774–784; Q.364; Q.391; Q.375; Q.379; Q.381–384; Q.386; Q.389. Материалы по реставрации памятников церковного зодчества. Сп. 1869–1916 гг.

Представленный материал показывает, что назрела необходимость подготовки и издания полного каталога материалов, связанных с Русской Православной Церковью, хранящихся не только в фонде Императорской Археологической комиссии, но и в других фондах фотоархива ИИМК РАН.

Н.А.Белова (Санкт-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ О ПОДГОТОВКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ РОССИИ В РУКОПИСНОМ АРХИВЕ ИИМК РАН

Среди документов, хранящихся в Рукописном архиве ИИМК РАН наиболее информативными для изучения истории отечественной археологии являются фонды Императорской Археологической комиссии (ф.1), Русского археологического общества (ф.3), Московского археологического общества (ф.4) и Государственной Академии истории материальной культуры (ф.2 и 35). Наименее известен специалистам фонд МАО, поступивший в архив в 1929 г. и насчитывающий 1114 ед. хр. Сведения о местонахождении данного фонда стали широко известны только в самое последнее время, а полными данными о документальном собрании, составляющем фонд, научная общественность до сих пор не располагает. Именно в составе фонда МАО находятся разнообразные материалы, связанные с деятельностью Общества в процессе подготовки Археологических съездов. Среди этих материалов хорошо представлены переписка по организационным вопросам подготовки и проведения съездов, программы и протоколы съездов, рукописи статей – как опубликованных в Трудах съездов, так и оставшиеся неопубликованными. Материалы по подготовке XVI (несостоявшегося Псковского) АС (ф.4, д.108) позволяют, в частности, подробно охарактеризовать деятельность подготовительного комитета по созыву очередного, XVI съезда, содержат сведения о привлечении к подготовке Съезда местных научных учреждений

и частных лиц "с целью поднятия интереса к памятникам старины по всей России" (л.1). Сохранилась переписка с организациями и научными обществами о направлении депутатов для обсуждения вопроса о месте проведения Съезда (л.3-68), протокол заседания, на котором вопрос был решен в пользу Пскова (л.69-72 об.) и заседания, посвященного вопросам, которые было бы желательно рассмотреть на Съезде (л.73-74), в том числе - пожелания обследовать первобытные древности в верховьях Западной Двины, исследовать архитектурные памятники и фрески псковских и новгородских храмов, составление археологической карты Тверской губернии, этнографические работы в Псковской губ., издание и изучение Псковских грамот и проч. Состав делегатов предварительного комитета, на котором решались организационные вопросы будущего XVI Съезда был существенно расширен по сравнению с делегатским списком предыдущего, Новгородского съезда: большое количество мест было предоставлено представителям губернских исторических обществ, что позволяло существенно расширить рамки решения проблем "русской старины".

Подготавливая XVI АС, организаторы одновременно продумывали дальнейшую программу работы "форумов". Проведение XVII АС планировалось в одном "из городов Западной России", его предполагалось посвятить "изучению Белоруссии" (л.1). XVII АС "должен быть устроен в 1917 г." (л.1).

Начало войны сорвало проведение XVI АС. В официальном извещении МАО, подписанном гр. П.С.Уваровой, сообщалось, что "в виду мобилизации и необходимости занять все учебные заведения Пскова ново-прибывающими войсками и запасными, Общество должно было, совместно с местными властями принять решение отложить XVI Всероссийский Археологический Съезд, назначенный к созыву с 22 июля по 6 августа текущего года, до более благоприятного времени" (ф.3, д.343, л.16).

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА XV АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ (НОВГОРОД)

В открытии, изучении и охране русских древностей очень важное место занимают Археологические съезды (АС). Организованные по инициативе Московского археологического общества и проводившиеся регулярно с 1869 г. раз в три года, АС стали веками, этапами в становлении и развитии отечественной археологии, одним из направлений которой являлась "церковная археология". Широкий круг теоретических и практических вопросов, связанных с региональными и общерусскими археологическими и историческими исследованиями и проблемами привлекал к участию в работе АС не только археологов, но и историков, филологов, архивистов. По мнению гр. А.С. Уварова, съезды составляли "самую действенную и коренную меру для уничтожения равнодушия к русским древностям и возбуждения общего живого участия к русской археологии".

Вопрос об избрании Новгорода местом проведения XV АС был решен Московским предварительным комитетом (МПК) в январе 1909 г. В ходе обсуждения предстоящих исследований была отмечена особая необходимость изучения церковных древностей Новгородской земли (Новгород, Псков) и издания материалов по ризницам древних новгородских монастырей.

Основная ответственность по подготовке и проведению XV АС легла на плечи Новгородского предварительного комитета (НПК) в составе 63 человек. Особую роль сыграла деятельность Новгородского общества любителей древностей (НОЛД) под руководством М.В. Муравьева. Псковское отделение подготовительного комитета состояло из 6 человек, и главную роль в нем играл секретарь Псковского археологического общества Н.Ф. Окулич-Казарин. Под его руководством были собраны материалы для описания древнейших церквей Псковской епархии, составлен "Спутник по древнему Пскову". Псковичи также предоставили Съезду подробный отчет по осмотру древних стен города, подробные чертежи и смету на их ремонт и сохранение. Было сделано описание

древних икон и составлена программа осмотра псковских памятников старины после завершения работы Съезда для 60 делегатов.

НПК с помощью анкет, разосланных настоятелями церквей Новгородской губ., получил данные о наличии церковных древностей и археологических памятников (ок. 350 ответов). Для фотографирования особо интересных памятников был направлен опытный фотограф Павлов (он объехал Боровичский, Устюжский, Череповецкий у., сделал ок. 400 фотографий). С целью непосредственного обследования на местах памятников церковной и гражданской старины НПК командировал в 1910 г. по уездам членов НОЛД (Л.Н. Целепи, М.В. Муравьев, И.В. Аничков, А.И. Конкордин, А.И. Анисимов); было обследовано 347 церквей, обнаружен ряд интереснейших церковных древностей.

В 1910 г. проводилась предварительная выставка, на которой были представлены предметы церковной утвари из 30 храмов Новгорода и 15 собраний частных лиц. Основная выставка, открытая уже в момент проведения Съезда, включала 1640 предметов церковной и гражданской старины. Собрание церковных древностей, размещавшееся в митрополичьих покоях Архиерейского дома, было особенно богатым и интересным: центром выставки были предметы из ризницы Софийского собора (реликварии, иерусалимы, панагиар и др.), а также обширная коллекция икон, церковной утвари и деревянных изображений из церквей и монастырей Новгородской епархии. Высказывалась надежда, что наиболее интересные и древние предметы "могут послужить основанием или первым вкладом в церковный музей, к устройству которого стремится новгородский владыка Арсений".

Один из самых представительных Всероссийских АС (в нем участвовало более 400 человек), XV АС должен был стать важнейшей вехой в истории изучения и охраны новгородских древностей. Работа Съезда велась по 7 секциям. Секция церковной археологии (председ. Н.В. Покровский) была наиболее представительной и открыла работу Съезда. Два доклада Н.В. Покровского были посвящены наиболее интересным предметам из Софийской ризницы – "иерусалимам" ("сионам") и "реликварию".

Большое внимание уделялось вопросам практического характера – об охране местных памятников церковной старины в Новгородской губ. и мерах по их сохранению (А.И. Анисимов), о плачевном состоянии собора Св.Софии в Новгороде и пагубных

последствиях ремонта 1909 г. (архиеп. Арсений). Среди постановлений Съезда важнейшее место занимало изучение и сохранение новгородских древностей. Съезд привлек внимание к новгородской старине, что сказалось на дальнейшем расширении круга изучаемых памятников и способствовало положительному решению вопроса о создании в Новгороде Церковно-археологического общества (1913).

Работы по изучению памятников церковной старины продолжались и после XV АС. Предполагалось, что XVI АС будет проведен в Пскове и Новгороде. В папке подготовительных материалов к этому несостоявшемуся Съезду в Уваровском фонде ГИМ хранится несколько писем от разных лиц с указанием темы доклада, предлагавшегося Съезду. Среди них бесспорный интерес представляют: текст доклада Н.И. Соболева о памятниках древности в Торопце и Торопецком у. с приложением списка всех осмотренных памятников, а также фотографий и планов церквей; статья Н.Е.Северного "Митрополит Киевский Евгений Болховитинов", в которой содержится подробный обзор деятельности одного из первых собирателей и исследователей русских древностей.

А.А.Александров (Псков)

XVI АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ПСКОВЕ, ОТМЕНЕННЫЙ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1911 г. в Новгороде прошел XV Археологический съезд России (АС). 3 января 1912 г. под председательством гр. П.С. Уваровой собрался Предварительный Комитет по устройству в 1914 г. XVI АС. Основным на первом заседании стал вопрос о месте проведения Съезда. 102 депутатам (среди которых были такие видные исследователи как Д.И.Иловайский, Ю.В.Готье, А.А.Ивановский, Н.И.Веселовский, Д.Н.Анучин, И.А.Шляпкин и др.) предстояло не только определить, где именно будет проведен очередной Съезд, но, фактически, решить важнейшую проблему — куда сместится на ближайшие годы центр археологических исследований в России (как это было принято делать к проведению каждого Съезда).

В числе претендентов на проведение XVI АС выступили три города – Псков, Москва и Симферополь. Сторонники проведения Съезда в Пскове “указывали на то, что псковская старина слезно молит археологов заняться ее исследованием. Древности Псковские имеют огромное значение в истории развития русского искусства. Начатое на новгородском съезде дело обследования Новгородско-Псковской области надо продолжить и изучить последовательно: новгородские и псковские древности содержат в себе то, чего Москва не имеет (зодчество, фрески, архитектура). Псковский съезд к тому же дает возможность закончить исследование богатых новгородских древностей” (Правила 1912). Представители Новгорода также высказывались за проведение Съезда в Пскове. После оживленных прений была проведена закрытая баллотировка. За Псков было подано 67 записок, за Москву – 31, за Симферополь – 2. Это означало, что центр интересов российской археологии во вт. десят. XX в. ощутимо сместился в сторону изучения русских древностей (в широком понимании этого слова). Были определены точные сроки проведения Съезда – с 22 июля по 6 августа (ст. стиль) 1914 г.

На рассмотрение Съезда были заявлены темы, “заявленные к XV съезду и оставшиеся без ответов”. Был разработан также список докладов, среди которых отметим: “А.И.Станкевич. Вундерер и его рассказы о древностях Пскова (1590 г.)...”, В.В.Суслов. Влияние новгородско-псковского строительства и зодчества Московского края и обратные течения архитектурных форм..., В.Р.Апухтин. Синодики и надгробные плиты в пещерах Успенского Псково-Печорского монастыря как материал для генеалогии дворян Псковской губернии..., Д.И.Иловайский. Можно ли найти какое-либо подтверждение на месте легендарной связи Св. Ольги с Псковской землей ввиду известия, найденного архиеп. Леонидом о княжеском болгарском ее происхождении..., В.Н.Сторожев. Псковская старина в изображениях летописи и Судной грамоты..., В.Р.Апухтин. Роль Пскова, его пригородов и Печорского монастыря в Великую Северную войну..., И.Я.Стеллецкий. Псковские подземные ходы как типичнейшие памятники военной обороны..., Н.Н.Дурново. Говоры Псковской и соседних губерний..., И.Е.Евсеев. Псковская письменность до XVI в.” (Правила 1912). Кроме того были представлены “запросы, на которые желательно получить разъяснения на XVI Археологическом съезде...”

И.Е.Евсеев. Доисторические и исторические городища в Псковской губ. ..., И.А.Шляпкин. Раскопки в Изборске близ так называемой могилы Трувора и в с.Выбутах... Он же. Составить археологическую карту Псковской области..., А.М.Андрияшев. Историко-географическое изучение писцовых книг Бежецкой и Водьской пятин и Пскова... Он же. О местоположении "Кошкина городка" (Жедринский погост?)..., И.Е.Евсеев. Надгробные надписи в псковских и иных храмах как памятники искусства и истории..., Г.Г.Павлуцкий. Зодчество Пскова (Отличительные черты Псковского церковного зодчества. Звонницы. Крепостное и гражданское зодчество Пскова)..., И.Я.Стеллецкий. Обмерить и сфотографировать потайные ходы в стенах Поганкиных палат. Он же. Расчистить, обмерить и сфотографировать подземный ход из Поганкиных палат за черту города. Он же. Доследовать грандиозный военный подземный ход вокруг стен Псковских..., Д.И.Иловайский. Есть ли следы счета Псковского в летописях не сотнями, а девяностами?..., А.Н.Филиппов. Государственное устройство Пскова в XIV и XV вв. ..., Н.В.Покровский. Собрать сведения о памятниках церковной старины до XV в. в Псковской земле..., И.А.Шляпкин. Происхождение псковских летописей" (Правила 1912: 7-31).

Перед каждым АС проводились работы по археологическому обследованию той губернии, в центре которой должен был состояться Съезд. В работах по обследованию Псковской губ. приняло активное участие Псковское Археологическое общество (ПАО) – одна из наиболее сильных и деятельных провинциальных археологических организаций России. На средства ПАО в окрестностях Пскова, в районе Выбут, член ПАО, псковский вице-губернатор В.Н.Крейтон провел археологические разведки и раскопки (Крейтон 1913: 20-24; 1914: 1-24). Также на деньги ПАО И.К.Линдеман провел исследования в окрестностях Изборска и в районе Пушкинских гор. Материалы раскопок и результаты этих работ опубликованы не были (Каталог: 28; Кирпичников 1966: 86-87), так что о масштабах работ можно только догадываться: на исследования В.Н.Крейтона ПАО потратило 37 рублей 83 коп., в то время как на исследования И.К.Линдемана в 2,2 раза больше – 83 руб.50 коп. (Окулич-Казарин 1916:87). Член ПАО В.А.Баронов-Косицкий раскапывал жальник между дер. Лукошково и Максово.

Кроме псковичей в работах по обследованию территории Псковской губернии деятельное участие приняли члены Московского Археологического общества: П.С.Рыков обследовал Островский у., В.В.Гольмстен – Опочецкий у., Д.Н.Эдинг – Великолуцкий у., М.Воронец – Холмский у. Результаты всех этих работ были суммированы секретарем ПАО, Н.Ф.Окулич-Казариным в “Материалах для археологической карты Псковской губернии” и “Дополнениях и поправках” к этим материалам (Окулич-Казарин 1914: 131–310; 1915а: 125–131). Кроме того, было разослано 10 тысяч Опросных листов с преобладанием в вопроснике археологической тематики, также включенные в “Материалы для археологической карты...” Каждый пункт археологической карты был снабжен системой координат, позволяющей локализовать памятник на генштабовской карте-трехверстке. В рукописных томах Анкет сохранились следы работы Окулич-Казарина, так что есть основания думать, что карта была составлена.

Работы по подготовке XVI АС на месте взяло на себя Местное отделение Московского предварительного комитета, в состав которого вошли 7 выборных членов ПАО и Псковского церковно-археологического комитета под председательством псковского губернатора барона Н.Н.Медема. Одной из основных забот Комитета был сбор сведений о церковных древностях, которые могли бы войти в состав планировавшейся выставки; составлялись списки предметов по церквям и монастырям Псковской губ., которые специально объезжали члены отделения. Выставка готовилась в помещении Большого зала Художественно-промышленной школы имени Н.Ф.фан-дер-Флита. Немало сил требовали археологические изыскания и хозяйственные дела по приему и устройству гостей Съезда (Окулич-Казарин 1915б: 182). В трудах ПАО публиковались суммы, потраченные на подготовку Съезда: в 1914 г. было израсходовано 313 руб.10 коп., а в 1916 г. опубликован полный финансовый отчет по подготовке Съезда.

Известно, что выставка к Съезду была подготовлена, а в церковном ее отделе особо выделялась витрина в виде звонницы (проект архитектора Г.М.Казакова). Были заказаны и расклеены по городу объявления, извещавшие о начале Съезда (Колпинский 1915: 217; Окулич-Казарин 1916: 88). Прибывали древности их разных губернии России – археографические, археологические, церковные. От размещения на выставке многих из них пришлось

отказаться из-за недостатка места.

17 июля 1914 г., когда до начала Съезда оставалось менее недели, была объявлена мобилизация. Газеты сообщили об отмене Съезда. Начался демонтаж выставки (Каталог 1915: I–IV). В отчете Н.Ф.Окулич-Казарина в графе “расходы” под №75 значится: “в типографию “Псковская жизнь” за напечатание объявления о несостоявшемся Съезде”, под №106 – “Отсылка вещей графине П.С.Уваровой” (Окулич-Казарин 1915б: 89, 91). Единственным полным перечнем вещевых материалов выставки, подготовленной к XVI АС, стал изданный в 1915 г. “Каталог Выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 года во Пскове, отмененного по случаю войны” (Каталог 1915).

Каталог музея Псковского Археологического общества. Б.м., 6 г.

Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 г., отмененного по случаю войны. Псков, 1915.

Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. САИ, вып. Е, 1–36, М.

Колпинский В. 1915. Ведомость о приходе и расходе сумм Псковского Археологического общества за 1914 г. // Труды ПАО, вып. 11, Псков.

Крейтон В.Н. 1913. Археологические разведки и раскопки во Псковской губ. в течение лета 1912 г. // Труды ПАО, вып. 9, Псков.

Крейтон В.Н. 1914. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1913 г. // Труды ПАО, вып. 10, Псков

Окулич-Казарин Н.Ф. 1914. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды ПАО, вып. 10, Псков.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1915а. Дополнения и поправки к “Материалам для археологической карты Псковской губ.” // Труды ПАО, вып. 11, Псков.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1915б. Отчет секретаря Псковского Археологического общества за 1914 г. // Труды ПАО, вып. 11, Псков.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1916. Отчет по устройству XVI Всероссийского Археологического съезда во Пскове // Труды ПАО, вып. 12, Псков.

Правила шестнадцатого Археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного Комитета 2–6 января 1912 г. М., 1912

И. В. Тункина (Санкт-Петербург)

ОТЗЫВ С. А. ЖЕБЕЛЕВА О Д. В. АЙНАЛОВЕ

В преддверии выборов в действительные члены АН СССР 1929 г. академик С. А. Жебелев представил отзыв об ученых трудах члена-корреспондента Д. В. Айналова. Выборы 1929 г. впер-

вые проходили по измененным правилам согласно первому советскому уставу, принятому Академией наук и утвержденному СНК СССР в 1927 г. Устав увеличил число действительных членов с 43 до 85 академиков с целью проведения в АН СССР ученых, лояльных советской власти. Еще в преддверии выборов 1927г. кандидатура Д.В.Айналова, наряду с Б. В.Фармаковским, рассматривалась на частных совещаниях академиков - членов Отделения исторических наук и филологии (ОИФ) по специальности история искусств (на вакантное место скончавшегося в 1925 г. акад. Н. П. Кондакова), но оба кандидата не получили поддержки большинства членов ОИФ.

Накануне выборов, осенью 1928 г. С. А. Жебелев являлся членом трех выборных комиссий, образованных с целью рассмотрения списка кандидатов в действительные члены, в том числе исторической под председательством С. Ф. Платонова. Комиссии путем тщательного рассмотрения списка кандидатов пытались добиться соотношения "один кандидат на одно место". Однако в окончательный список для голосования Д. В. Айналов не попал. Представители "старой школы", прежде всего академики С.А. Жебелев и В. П. Бузескул, намеревались выдвинуть кандидатуру Д. В. Айналова на выборах в действительные члены 1930 г., но уже не как историка искусства, а как византиста. 21 мая 1929 г. В. П. Бузескул с тревогой писал С. А. Жебелеву о судьбе византиноведения в России: "Я по прежнему держусь того мнения, что нельзя эту отрасль, после достигнутых в ней русскою наукою успехов, предавать полному забвению. Я полагаю, что... следовало бы снова выдвинуть Д. В. Айналова", хотя и выражал сомнения: "На его избрание надежда слабая: против него будет "общественность", да и некоторые наши сочлены (например, С. Ф. Платонов)" (письмо от 6 июня). "...Я бы решился снова предложить Д. В. Айналова... Но согласится ли Д[митрий] В[ласьевич] на этот раз, чтобы его кандидатура была выставлена, после того, как в прошлом году нас постигла неудача? ...Хотя должен признаться, в успехе и теперь я не уверен" (письмо от 27 июня). Бузескул мотивировал свое предложение так: "Можно было бы убить двух зайцев - получить Д[митрия] В[ласьевича] как византиста и как представителя такой важной отрасли, как история искусства, у нас не представленной... Но беда в том - и я тут вполне согласен с Вами, - что шансы Д. В. Ай[нало]ва весьма

слабы и подводить его вторично неудобно... Как ученого, я очень ценю Д[митрия] В[ласьевича] и при других условиях приветствовал бы его кандидатуру. А теперь, выйдет, вероятно, так: мы запутаемся, ни один из наших кандидатов... может не пройти, и пройдут кандидаты по истории социализма" (письмо от 7 июля). Так и получилось – все намеченные академиками ученые в окончательные списки кандидатов не прошли. В феврале 1930 г. в Отделение гуманитарных наук были избраны всего два академика - историк В.П. Волгин и первый нарком просвещения А.В. Луначарский. Избранию Д. В. Айналова в 1927 и 1929 гг. помешала не только его "оторванная от жизни" специальность, но и общая морально-политическая атмосфера в стране, "дело Жебелева" (1928), непосредственно задевшее Айналова, затем "дело Академии наук" (1929-1931), развернувшаяся в газетах кампания клеветы и доноса на Академию, массовые увольнения, чистки и гонения на представителей дореволюционной русской профессуры.

Отзыв С. А. Жебелева об ученых трудах Д. В. Айналова, хранящийся в Санкт-Петербургском Архиве Российской АН (Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 96. Л. 151-156), датирован 3 августа 1928 г. Он составлен в традиционном академическом духе и дает объективную характеристику творчества коллеги. Автор подчеркивает стремление Айналова познать памятники искусства не с позиций чистого эстетизма, а в контексте комплексного историко-филологического изучения древности. Отзыв дает обзор штудий Айналова по истории искусства древнехристианского, византийского, древнерусского и итальянского Возрождения. *"В области искусства древнехристианского и византийского, - пишет С.А. Жебелев, - большую заслугой Д. В. Айналова является, прежде всего, то, что он пустил в научный оборот, т. е. впервые издал и надлежаще истолковал значительное количество ранее неизвестных, представляющих большую научную ценность памятников, хранящихся в различных как русских, так и заграничных музеях и частных собраниях... Многие памятники византийского искусства, например, известные синайские иконы восковой живописи, хранящиеся в Киеве, хотя и были изданы ранее, но лишь в работах Д. В. Айналова получили тщательное исследование. Давно уже интересы Д. В. Айналова привлекли (и привлекают) христианские памятники нашего Херсонеса. В 1905 г., в юбилейной публикации, им были составлены и описаны разва-*

лины херсонесских храмов; в специальной работе (1915) им дано подробное исследование о двух из них - о мемориях свв. Климента и Мартина.

Д. В. Айналову принадлежат три капитальных труда из области искусства древнехристианского и византийского. Первый из них содержит иконографическое и стилистическое исследование о мозаиках IV и V вв. (1895). Эта работа явилась результатом предпринятого Д. В. Айналовым внимательного исследования всех древнехристианских мозаических росписей итальянских церквей. Оно повело, прежде всего, к исправлению многочисленных ошибок и неточностей, вкравшихся в существующие издания мозаик... Им впервые даны были точные, им самим исполненные, рисунки. Большая и важная работа исполнена Д. В. Айналовым и для объяснения сюжетов и композиций мозаик, а также для уяснения характера их стиля. Он первый ясно и четко наметил основные черты этого стиля: 1) преобладание декоративных фонов; 2) появление сложных композиций и в них колоссальных фигур - черты, усвоенные затем и византийскою монументальною живописью.

Исследование композиции мозаичной росписи римской Пуденцианы привело Д. В. Айналова к изучению вопроса о древнейших христианских сооружениях Палестины, что, в свою очередь, побудило его обратиться к внимательному анализу литературных источников, содержащих сведения о памятниках св. Земли, между прочим, паломничеств в Палестину, а также к рассмотрению изображений палестинских сооружений на различных памятниках искусства. В таких трудах Д. В. Айналова как "Детали палестинской архитектуры и топографии" (1895), "Южный фасад храма Воскресения в Иерусалиме" (1902), "Расположение главных зданий Константиновых построек по данным письменных источников" (1907), "Искусство Палестины в средние века" (1928) заложены прочные основы христианской археологии Палестины, и основы эти заложены на широкой историко-археологической базе, чуждой каких-либо конфессиональных предвзвешиваний и домыслов.

Эпоху составило появление труда Д. В. Айналова "Эллинистические основы византийского искусства" (1900), не превзойденного и по сие время. В этом труде дается исследование памятников ранневизантийской миниатюры, памятников т. н. живописного рельефа, памятников ранневизантийских роспи-

сей. На основе детального анализа композиции и стиля этих памятников Д. В. Айналов первый, с полной определенностью, показал преемственность основных черт эллинистического искусства на византийской почве и отметил те изменения, какие испытали эти черты в раннюю пору византийского искусства. По мастерству и ценности художественного анализа, по широте поставленной на разрешение задачи указанные сочинения Д. В. Айналова достойно заняли почетное место в ряду наилучших трудов по истории искусства вообще. Для историков византийского искусства книги Д. В. Айналова стали своего рода откровением, и неудивительно, что результаты его исследований скоро были восприняты на Западе и нашли себе широкое применение в трудах общего характера по истории византийского искусства Диля, Милле, Дальтона, Вульфа и др.

В "Эллинистических основах" Д. В. Айналов касался вопросов, связанных с истоками византийского искусства; в сочинении "Византийская живопись XIV в." (1917) он подошел к исследованию завершительной его стадии, ознаменованной, однако, новым его расцветом, совпавшим с возрождением искусства на Западе. Д. В. Айналов поставил во взаимную связь восточное и западное возрождение и для решения вопроса об игравших в данном случае роль взаимных влияний привлек неиспользованный до тех пор материал, современный восточному и западному возрождению - новгородские и псковские росписи XIV в. Снова задача поставлена была очень широко; снова для решения ее был привлечен обширный и разнообразный материал, подвергшийся тонкому стилистическому анализу. И тут Д. В. Айналов установил основные черты поздневизантийского стиля, проследил свойства его, указал его источники. Оказалось, что "новая византийская манера" соединяет в себе стремление пользоваться не только более жизненным искусством западноевропейского Возрождения, но и своим забытым художественным преданием, восходящим к искусству эллинистическому.

В отмечаемом сочинении Д. В. Айналову пришлось уделить много внимания памятникам древнерусского искусства. Им он начал интересоваться еще со студенческих лет, когда, вместе с своим другом, покойным Е. К. Рединым, обратился к изучению главного памятника древнерусского искусства, Киевской Софии. Результаты этих занятий, посвященных исследованию мозаической и фресковой росписи собора, были опубликованы в 1889 г.

После некоторого перерыва, с начала XX в., Д. В. Айналов все чаще и чаще обращается к изучению различных проблем истории древнерусского искусства. Он изучает мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви (1912), строительную деятельность князя Владимира (1917), мозаики Михайловского монастыря (1926), Киевский клад 1824 г. (1915) и пр. Вместе с тем Д. В. Айналов привлекает в сферу своего внимания памятники русского искусства и более поздней поры, например фрески Свяжского монастыря (1906), черниговские храмы (1907), коломенский дворец (1914) и др. В особую заслугу нужно поставить Д. В. Айналову то, что он один из первых обращается к систематическому изучению касающихся памятников искусства данных древнерусской письменности: летописи (1904, 1905, 1908), "Паломнику" Антония Новгородского (1906, 1908, 1913), "Слову" Даниила Заточника (1909), Слову о Полку Игореве (1918). Большие работы посвящены Д. В. Айналовым также исследованию миниатюр Радзивилловской летописи (1903) и сказания о Борисе и Глебе в Сильвестровском сборнике (1911). Важное значение всех этих работ состоит в том, что Д. В. Айналов, обладая большим знанием византийских памятников, имел возможность широко привлекать их для выяснения древнерусских памятников и стоящей с ними в связи литературной традиции (...) За какую бы тему ни взялся Д. В. Айналов, он всегда умеет подойти к обсуждению ее с новой точки зрения. В этом отношении большой интерес представляет его печатающаяся работа "Первоначальные шаги европейского искусства", где он, едва ли не первый, подверг строго-художественному анализу памятники европейского палеолита и пришел к тщательным наблюдениям, обратив внимание на те черты в трактовке палеолитических памятников, которые составляли совершенно равнодушными всех т.н. доисториков.

Д. В. Айналов — большой знаток памятников искусства, умелый истолкователь их содержания и формы, тонкий наблюдатель их стиля. Д. В. Айналов обладает даром рассмотреть каждый памятник искусства не только археологически, но и художественно-критически, и при этом, что особенно важно подчеркнуть, Д. В. Айналов всегда остается на почве не эстетических, или, как теперь сказали бы, искусствоведческих устремлений, всегда более или менее субъективных, но он твердо стоит на исторической, а потому и объективной, основе. Д.

В. Айналов, в противовес теперешним "искусствоведам", должен быть признан, в строгом смысле слова, историком искусства. В этом отношении труды Д. В. Айналова имеют важное значение столько же для истории искусств, сколько и для истории вообще (...)".

Г.В.Длужневская (Санкт-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ П.А.РАППОПОРТА В ФОТОАРХИВЕ ИИМК РАН.

Фотоматериалы, связанные с именем Павла Александровича Раппопорта, начали поступать в фотоархив Института истории материальной культуры с 1940 г. и подразделяются на 4 комплексы: персоналия, материалы археологических исследований, иллюстрации к печатным работам и личный фонд.

Персоналия. 1) П.А.Раппопорт с группой сотрудников Ярославского музея. Снимок сделан в 1940 г. (альбом О.2511.23). 2) Два портрета П.А.Раппопорта, служившего во время Великой Отечественной войны на флоте (негатив П 80559 и отпечаток О.3030.16). 3) Портреты младшего научного сотрудника П.А. Раппопорта, датируемые 1949 и 1960 гг. (негативы I 65737, Л 1959 и К 1819.6-8). 4) Н.Н.Ворошилин и П.А.Раппопорт на раскопках церкви в Боголюбове в 1954 г. (отпечаток О.3377.121). 5) Снимки 1980-х гг.: портрет доктора исторических наук, старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР П.А.Раппопорта (негативы I 101611-101612) и портрет П.А.Раппопорта вместе с А.Н.Рогачевым (негатив I 101615). 6) Групповой портрет сотрудников ЛОИА АН СССР – участников Великой Отечественной войны. Снимок сделан 9 мая 1975 года на Дворцовой набережной, в день 30-летия Победы (отпечатки О.3030.95-96). К сожалению, почти все ветераны войны, долгие годы работавшие в институте и запечатленные на этих снимках, уже ушли из жизни. Всего в комплексе "Персоналия" 12 негативов и 5 отпечатков.

Материалы археологических исследований. Раскопки в Белоруссии (1), на Украине (2) и на территории Российской Федерации (3).

1. 1959 г. Экспедиция по изучению крепостей: материалы раскопок и обследований городищ городов Волковыска и Каменец-Литовска, городищ и крепостей Брестской и Гродненской областей – полевая работа и чертежи (альбомы О.2146.64-83 и О.2224.1-108).

1975 г. Архитектурно-археологическая экспедиция: материалы раскопок в городах Владимире-Волынском, Полоцке и Рославле – чертежи и находки (альбом О.3075.63-84).

1976 г. Архитектурно-археологическая экспедиция: материалы исследований архитектурных памятников в Полоцке (храм-усыпальница, Спасский собор Евфросиньина монастыря, Большой собор Бельчицкого монастыря) и в Витебске (ц.Благовещения) – полевая работа, чертежи и находки (альбом О.3176.1-98).

1977 г. Полоцкая архитектурно-археологическая экспедиция: материалы раскопок в Полоцке (Софийский собор, участок у школы, Большой собор Бельчицкого монастыря) – полевая работа (альбом О.3221.1–60).

2. 1950–1953 гг. Экспедиция "Большой Кисв". Маршрутно-разведочный отряд: материалы обследований и раскопок Киевских городищ, городищ Киевской и Житомирской областей, крепостных сооружений Киевской и Полтавской областей – полевая работа, чертежи и находки (альбомы О.2091.1–76; О.1587.58–81; О.2092.1–79; О.2115.1–93; О.1950.22–118).

1960–1962 гг. Отряд по изучению крепостей: раскопки и обследования городищ Вольнской, Хмельницкой, Тернопольской, Ровенской и Брестской областей – полевая работа, карты, чертежи и находки (альбомы О.2252; О.2253; О.2294.1–109; О.2329.1–37; О.2410; О.2411).

1963 г. Материалы обследований и раскопок на территории Вольнской, Винницкой, Житомирской, Иваново-Франковской, Хмельницкой и Черновицкой областей – полевая работа и чертежи (альбом О.2443.1–91).

1965, 1967, 1968 гг. Отряд по изучению жилищ: материалы раскопок русско-го поселения XI в. у с.Острожец Ровенской области; древнерусских поселений в сс.Ленковцы, Задубровка и Василево близ г.Черновцы; древнего города Данилова у горы Троицы в Шумском районе Тернопольской области – полевая работа, чертежи и находки (альбомы О.2596.1–27; О.2700.1–54; О.2752.1–52).

3. 1947 г. Поездка в Московскую, Горьковскую и Костромскую области: материалы исследований и обмеров памятников архитектуры (альбом О.1587.3–39).

1953 г. Владимирская экспедиция: материалы раскопок во Владимире – чертежи вала, схемы и зарисовки профилей керамики (альбом О.1950.1–7).

1954–1956 гг. Среднерусская экспедиция. Отряд по изучению крепостных сооружений древней Руси: материалы обследований, разведок и раскопок городищ и валов в Московской, Владимирской и Калужской областях – полевая работа, чертежи и находки (альбомы О.2146.30–55; О.1950.8–21; О.2074.1–100; О.2047.1–108).

1957 г. Среднерусская экспедиция: материалы раскопок и исследований городищ Калининской, Костромской, Ивановской, Псковской, Новгородской и Ярославской областей – полевая работа и чертежи (альбом О.2085.1–114).

1958 г. Отряд по изучению крепостей: раскопки городищ и крепостных сооружений в Псковской и Владимирской областях – полевая работа, планы, рисунки (альбомы О.2127.1–100; О.2146.1–29).

1964–1967 гг. Смоленская экспедиция (начальник Н.Н.Воронин): материалы раскопок под руководством Н.Н.Воронина храма на Соборной горе, церкви "на Рачевке" и "окошного" кладбища в Смоленске под руководством П.А.Раппопорта – планы, чертежи, рисунки, реконструкции (альбомы О.2289.79–82; О.2708; О.1536.85–93).

1969–1971 гг. Отряд по изучению жилищ: раскопки древнерусского городища XII–XIII вв. в с.Осовик Брянской области, церкви XII–XIII вв. у д.Никитино и жилищ XII–XIII вв. в Старой Рязани, древнего храма у Троицкой церкви XVIII в. и на городище в Трубчевске Брянской области – полевая работа, чертежи и находки (альбомы О.2772.1–110; О.2806.1–65; О.2861.1–70).

1972–1974 гг. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция: материалы раскопок храмов XII–XIII вв. в устье р.Чуриловки, собора Троицкого монастыря в г.Смоленске и других церквей, а также печи для обжига кирпича –

полевая работа, чертежи и находки (альбомы О.2914; О.2974).

1975 г. Архитектурно-археологическая экспедиция: раскопки архитектурных памятников в гг. Владимире-Вольнском, Рославле и Смоленске – полевая работа, чертежи и находки (альбом О.3075.1–62).

1978 г. Архитектурно-археологическая экспедиция: раскопки церкви Пантелеймона и Благовещения на Мячине в г.Новгороде – полевая работа, чертежи (альбом О.3286.1–43).

Всего в комплексе "Материалы археологических исследований 1214 негативов, 107 катушек узкой пленки, 2594 отпечатка.

Иллюстрации к печатным работам. Материалы к работам размещены в следующих альбомах.

Альбом О.3229 – "Архитектура древнего Гродно" (отп.– 4); "Изучение памятников древнего новгородского зодчества" (отп.– 3); "История русского зодчества X–XIII вв." (отп.– 1); "Очерк истории русского зодчества XII–XIII вв." (отп.– 11); "Русское зодчество XII–XIII вв." (отп.– 7); "История русской архитектуры домонгольского периода" (отп.– 7); "Церковь Благовещения в Витебске" (отп.– 9); "Церковь Климента в Старой Ладоге" (в соавторстве с Л.Н.Большаковым) (отп.– 1); "Спасская церковь Ефросиньева монастыря в Полоцке" (в соавторстве с Г.М.Штендер) (отп.– 1); "Дворец в Полоцке" (в соавторстве с Е.В.Шолоховой) (отп.– 25); "Полоцкое зодчество XII в." (отп.– 19); "Церковь Михаила в Переяслав" (в соавторстве с М.В.Малевской) (отп.– 6); "Строительное производство Древней Руси" (отп.– 2).

Альбомы О.3229 и О.3097 – "Зодчество Смоленска X–XIII вв." (в соавторстве с Н.Н.Ворошиным) (отп.– 84); "Русская архитектура X–XIII вв." (отп.– 26); "Декоративные керамические плитки древнего Галича" (отп.– 4); "Знаки на древнерусских кирпичках" (отп.– 9).

Альбом О.2708 – "Древнерусское жилище" (отп.– 40); "Зодчество древнего Смоленска" (отп.– 20); "Древнее смоленское зодчество" (отп.– 49); "Церковь Василия в Овруч" (отп.– 8); "Церковь скандинавского типа в древнем Смоленске" (отп.– 1).

Альбомы О.2708, О.2066, О.2289 – материалы к работам, связанным с исследованиями военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси, переданные в фотоархив в 1957–1964 гг.

Альбом О.2289 – "Зодчий Бориса Годунова" (отп.– 4); "Смоленский детинец" (в соавторстве с Н.Н.Ворошиным) (отп.– 4); археологическая карта древнерусских городищ Прикарпатья – иллюстрация к докладу на симпозиуме по Карпатской археологии в 1965 г. в Польше.

Альбомы О.2289 и О.1587 – материалы к различным работам по архитектуре Украины и Белоруссии (отп.– 24).

Альбом О.1587 – "Русские оборонительные сооружения X–XIII вв." (отп.– 9); материалы к диссертации (1947 г.) "Русское шатровое зодчество конца XVI в.": церкви Ярославской, Калининской, Московской, Костромской, Горьковской и Смоленской обл. (отп.– 35).

Альбом О.1678 – "Из истории военно-инженерного искусства древней Руси" (отп.– 10).

Альбом О.692 – снимки 1930 и 1935 гг.: церковь Юдиттен в Калининграде, ворота Михайловского монастыря в Киеве, архитектурно-декоративные эскизы Гонзаго.

В комплексе "Иллюстративные материалы к работам" отложилось – 646 негативов, 635 отпечатков.

Личный фонд П.А.Раппопорта. Венцом исследовательской деятельности Павла Александровича Раппопорта можно считать материалы, переданные в фотоархив самим фондообразователем в 1982 г. и составившие фонд №57. Негативы 1932–1933 гг. исполнены И.Иодковским, 1939–1970 гг. – П.А.Раппопортом. Обширная коллекция (88 узкоплёночных негативов и 1468 отпечатков) включает снимки памятников архитектуры России, Украины, Крыма, Белоруссии, Абхазии и Эстонии, каждый из которых является, по сути, произведением искусства.

Все фотоматериалы, связанные с именем П.А.Раппопорта, – 195 катушек узкой плёнки, 1872 негатива и 4702 отпечатка – каталогизированы и доступны исследователям.

А.С.Косцова (Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ Ф.А.КАЛИКИНА

Федор Антонович Каликин (1876–1971) был опытным реставратором старинной живописи и выдающимся собирателем памятников русской старины. Я знала его с 1948 г., бывала с ним вместе в экспедициях по сбору памятников старины, многие годы, будучи хранителем древнерусской живописи Эрмитажа, наблюдала реставрацию икон, осуществляемую Ф.А.Каликиным и его учениками. О Каликине как человеке много рассказывают все те, кто хорошо его знал. Но написано о нем мало. Сохранились архивные материалы, их используют, но чаще всего обращаются к неопубликованной автобиографии Ф.А.Каликина, хранящейся в архиве Эрмитажа. Публикуя этот документ, мне хотелось бы сделать к нему несколько небольших комментариев.

В начале автобиографии Федор Антонович краток: родители – малоземельные крестьяне – в 1891 г. направили пятнадцатилетнего сына в с.Кимры к художнику-иконописцу и реставратору старых икон, у которого Каликин обучался и работал до тридцатилетнего возраста. Этот отрезок биографии Федора Антоновича обычно либо обходят молчанием, либо характеризуют как обучение искусству реставрации у "деревенского иконописца". Однако едва ли случайно на обучение юношу отправили именно в Кимры. Известно (Понырко 1980: 446–450), что отец Каликина, кроме хлебопашества занимался ремеслом. Он был иконописец, изготавливал лицевые рукописи. В одном из писем Федор Антонович вспо-

минал, как в 11–12 лет он вместе с братом иллюстрировал рукописи, тексты которых писали отец и брат. Готовые рукописи переплетались и отправлялись на продажу в Москву, в лавку Сергея Тихоновича Большакова (сына старообрядца и книготорговца) у Ильинских ворот. Сразу же хочу отметить, что связи кимрских старообрядцев с московскими известны давно.

Кимры (город на Верхневолжье, близ Дубны) на рубеже XIX–XX вв. был богатым селом торговцев и ремесленников, на всю Россию знаменитый своим сапожным ремеслом. Здесь шла бурная деловая жизнь, в которой принимали участие многие сотни хозяев мануфактур и торговых заведений, здесь были многочисленные постоянные склады, принадлежавшие скупщикам готовой продукции, постоялые двory, гостиницы, харчевни. На ярмарках собирались тысячи людей из разных концов России. Основным храмом города был огромный пятиглавый собор, а близ соборной площади сложился деловой центр с богатым гостиним двором, торговыми рядами и лавками. Топографической основой Кимр была геометрически правильная прямоугольная уличная сеть, центр города был застроен каменными доходными домами с украшениями в стиле модерн 1900-х годов. На средства купцов и заводчиков строились церкви, школы, библиотеки, процветало меценатство. Городские традиции шли издавна, сельская жизнь полностью отсутствовала.

В селе было много старообрядческих моленных и домов. Приезжавшие в Кимры московские старообрядцы останавливались порой и в доме моего детства. Бывала я во многих старообрядческих домах, до недавнего времени они еще сохранялись и не были уничтожены современной застройкой. Мне легко представить, где жил и работал Федор Антонович.

В 1961 г. я зашла в дом к одной из кимрских старообрядок – Марине Онуфриевне. Среди многих икон прекрасной работы, стоявших на полках в углу, одна икона обратила на себя внимание тщательностью письма. Я спросила хозяйку, кто писал эту икону. “Феденькиной руки икона”, – ответила мне Марина Онуфриевна, и добавила: “Недавно приезжал два раза, брал старые рукописные книги – те, которые особенно хороши”. По-видимому, связь с Кимрами Федор Антонович не терял на протяжении всей своей жизни. А я для себя уяснила, что обучение в Кимрах было на высоком уровне. Кстати, это подтверждает в

своей автобиографии и Федор Антонович. После переезда в 1906 г. в Петербург, он совершенствуется в расчистке древней живописи и принимает участие в раскрытии первоклассных памятников.

В автобиографии Федор Антонович указывает, что за годы работы в Эрмитаже им было произведено большое количество реставрационных работ, в том числе редчайшие византийские иконы и ряд древних русских икон для Отдела истории русской культуры (ОИРК). В 1951-1952 гг. я наблюдала расчистку двух памятников: был раскрыт удивительный по своей выразительности "Спас оплечный" на двусторонней выносной иконе нач. XIV в. и шесть иконок-миниатюр на резных Царских вратах перв. пол. XVI в. Как в первый раз, так и в последующие годы меня более всего поражала неторопливость в работе, подробнейшее описание процесса работы и наблюдений за памятником.

С июня 1952 г. по февраль 1955 г. Каликин не работал в Эрмитаже. С возвращением в музей он активно включается в собирательскую деятельность ОИРК. К сожалению, автобиография написана в 1955 г. и потому не полно отражает эту его работу. Кроме экспедиций по сбору памятников старины в Подпорожский р-н Ленинградской обл., Федор Антонович работал еще в пяти экспедициях ОИРК, давших блестящие результаты: в Эрмитаж в результате этих экспедиций поступило большое количество древних икон, в том числе уникальных (Косцова 1992; Памятники 1993).

Поступление новых материалов из экспедиций оживило реставрационную деятельность. В работу по раскрытию икон ОИРК включился Каликин и его ученики. Федор Антонович завершил реставрацию иконы "Богоявление" псковской школы живописи нач. XIV в. и начал расчистку северных икон из прямоличного деисусного чина: "Спас Вседержитель" (раскрыт полностью), "Апостол Петр", "Св. Николай", "Св. Илья" (раскрыта частично; работу продолжили ученики Каликина) Кроме того, были расчищены иконы XV-XVI вв.: "Покров" псковской школы живописи, новгородское "Преображение Господне" из собрания Гардина, "Иоанн Златоуст" московской школы и северные иконы: Св. Параскева Пятница, "Огненное восхождение пророка Ильи", "Св. Николай", "Распятие" из Сольвычегодска, "Чудо Георгия о змие" и множество других икон; эти работы Каликин вел вместе с учениками.

В автобиографии Федор Антонович коротко говорит о разработанных им методах реставрации станковой живописи. Находясь в эвакуации в Свердловске, он написал методические рекомендации по реставрации и хранению произведений живописи в музеях; работа была издана в 1989 г. (Реставрация 1989).

Обогатилась эрмитажное собрание несколькими ценными иконами, которые Каликин передал через закупочную комиссию Это, прежде всего, икона "Неделя" новгородской живописи XV -- нач. XVI вв., которую Федор Антонович весьма ценил и вывез из блокадного Ленинграда, а по возвращении передал в Эрмитаж; икона XVI в. "Воздвижение креста", привезенная им в свое время из Новгорода; две другие иконы того же столетия с изображением святцев (ранее находились в коллекции Н.И. Репникова) и прекрасная двусторонняя хрупкая иконка-таблетка нач. XVI в. (Косцова 1992).

В небольшой коллекции рукописных и старопечатных книг ОИРК лучшие принадлежали Федору Антоновичу. Для старообрядца Каликина книга, как и икона, была частью его жизни и была. Он приобретал книгу, читал ее, давал для изучения, устраивал затем в музеи и книжные хранилища. В Эрмитаж от Каликина поступило более 30 книг, в большинстве своем рукописные. Среди рукописных книг это "Книга сошному письму" и "Цифирьная счетная мудрость - Арифметика" (вклад старца Боголепа Львова в Кожеозерский монастырь, изданная И.Г. Спасским (1981), "Сборник соборных правил" XV в. и интереснейшая по содержанию вкладная книга в Кожеозерский монастырь с красочной заставкой сер. XVII в., а также "Сборник слов и посланий Максима Грека" XVI в., принадлежавшая в XVII в. "гостиные сотни Ивану Ивановичу Головину". Из числа лучших каликинских книг рукописное Евангелие кон. XV в. с красивыми миниатюрами и тонкими заставками; "Апостол" перв. пол. XVI в., поражающий обилием орнаментов, Евангелие 1555 г., созданное, как свидетельствует надпись, "в преименитом граде Москве". Ее отличает обилие позолоты и особая роскошь в оформлении листов (Косцова 1992). В числе рукописных книг сборники житий, изречений, Иконописный подлинник, яркие нарядные поморские рукописи. Из старопечатных книг от Каликина поступил "Апостол" Ивана Федорова, Острожская Библия, Грамматика Мелетия Смотрицкого и "Уложение царя Алексея Михайловича".

Из предметов мелкой пластики, поступивших от Ф.А. Каликина, особенно интересна небольшая группа резных по дереву иконок XV-XVI вв. (одна резная по рогу): иконки односторонние и двусторонние, в оправках и без них, с изображением избранных святых и праздников. Все они небольшого размера, за исключением одной. Она больше других и привлекает внимание резной по дереву раскрашенной композицией "Не рыдай мене, Мати", редкой для XV-XVI вв.

Но более всего поступило от Федора Антоновича медного художественного литья, переданного двумя группами. Первая из них насчитывает 184 предмета, датированных с XII по XIX в.: иконки, змеевики, кресты, украшения книжных переплетов (Принцева 1986). Вторая группа составлена 163 культовыми предметами старообрядческого медного художественного литья XVIII-XIX вв.

В Эрмитаж Федор Антонович передал и еще одну очень интересную группу предметов: инструменты для орнаментации кожаных переплетов ("дорожники", накатки и разной формы штампы для тиснения надписей и узоров).

Те, кто встречался с Федором Антоновичем Каликиным, знают, что желание принимать участие в поисках памятников старины, "страсть к собиранию" сохранилась у него до последних дней жизни (Мальшев 1974: 426).

Косцова А.С. 1992. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. СПб.

Мальшев В.И. 1974. Слово о Федоре Антоновиче Каликине // ТОДРЛ, т. XXVIII, Л.

Памятники русской старины. Итоги работ экспедиций (Гос.Эрмитажа) по сбору произведений древнерусского и народного искусства. Каталог выставки. СПб., 1993.

Понырко Н.В. 1980. Федор Антонович Каликин – собиратель древних рукописей // ТОДРЛ, т. XXXV, Л.

Принцева М.Н. 1986. Коллекция медного литья Ф.А.Каликина в собрании Отдела истории русской культуры Эрмитажа // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. Л.

Реставрация и хранение произведений живописи в музеях (методические рекомендации). Сост. Ф.А. Каликин. Ред. А.В. Брящев. Л., 1989.

Спасский И.Г. 1981. Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелиц // Археографический ежегодник за 1979 г. М.

Публикуемая ниже автобиография Ф.А.Каликина написана им собственноручно на листах бумаги в линейку (разм. 18x29 см), подшита в личное дело, в составе которого занимает л.11-17. В публикации сохранена орфография и пунктуация автора.

(л. 11) Автобиография Ф.А.Каликина.

Я Каликин Федор Антонович родился в 1876 году в Вологодской губ. в Тотемском уезде Спасской волости в дерев. Гавриловской. Родители малоземельные крестьяне хлебопашцы, коими в 1891 году был направлен в село Кимры Тверской губ. в учение к художнику иконописцу и реставратору старых икон, у которого с начала обучался, а затем и работал по найму по 1905 год.

В 1906 г. приехал в Петербург и поступил на работу к большому специалисту по расчистке древней Русской живописи [древние иконы], Ивану Ивановичу Рачейскову, работавшему для собрания любителя и собирателя древнерусского искусства Академика Николая Петровича Лихачева. У этого мастера я учился и работал под его руководством с 1906 по 1910 г. [год его смерти] по раскрытию первоклассных памятников древнерусской, Византийской и Итало-Критской живописи (собрание Н.П.Лихачева находится в Русском музее и Эрмитаже). У Н.И.Рачейского я научился не только более совершенной расчистке живописи на древних иконах, но и распознаванию их по школам и векам, и у него же научился и реставрации живописи маслом на холсте. С 1910 г. по 1914 Я работаю уже вполне самостоятельно для того же собирателя Н.П.Лихачева и других. 1913-1914 работал, но не много (по счетам) в Русском музее. 1914-1917 был мобилизован в армию, как ратник ополчения и в 1917 г. мобилизовался по возрасту. 1918 г. был на родине - в Вологодской губ. С весны 1919 г. по 1928 г. работал в Отделе Охраны Памятников Искусства и Старины в качестве мастера реставратора по древнерусской живописи (работа в (л.12) Новгороде 1919-1920 гг.) и старшего эксперта по древне-Русскому и церковному искусству (работа в музейном фонде 1921-1928 гг.). 1929 г. работал по реставрации древнерусской живописи в Антиквариате. 1930 г. работал тоже по реставрации живописи, как старой так и новой в Музее Истории Религии при Академии Наук СССР. С 1931 г. по 1952 г. работал в Государственном Эрмитаже в звании реставратора по древнерусской живописи. С 1933 г. по 1946 г. заведывал реставрационной мастерской Государст. Эрмитажа, производил самые сложные реставрацион-

ные работы и обучал реставрации учеников. В 1939 г. приказом по Эрмитажу мне присвоено звание старшего реставратора. В первые дни Отечественной войны руководил упаковкой картин для эвакуации, а затем организовал работу и руководил ею по защите от осколков оставшихся не эвакуированных предметов искусства, как фреска Анжелико, Маиолика Джованни Робби "Рождество Христово" и там же скульптурные мраморы вделанные в стену и другие.

В дни Отечественной войны находясь в эвакуации в гор. Свердловске вел наблюдение за режимом хранения Эрмитажных картин. В 1943 г. произвел подготовку картин для выставки "Военное прошлое Русского народа" устроенной филиалом Эрмитажа в гор. Свердловске на материале Госуд. Эрмитажа, находившемся в эвакуации.

За время 1943–1945 гг. в эвакуации совместно с техническим реставратором Н.Д.Михеевым реставрировал более 50 шт. картин для 2-х музеев, Картинной галереи гор. Свердловска и картинной галереи Нижнего Тагила. (л.13)

В июне мес. 1944 г. был направлен из гор. Свердловска в Ленинград для закрепления настенной фресковой живописи на лесе (Восточный Туркестан X–XI век), начавшей осыпаться от блокадных условий хранения. По окончании этих работ подготовил 100 шт. картин, из коих, ряд картин был с отстающей живописью и был мною реставрирован для выставки западно-Европейского и Восточного искусства, устроенной и открытой Государственным Эрмитажем в начале октября 1944 года на материале Эрмитажных фондов не попавших в эвакуацию.

За годы работы в Государственном Эрмитаже мною произведено более 260 реставрационных работ, из них сложных и трудоемких реставраций (расчисток) уникальных памятников западно Европейского искусства старых мастеров, для экспозиции раннего возрождения – примитивы: Итальянской, Французской, Испанской и Немецкой школ с XIII по XVI века реставрировано более 80 вещей; из них расчищены:

Уголино XIII в. "Распятие"

шк. Дуччо XIV в. "Ангел"

Уголино Лоренцетти XIV в. "Голгофа"

Нардо да Чione XIV в. "Св. Ромуальд"

Николо да Томазо XIV в. "Св. Иаков"

Франческо Траши XIV в. "Сцены из жизни Св. Юлиты"

Спинелло Аретино XIV в. "Св. Понциан"

Болонский художник XIV в. "Св. Христофор"

Венецианский худ. XIV—XV в. Б. м. с младенцем и предстоящими Св. Домиником и Франциском. (большого размера)

(л.14) Антонио да Ференце XIV—XV в. "Б. м. с младенцем Иоанном крестителем и епископом. На обороте "Распятие"

Французской школы XIV—XV в. "Оплакивание" и другие

Для экспозиции Ближнего Востока был реставрирован ряд редчайших памятников Византийской живописи XII, XIII и XIV веков, а также и ряд Русских древних икон для Отд. Истории Русской культуры, всего более 50 вещей, из них уникальные:

Византийской школы XII в. "Григорий"

"
XIV в. "Пантократор"

"
XIII "Анастасия" и другие

В 1950 и 1953 гг. в Русском музее мною проведены следующие работы: разобрана по школам и датирована коллекция иконописных прорисей более 10000 листов. Принимал участие в просмотре фондов древне Русской живописи с целью уточнения в определении школ и датировок. Там же работал по расчистке редкого памятника древне-Русской живописи письма Андрея Рублева нач. XV в. "Пророк Софония" и других.

В июне мес. 1952 г. не имея возможности по состоянию здоровья работать целый день, я из Эрмитажа уволился.

В конце 1952 г. зав. Рукописным отд. библиотеки Академии Наук СССР, был приглашен в качестве консультанта в археографическую поездку в Латвию с целью приобретения древних Русских Рукописей у населения в городах Даугавпилсе и Риге, где было приобретено ~~древних~~ <сверху вписано более> 30 рукописей XVI—XIX веков.

В 1954 и 1955 гг., в летние месяцы, Институтом Русской (л.15) Литературы Академии наук СССР, зав. отд. древней литературы тов. Лихачевым был приглашен в качестве консультантов в археографические экспедиции на дальний Север (р. Печера с притоками), с целью приобретения у населения древних Русских рукописей. В итоге 2^x поездок приобретено и вывезено более 120 рукописей.

С февраля 1955 г. я вновь работаю старшим реставратором в Государственном Эрмитаже.

В начале сентября мес. текущего года (с 31 VIII по 11 IX)

Госуд. Эрмитажем я был командирован в Подпорожский район Ленинградской области с целью осмотра, выявления и вывоза (если таковые окажутся) Памятников древней Русской живописи — древних икон для Отд. Истории Русской Культуры, из старых деревянных церквей состоящих под государственной охраной и находящихся в ведении Отд. по делам Архитектуры при Облсполкоме. В результате поездки из 3-х старых церквей, имеющих художественный инвентарь мною изъято и вывезено 10 шт. икон XVI—XVII веков, которые и сданы в Отд. Ист. Русск. Культуры Госуд. Эрмитажа.

В Государственном Эрмитаже работаю более 22 лет за это время мною подготовлены реставраторы:

Костров П.И.
Панфилова О.И.
Малова А.М.
Николаева З.В.
Михеев Н.Д.
Ракитин В.Г. (болен)

(л.16) Были подготовлены, но или погибли в Отечественную войну или по разным причинам ушли из Эрмитажа:

Турулин Петр Дмитриевич
Шкируц Н.

} погибли в Отеч. войну

Кузьминов С.
Скуридина А.
Трухачев А. Н.
Вернер Г. В.
Носкович В. С.
Акулова Л.
Давидов Н.
Кононова В. В.

умер от ран в Финск. войну

За время работ в реставрационной мастерской Госуд. Эрмитажа мной разработаны и внедрены в практику реставрации станковой живописи — картин:

1. Документация реставрационных работ
2. Укрепление отставаний живописи на собственной основе без перевода.
3. при снятии пожелтевшего лака и записей, тампон заменен кистью и скальпелем.

4. При укреплении нагревать утюжки в сосуде с кипящей водой.

5. Проглаживать дублировки только с оборотной стороны

6. Замоченный осетровый клей обязательно сминать перед варкой.

7. При укреплении, перед тем как ввести клей в места отстывающей живописи, смазывать их разбавленным водой спиртом.

8. Пластыри на прорывы ставить на смоло-восковую мастику.

(л.17) За годы моей работы в реставрационной мастерской Эрмитажа во вне урочное время (отпускное, в дни отдыха и вечера), руководил и принимал участие в реставрации картин для следующих музеев:

Для музея гор. Молотова	15 картин.
“ “ “ Иркутска	8 “
“ “ “ Баку	12 “
“ дворцов музеев Петергофа	22 “
“ центр. военно-морского Музея	32 “
“ Военно-морское училище им Фрунзе	33 “
“ Военно-морское инженерное училище	18 “
В Строгановском дворце на Мойке в Растрелевском зале реставрация большого плафона XVIIIв.	1 “
Для музея гор. Пскова расчистка древних икон	4 “
Работа для Закупочной комиссии с 1938 г. по 1941 более	170 “

После Отечественной войны

Для Центрального Военно-Морского музея	48
“ Военно-Морского училища им.Фрунзе	42
“ Дворца Петра I в Летнем саду – Плафон	1
“ Музея гор. Свердловска – картинная галерея	10
“ “ гор. Пскова	23

Всего 439 картин

Из иногородних реставрац. работ представляет большой исторический интерес расчищенная мной икона “Мирожская Оранта” считавшаяся памятником Псковск. живописи 13²⁰ века и оказавшаяся после расчистки XVI в. копией с XIII в. На ней имеются портретные изображения Псковских князя Довмонта и его жены не как святых, а в виде донаторов (заказчиков), иконах в Псковск. музее.

Ф.Каликин

9/XII 1955 г.

КРУГЛЫЙ СТОЛ “ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ”

Л.С.Клейн (Санкт-Петербург)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ.*

Два перелома. Второй раз за последний век российская археология переживает крутой перелом. Основания для первого были заложены в 1917, но собственно в археологии перелом наступил значительно позже. Поначалу после революции российская археология двигалась по инерции в старом направлении. Экспедиций стало гораздо меньше, издательская деятельность свернулась, ученые бедствовали, многие уехали за рубеж. Но то, что оставалось, было тем же, что и до революции. Только во второй половине 20-х гг. группа молодых археологов в Москве начала перестраивать содержание археологических исследований по марксистским рецептам (см. Bulkin, Klejn, Lebedev 1982; ср. Генинг 1982). С начала 30-х эту активность перехватили ленинградские археологи. У этих были несколько иные идеи, а вся обстановка в науке тоже круто переменялась: начался разгром старых учреждений и кадров, повальные аресты ученых, ликвидация целых направлений (краеведения, экологической школы и т.п.). И к середине 30-х гг. советская археология приобрела тот вид, в котором она стабилизировалась надолго.

Нынешняя ситуация схожа с первыми послереволюционными годами. Экономическая разруха, распад старых связей и политические неурядицы больно ударили по археологии. Экспедиций стало меньше и они уменьшились в размерах: ассигнования срезаны, а те, что выдаются, с трудом могут быть пущены в дело: деньги обесцениваются, спад производства делает необходимые закупки снаряжения неразрешимой проблемой, нет бензина для машин... Сами археологические учреждения сокращаются и су-

ществуют под угрозой еще больших сокращений. Издательская деятельность парализована, ибо бумага и типографские работы подорожали неимоверно; чтобы окупить расходы, надо во много раз подымать цены на книги, но тогда их перестают покупать: у людей нет денег. Наиболее квалифицированные ученые проводят часть времени за рубежом, некоторые переселились туда насовсем. Молодые археологи меняют профессию: не прокормить семью. Разорваны традиционные связи между республиками. Словом, обстановка очень напоминает послереволюционные годы. И как тогда, предстоят, видимо, существенные перемены в содержании археологической науки. Может быть, как и тогда, они начнутся не сразу. Какие же перемены можно предвидеть? Каким должно быть содержание нынешнего перелома в археологии?

Деидеологизация. По идее, можно ожидать, что наука, освободившись от партийного гнета, прежде всего сбросит опостылевшие догмы и деидеологизируется, ибо всем осточертела эта навязанная сверху идеологическая выдержанность. Обязанность быть “идеологически выдержанным” очень напоминает быт в клерикальном государстве – и тут были свои инквизиция, святая цензура, *auto de fe*, покаяния. Теперь с этим наконец-то покончено.

Декоммунизация. В наших условиях деидеологизация означает декоммунизацию – освобождение от обязательной марксистской идеологии. Все ученые в нашей стране обязаны были заявлять свою приверженность марксизму, причем – только одной версии, марксизму-ленинизму. Ныне хочешь быть марксистом любого толка – будь им, не хочешь – не будь. Ученым, еще недавно поголовно марксистам по обязанности, теперь можно развивать любые учения, ранее считавшиеся буржуазными, можно вообще не навешивать в науке этих классовых и партийных ярлычков.

Деполитизация. Можно ожидать, что деидеологизация и декоммунизация повлекут за собой деполитизацию. Всякое событие в археологической науке, всякое действие, открытие, гипотеза рассматривались в советской археологии, прежде всего, с точки зрения его конъюнктурно-политического значения: можно ли этим открытием укрепить политические позиции советской власти или оно во вред ей. Эти политические игры, необходимость все время работать с оглядкой надоели ученым.

Интернационализация. Как ни рядилась советская наука в интернациональные одежды, но одним из аспектов политизации

советской археологии послевоенных десятилетий была ее националистическая окраска. Велась непрестанная борьба за приоритеты отечественной науки и культуры, за возвеличение своих предков, особенно великого русского народа, всегда бывшего старшим братом для всех соседей, за доказательства исконности его владения обширными территориями. А чего стоила яростная борьба с космополитизмом – шельмование выдающихся ученых за недостаток патриотизма, за следование западным влияниям, за простое цитирование западных работ. И вот теперь во всем этом нет необходимости. Можно честно излагать факты, объективно исследовать их, строить выводы по совести.

Воссоединение с мировым сообществом. Советская наука, и к археологии это относится в полной мере, долгое время была замкнутой системой, находясь в полной и намеренной изоляции от мирового сообщества археологов. Связи с Западной наукой были опасными и не только не поощрялись, но и прямо пресекались и преследовались. Под запретом были научные контакты они допускались только в официальной обстановке, под надзором и с обязательным последующим письменным отчетом (по сути, доносом) органам безопасности. Вся переписка с зарубежными коллегами (абсолютно вся!) тайно (хотя все об этом знали) перлюстрировалась. Ученые делились на "выездных" (их было очень мало) и "не-выездных" (все остальные), "выездные" – на тех, кому разрешались визиты лишь в "соцстраны", и особо доверенных, посещавших "капстраны" – это был узкий и постоянный контингент. В научные библиотеки литература приходила с изъятиями, существовали специальные разновидности цензорских штампов для разных категорий литературы (разной степени допустимости – полный запрет, ознакомление по специальным разрешениям, ограниченное пользование в профессиональных библиотеках, свободный доступ). Теперь всему этому конец.

Если судить по этим факторам, новый (второй) перелом должен быть резким поворотом к лучшему и дело только за тем, чтобы определить, какие именно конкретные формы примет новая российская археология, куда ей лучше направить свои усилия, свою освобожденную энергию.

Непредвиденные трудности. Однако на деле не все так просто. Как входить в новое со старыми навыками, со старыми кадрами? Мы хотим жить по-новому, но умеем ли? Сможем ли? Рас-

смотрим те же факторы – как они осуществляются в реальной обстановке нестабильности и разрыва привычных связей.

Деидеологизация? Она оказалась очень нелегким делом. Практика показала, что предстоит не освобождение от идеологии, а выдавливание ее. Чехов говорил, что русскому человеку надо выдавливать из себя раба по капле. Наша идеология, провозглашавшая всевластие государственной идеи и коллектива над личностью, лишенной собственности, была идеологией рабства. За 70 лет эта идеология вошла в плоть и кровь народа. Деидеологизация означает не просто отказ от конкретной идеологии, а коренное изменение социальной психологии народа (или, по крайней мере, интеллигенции) – готовность жить без руководящей и обязательной идеологии вообще. Без догм. Терпимо воспринимать чужие, непривычные идеи. Думать не все как один. Поворачиваться не все враз. Готовность ходить в туалет не строим. А это трудно. Появляется ощущение вакуума, дезориентации; советский человек чувствует себя потерянным и беззащитным. Он не привык к такой степени самостоятельности в оценках, к такой ответственности, и начинает лихорадочно искать, к какой бы идеологической стенке прислониться. Хватается за остатки коммунистической идейности и за "державность", за "русскую идею", за погрязшее в грехах православие, а то и за другие, экзотические религии, даже за язычество.

На этом фоне укоренившаяся идеология сменяется поначалу другой, противоположной, но тоже обязательной и единственно правильной. Вместо коммунистической – антикоммунистическая, вместо воинствующего атеизма – воинствующий антиатеизм. Характерные черты этой новой идеологии проклевываются уже сейчас вне археологии, а кое-где проявляются уже и в археологии. Это:

1) безоглядная идеализация царской России и всего связанного с династией Романовых; реставрация материальной культуры обретает политическое звучание, сторонников и противников – одни с упоением одеваются в исторические костюмы и примеривают исторические роли, другие обзывают их "ряжеными"; тут не до объективной оценки музейных экспонатов;

2) недостойное науки сугубое преклонение перед религией и церковью, в центре – православной, на периферии – мусульманской; древние погребения опять становятся мощами, археологичес-

кие памятники – святынями; религия, в цивилизованном обществе дело сугубо индивидуальное, интимное, становится у нас публичной и даже государственной манифестацией;

3) повальное увлечение мистикой и наивное доверие к разного рода шарлатанам и юродивым; избавление от дискредитированной марксистской методологии рассматривается как избавление от научной методологии вообще; разведки с рогулькой и экспедиции за снежным человеком сменяются страстными поисками следов пришельцев из космоса; публика поглощает индийские байки о прародине ариев на северном полюсе и всякие фальшивки вроде "Велесовой книги".

Декоммунизация? Дискредитация марксизма тоже имеет свои сложности. За 70 лет догматический марксизм пустил глубокие корни в сознании людей. Достаточно много тех, кто не хочет и не может изменить себя. Экономические и социальные бедствия порождают массу недовольных, которые частично тяготеют к реставрации старой власти, обеспечивавшей потребительский минимум и стабильное существование, а частично (прямолинейно осмысливая свои экономические интересы), приходят традиционным путем к социалистическим убеждениям, форма же для таких убеждений наготове старая. В этих условиях некоторые археологи остаются на базе твердой марксистско-ленинской доктрины и продолжают плодить установочные статьи и книги в ее стиле.

С другой стороны, марксизм аккумулировал разные достижения человеческой мысли – гегелевскую диалектику и трезвый материализм отнюдь не примитивного толка; его социологические анализы часто бывали очень тонкими и убедительными. В своей критической части он достигал большой действенности и немало способствовал усовершенствованию капиталистического мира. Не утратить бы философские и методологические интересы и достижения, которые связаны с марксистской традицией...

Деполитизация? В условиях острой политической борьбы, резкой политизации всего общества и поляризации политических сил деполитизация наук, связанных с историей и социокультурным анализом, представляется утопией. Совершенно ясно, что различные враждующие политические силы будут обращаться к археологии за аргументами в политической борьбе и что найдутся археологи, готовые из карьерных соображений или ради выгод археологии, а то и искренне, по убеждениям, удовлетворять эти

запросы. В таких условиях чисто научные вопросы тотчас приобретают политическое значение, научные споры превращаются в политические дискуссии.

Вопрос о происхождении древнерусского государства (варяжский вопрос) и вопрос о роли греко-византийской традиции на Руси становятся лишь модификациями спора западников со славянофилами о генеральном пути развития русского народа, его культуры и государственности. Вспыхнувший было в советское время с новой силой, спор этот теперь грозит возобновиться в археологии, ибо в обществе он уже идет. Это спор о выборе: западный путь (капитализм, свободная конкуренция и имущественное неравенство, демократия) или "особый" путь (эгалитарный принцип, общественное владение землей и основанная на этом деспотическая власть) – по сути, старый азиатский способ существования. Вопрос о роли отношений с восточными народами вылился в споры об особой евразийской цивилизации, о благости (или вредности) империи и т.д. Спорящим невдомек, что это профанация науки и вульгаризация серьезных социальных и политических проблем. Это стремление решить их примитивными средствами – ссылками на прецедент и на аналогию.

Интернационализация? Подлинная интернационализация российской археологии крайне затруднена в условиях распада империи и перед лицом суверенизации национальных государств из частей империи с острой борьбой между ними за наиболее выгодный раздел. Дело не только в установлении границ и ужесточении таможенных правил, или в сепаратизации районов. Дело в осознании экономических и политических коллизий как национальных противоречий.

Армянские и азербайджанские археологи доказывают исконную принадлежность спорных земель (Карабах или Арцах) тому или другому народу (в каждом случае – своему). Осетины возвеличивают своих предполагаемых предков скифов и сарматов и их роль на Кавказе, отстаивая право Южной Осетии на независимость от Грузии и объединение с Северной Осетией. Абхазы очень интересуются могуществом и распространением древних касков, их победами над хеттами, чтобы отстоять свое право на суверенитет и независимость от Грузии. Специалист по древнехеттской обрядности Ардзинба стал главой Абхазского государства. Некоторые грузинские археологи соответственно уповают на исследова-

ния широкого распространения ранней энеолитической культуры Кавказа и на выведение грузинского народа из нее – тогда Грузия получит аргумент в оправдание своего владения значительной территорией на Кавказе.

Молдавским археологам активисты их национального движения предъявляют требование доказать исконную принадлежность земель по обе стороны от Днестра молдаванам и их предкам и отсутствие там славян в древности. Легко сообразить, что на Днестровском Левобережье господствует противоположное направление, и оно опирается на традицию славянской археологии, разработанную академиком Рыбаковым – на догматический автохтонизм и стремление продвинуть нынешнее расселение славян на обширных территориях как можно дальше вглубь веков. Но так как на Днестре живут очень давно и славяне и романский этнос, то одной и той же методикой этого типа можно доказать прямо противоположные вещи – это известно еще со времен Коссинны и спора его немецких учеников с польским археологом Костшевским.

Надо бы опровергнуть методологические основы этой подживающей аргументации – само т.н. “историческое” (оно же “археологическое”) право, убежденность, что глубокая древность проживания создает юридические основания для владения землей для территориальных претензий. Но такого рода исследований пока нет.

Возобновился старый спор Грушевского с русскими историками, кто имеет больше прав считаться прямым наследником Киевской Руси – русский народ или украинский. Русские археологи тогда утверждали, что татарское нашествие смело городскую культуру Киевской Руси и население ушло на север, где влилось в очаг, создавший Московское государство, а украинцы возникли из беглых казаков – как ответвление той же Московской Руси. Грушевский возражал, что татарское нашествие не было столь сокрушительным, что города Киевской Руси в значительной части уцелели и, исцелив свою культуру, стали центрами кристаллизации украинского народа – прямого наследника Киевской Руси. Как раз Московская Русь – позднее боковое ответвление. Теперь спор, похоже, возобновляется. Но ведь это пустой спор амбиций!

Ликвидация изоляции? Конечно, нынешняя открытость миру – благоденствие для Российской археологии, как и для других

наук. Но насколько она велика и реальна? Политические препятствия с нашей стороны исчезли, но культурные – языковой барьер и комплекс неполноценности, вызванный длительной изоляцией и отчужденностью, – остались, а экономические усилились до невероятной степени. Появились барьеры со стороны западных государств – административные. Словом, некоторые археологи получили возможность выезжать за рубеж, но далеко не столь часто и легко, как сами зарубежные археологи друг к другу. Купить зарубежные книги и оборудование наши специалисты большей частью не в состоянии. Российская археология все еще остается и, вероятно, надолго останется в изоляции.

Таким видится облик российской археологии в течение ближайших лет.

Приоритетная задача. Какие задачи эта ситуация ставит перед российскими археологами? Может возникнуть впечатление, что мое суждение объяснимо личными пристрастиями и интересами, но прошу подумать над моими резонами. Мне представляется, что ныне первоочередной, приоритетной задачей для нас является развитие теоретической археологии.

Я не хочу сказать, что нет других важных задач. Есть, конечно есть. Это и сохранение в тяжелейших условиях кадров и основных учреждений археологии. И охрана памятников, а также проведение хотя бы спасательных экспедиций. Нужно с умом провести децентрализацию археологии – извлечь пользу из нее (больше мобильности, выше научная конкуренция) и избежать ее невыгод (раздробление средств и разобщенность). Предстоит проводить техническое переоснащение (прежде всего компьютеризацию) в условиях жесточайшей нехватки средств. Археологам нужно учиться жить в условиях рынка – перестраивать издания и музеи, изыскивать спонсоров. Нужно по-новому налаживать кооперацию с иностранными коллегами и коллективами – гораздо более широко и открыто, с разделением функций. Все это так. И все же на первом месте я вижу задачи в теоретической археологии.

Это и доступнее других и более важно.

Доступнее, ибо не требует больших затрат и оборудования, а также потому, что в этой области у нас есть некоторый задел. А более важно это потому, что многие наши трудности и проблемы упираются в застарелое искажение перспектив археологии, в ут-

рату ориентиров и в многолетнее отсутствие новых разработок теоретических проблем. А они тем более необходимы, что именно обладая твердыми теоретическими устоями и строгими методами, археология способна противостоять любым злоупотреблениям, любым попыткам политического манипулирования наукой, любым конъюнктурным давлениям и антинаучным увлечениям.

Но заинтересовать этими задачами археологов ныне исключительно трудно, ибо разочарование в марксистской теории археологии подорвало доверие к археологической теории вообще.

Задачи эти представляются представляются в основном троякого рода.

Во-первых, надо определить, какие факторы привели к наибольшему искажению функций археологии, оказались наиболее вредными.

Во-вторых, надо по-новому разобраться с ролью марксизма в советской археологии и его местом в будущей российской археологии.

В-третьих, надо выделить наиболее перспективные направления, в которых российская археология может не только улучшить свое собственное состояние, но и внести полезный и заметный вклад в мировую археологическую науку, стать более привлекательной и интересной для ученых всех стран.

Диагноз. На мой взгляд, в функциональном плане наибольший ущерб нанесло советской археологии явление, заметное также и в западной археологии – слияние археологии с историей (подробнее об этом см. Клейн 1991а; Klejn 1994а). Оно влекло к себе многих тем, что придавало археологическим занятиям наглядную осмысленность, т.е. исполняло ту же роль, которую для американской археологии играло вхождение на правах отрасли в культурную антропологию. И действительно, археологии нужны и непрерывные контакты с антропологией – для обоснования общими законами ее объяснений и методов, и тесные контакты с историей – для включения ее материалов во всеобъемлющую реконструкцию прошлого. Но рабочие контакты, а не слияние, в котором смешиваются и путаются функции разных дисциплин, методы разной природы, понятия разного содержания.

Ряд факторов привел к ситуации, при которой в советской системе исторического знания археология и этнография, каждая по отдельности, стали выступать в функции преистории, заменили

собой преисторию. Были и выступления в защиту такой подмены (за археологию – Арциховский 1941; за этнографию – Семенов 1979). В Западной же науке хотя и существует дисциплина под названием "преистория", это на деле просто первобытная археология, взявшая на себя и функции преистории. А особо выделенной дисциплины "преистория" ни тут, ни там нет. То есть одна и та же дисциплина берет на себя и функции источниковедения, и функции истолковательной истории, становясь ее первой в порядке хронологии отраслью, ее первым диахроническим разделом.

Это было бы, может быть, вполне допустимо, если бы существовала одна источниковедческая дисциплина, одно всеобъемлющее и методически однородное источниковедение. Тогда в известной степени правомерен был бы (или по крайней мере допустим) плавный переход от препарирования источников к их истолкованию. Но единого источниковедения нет. Разные виды источников (летописи, материальные памятники, обряды, фольклор, язык и т.д.) резко различаются между собой по способу закодированности в них информации и, следовательно, по методам их дешифровки. Источниковедение кардинально расчленено на дисциплины, изучающие разные виды источников: палеография, дипломатика, геральдика, нумизматика, археология, этнография и проч. История представлена в этих видах источников разными своими сторонами, в каждом очень односторонне.

Реконструировать всю историю по одному виду источников невозможно. Не просто недоступно нынешним исследователям, а принципиально невозможно. Поэтому история и, в особенности, ее наиболее трудный и самостоятельный раздел – преистория оказывается не только наукой истолковательной, реконструирующей прошлое по источникам, но и наукой синтезирующей. В истории это замаскировано тем обстоятельством, что на поздних ее стадиях один вид источников, письменные, становится всеобъемлющим и почти вытесняет все остальные, делает их почти ненужными. Чем древнее период, тем яснее выступает природа истории как науки синтеза. И уж в полной мере это очевидно в применении к преистории. Археологические источники – важный (не решаю сказать: важнейший) среди ее источников, но тем не менее он не может быть единственным (Клейн 1977, 1978). Археолог не должен браться за восстановление исторического и преисторического прошлого на основании одного лишь своего вида источников, ибо

это будет ущербная (а значит, искаженная) история и не менее ущербная преистория. Но как только он обратится к другим видам источников, он выйдет за пределы своей компетенции, которая и так достаточно обширна.

Но ведь этим предполагается, что историк-то или преисторик может же обращаться к этим видам источников и делать синтез, не будучи специалистом по их препарированию! Почему бы не разрешить это и археологу? Но почему бы это не разрешить тогда и этнографу, и нумизмату, и фольклористу и т.д.? Да потому, что результаты смежных дисциплин все они воспринимают (должны воспринимать) только как готовые данные – точно так же, впрочем, как и историк или преисторик. Но он-то обучен (должен быть обучен) еще и синтезу! А это особая, достаточно сложная и трудоемкая наука.

Конечно, археолог, как, впрочем, и этнограф или языковед, может сам делать исторический или преисторический синтез, но – при одном условии: он должен сознавать, что выходит за пределы компетенции своей науки, что должен овладеть в полной мере другими материалами и методами, получить другую школу, словом освоить другую дисциплину вдобавок к собственной. На практике происходит не так. Археолог, выходя за пределы своей компетенции, чаще всего не приобретает новой подготовки и остается археологом, совершившим вылазку в преисторию, а то и в источниковедческие смежные дисциплины – языковедение, этнографию, фольклористику. Однако в большинстве случаев он оказывается ученым невеждой, самоуверенным дилетантом, делающим скандальные промахи (Клейн 1990; 1991; 19936).

Бывает иначе – археолог оставляет археологию в небрежении, ограничиваясь весьма скудным анализом очень ограниченного материала, и превращается в специалиста по обобщениям и генерированию идей, но без разработки методов синтеза, без конституирования специальной дисциплины преисторического синтеза. Идеи для преистории он чаще всего берет из философии или из культурной антропологии. Это, так сказать, преисторик-импровизатор, по сути тоже дилетант. Таких немало в американской археологии.

Все сказанное действительно и для западной и для советской археологии. Но для советской (и, насколько я могу судить, и для польской) археологии эта ситуация имела дополнительные тяже-

лые последствия (Bulkin, Klejn, Lebedev 1982; Клейн 1986, 1993а):

1. Включенность археологии в историю была в советской науке гораздо более радикальной, чем на Западе Европы. История в марксистской системе наук занимала исключительное место, ибо именно в истории телеологичность марксистской доктрины реализовалась наиболее последовательно. В исторической и преисторической сфере содержалась основная аргументация движения к коммунизму. Маркс и Энгельс прямо говорили: "История это для нас все" (Энгельс 1844, 1954: 592), "... Есть только одна наука – наука истории" (Маркс и Энгельс 1955: 16. – Правда, последняя фраза – из вычеркнутого места черновика, но цитируется она очень часто без оговорок). Этот своеобразный панисторизм был очень характерен для советской науки. Он-то и определял положение археологии в системе наук – как отрасли истории.

2. Включенность археологии в историю означала в конкретных условиях советской действительности упование на то, что все методологические проблемы археологии разрешит исторический материализм – философско-социологическое учение, считавшееся общей методологией истории и всех социальных наук. Стремление построить для археологии собственную методологию рассматривалось как неверие в исторический материализм. Распределение материалов по принятым в марксистском стандарте социально-экономическим формациям и обнаружение классовых различий (или отсутствия таковых) рассматривалось как более важное, чем способность доказать состоятельность выделенных типов или построенных типологических рядов. Исследователь мог не очень заботиться о "формально-типологическом" анализе материала и его методическом обосновании, а прямо от описания и интуитивной классификации перескакивать к историческим заключениям, руководствуясь в них историческим материализмом. Материал служил скорее иллюстрацией к выводам, настоящие основания для которых были в историческом материализме.

3. Ориентируясь на партийно-идеологическое начальство, издательства жаждали получить отвечающую требованиям марксистской социологии древнейшую историю племен и местностей, построенную на археологических материалах, а не скучные описания и классификации памятников и находок. Отсюда – требования к археологам давать археологические публикации непременно с ис-

торическими выводами. В конкретных условиях перманентного кризиса полиграфической промышленности и приоритетного внимания к темам современной политики это оборачивалось ампутацией описаний и классификаций и опубликованием одних исторических выводов, да еще и сделанных без строго выверенной методики.

4. Для готовых выводов нужны абсолютные даты – и в советской археологии сохранилось архаичное предпочтение абсолютным датировкам перед относительными, тогда как устойчивой, надежной и благоприятствующей сравнительным исследованиям, обобщениям широкого масштаба, является как раз относительная хронология, а не абсолютная: абсолютная зависит от надежности двух вещей – внешних опор вне археологии и длинных цепочек синхронизации, связывающих эти опоры с датируемыми объектами. Внешние опоры фрагментарны и все еще часто пересматриваются, а внутренние цепочки состоят из многих звеньев, в последовательностях которых накапливаются ошибки. Известно, какому радикальному пересмотру подверглась недавно абсолютная хронология неолита и раннего бронзового века Европы. Относительная же хронология, которая ныне базируется на построении больших хронологических систем, показала себя очень устойчивой.

Расщепление сросшихся дисциплин – археологии с преисторией, обретение ими методологической обособленности не должно привести к отрыву археологии от истории и преистории. Рабочие контакты должны сохраниться. Но становление обеих наук как самостоятельных дисциплин означает необходимость пересмотра их взаимоотношений на организационном уровне. Надо подумать о выделении специальных институций для преистории, о четкой функциональной ориентировке институций археологических.

Коренному пересмотру подлежит подготовка археологических кадров. У нас археологи получают историческое образование. Они должны за весьма сжатое время обучения полностью пройти весь цикл исторических дисциплин, включая новую и новейшую историю, и лишь дополнительно, сверх полной исторической подготовки, специализируются по археологии. Тем самым археологу заведомо, со студенческой скамьи, прививается дилетантизм, непрофессионализм. Более полная профессиональная подготовка, которую долгое время удавалось отстаивать в Ленинградском уни-

верситете (Klejn 1972), ныне в Санкт-Петербургском утрачена.

Археология должна рассматриваться как особая профессия, а отнюдь не как специализация историка, культур-антрополога или этнолога-этнографа. Но это предполагает и необходимость становления преистории как особой науки (Равдоникас 1939). Ее конструирование уже предлагали видные советские этнографы (Кабо 1979; Першиц 1979; История 1983). Правда, практически они создают ее всё-таки в основном на базе этнографии. А кое-кто (Семенов 1979) и обосновывает теоретически эту привилегию этнографии, то есть поступают вполне подобно археологам, претендующим на статус преисториков. В системе наук преистория, на мой взгляд, занимает место между биологической эволюцией приматов (включая экологию) и историей человеческого общества. Это наука полустествоведческая, полуобществоведческая. В ней есть черты того и другого планов.

Этот пересмотр сопряжен с еще одним. Археологию сейчас то и дело пытаются ввести в семью точных наук, связав с антропологией или с социологией. По традиции же она принадлежит к гуманитарным наукам – вместе с историей. Ну, я и историю не отношу к гуманитарным наукам, отвергая вообще такую дихотомию (гуманитарные – точные): есть и другие группы наук. Такую особую группу – наук конкретно-ориентирующих – и составляют история вместе с географией: одна ориентирует нас во времени, другая – в пространстве. Что же до археологии, то она и не гуманитарная наука, и не "точная", и не конкретно-ориентирующая. Ближайшие ее родичи по методам и процедуре исследования – история или антропология, а криминалистика, профессия детектива, а также мастерство реставратора. Это вообще не фундаментальная, а прикладная наука (Клейн 1992).

Взгляд на археологию как на прикладную науку должен в корне изменить отношение к ней во многих аспектах, в т. ч., в оценке правомерности ее увязки с идеологией, политикой и т.п.

Разборка с марксизмом. Советскую археологию принято считать марксистской. Это и верно и неверно. Это верно в том смысле, что советские археологи обязаны были дотошно изучать марксизм, подтверждать археологически некоторые догмы марксистского учения (находить такие подтверждения), показывать благотворность применения методических принципов, являвшихся или считавшихся марксистскими, к археологии. В этом смысле совет-

ская археология находилась под сильным и исключительным марксистским воздействием.

Однако безусловная аттестация советской археологии как марксистской неверна даже с точки зрения многих марксистов, ибо из всех марксистских течений советская археология принуждена была сугубо догматически придерживаться одного, не принимая и не разрешая своим работникам все остальные, рассматривая их как еретические. А это одно скорее декларировалось, чем подлинно реализовывалось, поскольку без развития, без изменения, без приспособления к поступающим фактам никакое учение не может проводиться на практике. У нас же всякое свободное изменение предписанных положений трактовалось как "ревизионизм" (ругательное слово), нарушение канона, и жестоко преследовалось.

На деле же, начетнически декларируя свою верность изначальному марксизму, археологи вынуждены были "творчески" изменять и приспособлять его — к конкретным надобностям повседневной советской политики. Он изменялся по указаниям сверху — от политического руководства партии и государства, в угоду политической конъюнктуры. А вместе с ним изменялась и вся система взглядов на историческое прошлое. Древнерусская культура объявлялась то убогой (как все дореволюционное), то чрезвычайно высокой (это когда потребовалось патриотическое настроение), варяги то считались создателями древнерусского государства (чтобы унижить свергнутую монархию), то ничтожными наемниками (когда возобладал патриотический антинорманизм), и т.д. Это была не марксистская, а конъюнктурная археология и преистория, особенно в послевоенные десятилетия.

Но в таком случае не появляется ли теперь возможность развить подлинно марксистскую археологию и преисторию, учесть все разновидности марксизма, приняться за творческое развитие марксистских идей в археологии и преистории?

Нет, ибо советская археология не была и не могла быть марксистской еще в одном смысле. Нельзя говорить о некоей марксистской археологии, равнопорядковой с другими школами археологии, с другими направлениями — эволюционистским, диффузионистским, экологическим, структуралистским, "новой археологией" и т.п. Все эти школы и направления возникли в самой археологии или преистории. Если они и заимствовали основополагаю-

щие идеи у смежных наук (это вполне нормальное явление), то потому, что эти идеи заражали соседей и потому, что в самой археологии или преистории находились основания для заимствования. Марксистскую же археологию вознамерились создать искусственно, как отрасль советской идеологии. Это не был нормальный процесс возникновения новой школы. Хотя марксизм существовал задолго до 1917 г., не было и слуха о какой-либо марксистской археологии в течение полувека (хотя были марксистская политэкономия, социология и, пожалуй, философия). Археология, претендующая на аттестацию марксистской, возникла только в результате захвата власти коммунистической партией в России, и то не сразу. Чтобы такую археологию сконструировать, нужна была политическая власть.

Марксизм – не учение, вытекающее из ситуации в преистории или археологии или разработанное в них. Это учение политическое с экономической разработкой, с философским и историческим обоснованиями. Его единственный логичный выход в преисторию – это поиски некоторых дополнительных обоснований доктрины или демонстрация благотворности ее философско-методологических принципов для наук о развитии общества. Но это частные для марксизма идеи, и они входили в археологию и преисторию, не развертываясь как логическое древо, а скопом. Их логическое единство формировалось вне археологии и вне преистории. Вне этих дисциплин пребывал марксизм как концепция, как течение, как -изм.

Поэтому то, что называлось марксистской археологией, было так переменчиво, так резко сменяло основные идеи – то комплексный метод, то "метод восхождения", то теория стадиальности, то этногенетика, и т.д. Не было и прокламированного "монолитного" единства, особенно в послевоенные десятилетия. Под общим покрывалом марксизма скрывались различные по сути школы и направления (Клейн 1993а), но они не получили последовательного развития, скованные обязательными рамками марксистской методологии.

Прогноз и задачи. Совершенно очевидно, что в ближайшие годы у российской археологии нет возможности удержать прежний размах экспедиционной деятельности или улучшить ее техническую оснащенность. Не удастся увеличить и количество рабочих мест – дай Бог хотя бы сохранить наиболее работоспособные и

квалифицированные кадры. Ясно, что придется учиться жить по-новому, особенно археологам из основных центров, занимавших раньше привилегированное положение. Им придется привыкать к условиям децентрализации, учиться изыскивать ассигнования у спонсоров и гранты у фондов, ориентироваться в гораздо большей мере, чем прежде, на мировую (включая зарубежную) сферу применения своих результатов, учитывать запросы внешнего рынка своей продукции. Отмечу наиболее общие, перспективные цели и задачи.

Пересмотр марксизма. Перед нами стоит задача коренного критического пересмотра марксистского учения вообще и в приложении к древнейшей истории, преистории и археологии в частности. Долгие годы наша страна была ведущим центром марксизма в мире, и хотя во многих смыслах советская археология не была марксистской, наши археологи служили утверждению марксистского учения и его распространению в мире. На нас лежит моральный долг сделать все для расчистки созданных нагромождений лжи и ошибок. Мне кажется, наиболее кардинальным заблуждением марксизма является телеологичность его картины мира, превратившая его в религию, замаскированную под науку, и его утопичность, связанная с тем, что он игнорирует биологическую природу человека. Он рассматривает человека только как социальное существо, как узел социально-экономических связей, совершенно абстрагируясь от того, что человек еще и биологическое существо, имеющее целый ряд неотъемлемых биологических потребностей и устремлений. Марксизм всегда игнорировал интересы личности, подавлял их и подчинял интересам (идее) государства. Он еще и отличается характерным для всех утопических учений мессианством, фанатизмом и нетерпимостью, приведшими к расколу науки и неисчислимому ущербу для нее.

Поскольку марксизм ныне весьма влиятелен в археологии ряда стран, более влиятелен, чем ныне в России, я думаю, что критическая работа российских археологов, имеющих достаточно большой и нелегкий опыт в этом плане, будет иметь общеевропейское, а может быть, и общемировое значение.

Борьба с национализмом. Полвека назад Россия переняла у гитлеровской Германии роль центра конъюнктурной, политизированной и националистической археологии, и отсюда эта зараза распространялась на окраины империи и ее окрестности, вызывая

ответную волну такого же, только инвертированного (обратно направленного) национализма в археологии. Манипулирование археологией в целях националистической пропаганды является очень заразительным. Археология становилась одним из средств возбуждения националистических страстей, ныне разрядившихся кровавыми национальными конфликтами.

На российских археологах лежит моральный долг разрушить те методологические основания, на которых покоилась эта антинаучная деятельность – принцип "исторического права", принцип отождествления расовых общностей с культурными и языковыми, утверждение особой этнической чистоты того или иного народа и резона гордиться этим, и т.п.

Поскольку национальные конфликты и политизация археологии есть не только на Востоке Европы, но и на Западе, думаю, что и эта очистительная и просветительская деятельность, в которой у российских археологов есть все основания сыграть важную роль, будет иметь не только локальное значение.

Профессионализация образования. Долгие годы археология была в университетах боковой специализацией при истории. Слитность археологии с палеоисторией (включая преисторию) препятствовала становлению обеих наук – и археологии, и преистории, исключала подготовку полноценных специалистов в них. Если выпускники полагались только на стандартные учебные планы и курсы, то они выходили (и все еще выходят) полудилетантами.

Я не уверен, что стоит выводить кафедры археологии за пределы исторических факультетов (разве что возникнут антропологические факультеты), но наверняка стоит создать там кафедры преистории, отдельные от кафедр археологии и этнографии, а кафедры археологии располагать в отдельных подразделениях исторического факультета вместе с кафедрами источниковедения, вспомогательных дисциплин, этнографии. Отдельность таких подразделений подразумевает, что студенты не должны изучать в полном объеме историю – у них хватит других задач. Поскольку старые кадры и структуры плохо поддаются перестройке и даже используют новые права и автономии университетов для своей стабилизации и увековечивания привычной системы в прежнем виде, то надо создавать параллельные, новые структуры. Одну из таких возможностей представляет создаваемый ныне Европейский Университет в Петербурге.

Воссоединение с мировой археологией. Еще одна задача, стоящая перед российской археологией и тоже составляющая наш моральный долг. Мы так много делали в прошлом для раскола мировой археологии на враждующие лагеря, для самоизоляции, что нам и надлежит сейчас делать больше других для упрочения ее единства. А единство археологии определяется прежде всего развитием ее центральной теории и методов. К тому же теория и методы создают действительную базу для устойчивости против любых идеологических злоупотреблений наукой, против конъюнктурных манипуляций. И к счастью, требуют не так уж много экономических затрат на свое развитие.

В русском языке поворотное время называется "перелом". Это очень трудное время, но весь вопрос в том, что будет сломано и куда повернет история. Куда мы сумеем ее повернуть.

* С основными идеями этого доклада автор выступал на российско-испанской конференции в Мадриде (Klejn 1994b: 193–214).

Арциховский А.В. 1941. Введение в археологию. М.

Генинг В.Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии). Киев.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.

Кабо В.Р. 1979. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.

Клейн Л.С. 1977. Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Кемерово.

Клейн Л.С. 1978. Археологические источники. Л. (2-е изд. – СПб. 1995).

Клейн Л.С. 1986. О предмете археологии // СА, №3.

Клейн Л.С. 1990. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л.

Клейн Л.С. 1991а. Рассечь кентавра // Вопросы истории естествознания и техники, №4.

Клейн Л.С. 1991б. Языческий подход к лингвистике // Советское славяноведение, №4.

Клейн Л.С. 1992. Методологическая природа археологии // РА, №4.

Клейн Л.С. 1993а. Феномен советской археологии. СПб.

Клейн Л.С. 1993б. Збручский идол: интерпретация или языческая теология? // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб.

Маркс К. и Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // Соч., т.3. М.

Першиц А.И. 1979. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.

Равдоникас В.И. 1939. История первобытного общества. Ч.1. Л.

Семенов Ю.И. 1979. О методике реконструкции развития первобытного общества по данным этнографии // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.

Энгельс Ф. 1844/1954. Положение Англии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1. М.

Behrens H. 1984. Die Ur- und Frühgeschichtswissenschaft in DDR von 1945–1980. Miterlebte und mitverantwortete Forschungsgeschichte (Arbeiten für Urgeschichte des Menschen, Bd.9). Frankfurt am Main.

Bulkin V.A., Klejn L.S., Lebedev G.S. 1982. Attainments and problems of Soviet archaeology // World Archaeology, 13.

Klejn L.S. 1972. Ausbildung der Archäologen in der UdSSR // Archäologisch-Ethnographische Zeitschrift, 13 (3).

Klejn L.S. 1994a. Prehistory and archaeology // Kuna M. and Venclova N. (eds.). Whither archaeology? Archaeology in the end of the millenium. To Evžen Neustupny sexagennario. Praha.

Klejn L.S. 1994b. Russia's archaeology at the turning point // Congresso Hispano-Ruso de historia. Madrid.

**С.В.Белецкий, Г.С.Лебедев, Ю.М.Лесман
(Санкт-Петербург)**

ТРАДИЦИИ РЕГИОНАЛИСТИКИ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И XVI (ПСКОВСКИЙ) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Организационная структура археологии как научной дисциплины и как службы сохранения и изучения древностей сформировалась в России в сер.-вт.пол. XIX . Она складывалась как совокупность учреждений государственных (1853 г. - музей Императорского Эрмитажа; 1859 г. - Императорская Археологическая комиссия/ИАК; в 1872 г. был создан и в 1883 г. открыт Российский исторический музей/РИМ), общественных (1846 г. - Русское Археологическое общество/РАО; 1864 г. - Московское Археологическое общество/МАО; затем сеть губернских ученых архивных комиссий и обществ) и частных (1878 г. - Санкт-Петербургский археологический институт). Начиная с 1840-х годов археология проникает в учебные курсы Университетов и духовных Академий, а с 1909 г. начинается ее систематическое преподавание в Санкт-Петербургском университете. Такая структура обеспечивала развитие основных направлений археологической науки, формирующих целостный комплекс знаний о доистории и

ранней истории России.

Важнейшим организующим началом в российской археологии вт.пол. XIX – нач. XX вв., обеспечивавшим взаимодействие государственных, общественных и частных структур между собой и с губернскими органами власти и самоуправления стали Всероссийские Археологические съезды (АС), организацию которых взяло на себя МАО. Подготовка и проведение каждого АС, начиная с первых (I АС – Москва, 1869; II АС – Петербург, 1871), имела целью организацию и всестороннюю поддержку местных научных центров по изучению древностей, прежде всего – в том регионе, центр которого принимал очередной АС. Проблематика АС также в значительной мере ориентировалась на место проведения Съезда. Так, III АС (Киев, 1874) был посвящен, прежде всего, славяно-русской археологии Поднепрвья, IV АС (Казань, 1877) – финно-угорской археологии и “восточной” археологии Поволжья, V АС (Тифлис, 1881) – археологии Кавказа, VI АС (Одесса, 1884) – античности, скифским и византийским древностям Причерноморья, VII АС (Ярославль, 1887) – славяно-русской и финно-угорской археологии. После юбилейного для МАО VIII АС (Москва, 1890), на котором были подведены первые итоги работы Съездов, состоялись два прибалтийских АС (IX АС – Вильно, 1893; X АС – Рига, 1896) и ряд Съездов, посвященных новым открытиям в области первобытной археологии каменного, бронзового и раннего железного века юга России (XI АС – Киев, 1899; XII АС – Харьков, 1902; XIII АС – Екатеринослав, 1905; XIV АС – Чернигов, 1908). В нач. XX в. стала ощущаться пауза в проведении АС в центральной России; ее заполнили областные АС, проведенные в 1901 и 1903 гг. Тверским обществом любителей истории, археологии и естествознания. Наконец, последние АС были посвящены археологии Северо-Запада (XV АС – Новгород, 1911; XVI АС – должен был состояться в Пскове, 1914). Первая мировая война надолго прервала традицию проведения АС.

Сформировавшаяся в нач. XX в. сеть местных обществ и музеев вела активную краеведческую работу, создавая базу для региональных исследований. Нередко работы такого рода проводились на высоком для своего времени профессиональном уровне.

Археологическая служба СССР, ориентированная на научно-организационную централизацию, не сумела создать систему научных форумов, адекватных АС, да и не нуждалась в них. Прише-

дшие на смену Съездам Всесоюзные археологические конференции и пленумы равноценной заменой не стали: целенаправленные археологические изыскания в регионах, центры которых принимали Конференции, не координировались с проведением Конференций, а сами Конференции, фактически, являлись отчетными сессиями, посвященными информациям исследователей о новейших полевых исследованиях. Издавались, в лучшем случае, сборники тезисов докладов (см. тезисы доклада Л.М.Всевиова в наст. сборнике - *Ред.*). Тематические и региональные конференции, проводившиеся в разных городах страны на базе Академических институтов, музеев и вузов, также не смогли взять на себя функции АС, прежде всего – в силу ограниченной представительности участников и сравнительно узкой тематики докладов. Завершением унитарной централизации и решающим ударом по традиционной для российской археологии регионалистике стал сопровождавшийся серией политических процессов разгром системы краеведческих учреждений в СССР, наследовавших местным Археологическим обществам, Губернским ученым архивным комиссиям и Обществам любителей древностей. По сути дела, археологическая регионалистика на несколько десятилетий сосредоточилась в нескольких наиболее крупных (Москва, Ленинград, а позднее также Новосибирск и Свердловск) центрах страны и в столицах республик.

В последние полтора-два десятилетия сформировались активные, профессионально дееспособные группы специалистов-археологов в ряде областных центров России. Это связано, прежде всего, с активизацией в 1980-е годы масштабных археологических исследований в зонах новостроек и профессионализацией процесса паспортизации памятников археологии России. Но корни процесса уходят в кон. 1960-х и 1970-е годы – в систему региональных археологических студенческих конференций (РАСК), проводившихся в различных городах страны. Образование местных центров стимулировалось на РАСК, инициированных в конце 1960-х годов студентами кафедры археологии ЛГУ и предшествовавших по времени проведения Всесоюзным археологическим студенческим конференциям (слепком с Всесоюзных археологических конференций), проводившимся на базе кафедры археологии МГУ. Немаловажную роль сыграли археологические семинары и конференции, организованные “ в столицах ” и “ на мес-

тах” ведущими специалистами из традиционных центров российской археологии (новгородский семинар В.Л.Янина на кафедре археологии МГУ и его же систематические Новгородские конференции; “славяно-варяжский” семинар на кафедре археологии ЛГУ; псковский семинар В.В.Седова), а также региональные археологические конференции, проводящиеся во многих городах России с сер. 1980-х годов. Немаловажную роль сыграла и издательская деятельность этих конференций и семинаров: при всей убогости издававшихся на чистом энтузиазме, а порой и “полуподпольно” сборников тезисов докладов, они оперативно вводили в научный оборот и новые материалы, и, что немаловажно, новые идеи. К настоящему времени в ряде исторических центров России (Псков, Новгород, Тверь и др.) сложилась сеть археологических служб с очерченным кругом полномочий, характерных для каждой из служб в отдельности.

Возрождение структуры местных археологических центров позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Реальностью становится перспектива качественного скачка в исследованиях, перехода от краеведения к научной регионалистике. Произошедший за последние 10 лет распад унитарной государственно-централизованной структуры и археологической науки, и органов власти ставит на новом уровне проблемы, близкие к тем проблемам, которые решались на протяжении 55 лет российской истории с помощью АС. Появляется основание ставить вопрос о необходимости следующего шага в возрождении традиций российской археологической регионалистики – о возрождении Археологических съездов России. И в первую очередь речь должна идти о проведении XVI АС, отмененного в связи с началом Первой мировой войны. Псков в настоящее время располагает разветвленной системой археологических служб, археологические исследования в городе и области пользуются всесторонней поддержкой Псковской Администрации, заинтересованной не только в сохранении и пропаганде, но и в изучении Святынь и Древностей Псковских (см. тезисы выступления А.И.Голышева в наст. сборнике - *Ред.*). Тематика отмененного в 1914 г. XVI АС в большой степени совпадает с той научной тематикой, над которой работают в настоящее время специалисты не только в Пскове, но и за его пределами (см. тезисы доклада А.А.Александрова в наст. сборнике - *Ред.*). Важнейшая акция, проведенная в канун XVI АС в начале 1910-х гг. – подготовка

археологической карты Псковской губ. – удивительным образом совпадает с активизацией работ по регистрации памятников археологии Псковской обл., активно проводимой в настоящее время специалистами из Псковского археологического центра, Псковского музея-заповедника и органов Охраны памятников Псковской администрации (с привлечением, как и в канун несостоявшегося Съезда, специалистов из “столиц”). Полагаем, что наступило время прямо поставить вопрос о необходимости проведения XVI Псковского АС. Институт истории материальной культуры РАН (“наследник” ИАК), Псковский музей-заповедник (“наследник” ПАО) и Администрация Псковской обл. (преемница администрации Псковской губ.) могли бы взять на себя организацию Подготовительного комитета по подготовке XVI АС, который можно было бы провести уже в 1997 или 1998 г.

Восстанавливая прерванную в 1914 г. культурно-организационную традицию, XVI Псковский АС “мог бы стать одним из важнейших актов преодоления культурного разрыва, вызванного мировым и российским кризисом, и одним из условий обеспечения оптимальных возможностей развертывания демократичной научной структуры, обращающей нас к истокам пути нашей дисциплины”, писал несколько лет назад один из авторов (Лебедев 1992: 451). Тогда предполагалось, что возрождение АС – задача следующего поколения российских археологов. Хочется думать, что эта задача выполнима уже в наши дни.

Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.

Л.М.Всевиов (Санкт-Петербург)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ В РОССИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛЕНУМЫ В СССР. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

С 1869 по 1911 гг. с завидным постоянством (через каждые два года на третий) в различных городах Российской империи со­зывались Археологические съезды (АС). Всего было проведено 15 Съездов, каждый из которых сопровождался изданием трудов (от 2 до 4 томов). Издавались Протоколы подготовительных комите-

тов, известия, каталоги выставок и проч. Последний XVI АС, который должен был состояться в Пскове в 1914 г., из-за начавшейся войны созван не был. Однако уже успели издать и Каталог выставки к Съезду, и Правила проведения Съезда, и сборник к Съезду (вышел в Берлине в 1914 г.).

С началом нового периода в истории России подобные АС мероприятия уже не проводились. На смену АС пришли редко собираемые конференции археологов СССР. Первая из таких конференций, посвященная 100-летию Керченского музея, состоялась в Керчи (1926), вторая была проведена в Херсонесе и посвящалась 100-летию раскопок этого древнего города (1927).

До войны, в 1939 г. в Москве была созвана Всероссийская археологическая конференция: ее задачей стала разработка пятилетнего плана археологических исследований в стране. В 1945 г. в Москве было проведено археологическое совещание, на котором подводились итоги работы археологов во время войны и разрабатывались планы дальнейших археологических раскопок.

Начиная с 1951 г. Всесоюзные археологические конференции, получившие в среде археологов название “Пленумы”, стали созываться практически ежегодно. Первоначально это были совместные заседания Отделения исторических наук АН и ИИМК, в дальнейшем – Всесоюзные конференции археологов, к которым впоследствии присоединились этнографы. В определенной степени Пленумы стали аналогами прежних Археологических съездов. Возможно, по научной значимости докладов они даже превосходили Съезды, но уж ни в коей мере не могли сравниться со Съездами по той печатной продукции, которой Пленумы сопровождались. Глядя на небольшие книжечки тезисов Пленумов – без иллюстраций, напечатанные на плохой бумаге, зачастую – ротационным способом, становится, мягко говоря, неудобно за нашу археологическую науку. Хотелось бы думать, что новое время принесет и новое отношение (наверное – далеко не сразу) к изданию материалов таких мероприятий, какими являлись в последние десятилетия Пленумы. Во всяком случае, хочется верить в то, что новые издания станут достойными преемниками изданий, готовившихся к Археологическим съездам России.

**БИБЛИОГРАФИЯ МАТЕРИАЛОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ (1868–1915)**

- I АС.** 1869. Москва
Правила Первого Археологического съезда. СПб., 1868. 15 стр.
Второе дополнение к вопросу, предполагаемому к обсуждению на съезде.
М., 1869. 4 стр.
Труды Первого Археологического съезда в Москве // Под ред. гр.
А.С.Уварова. Т.1–2. М., 1871. 874 стр., илл.
Собрание карт, планов и рисунков к Трудам I-го Археологического съезда.
М., 1871. 54 стр.
- II АС.** 1871. Санкт-Петербург.
Правила Второго Археологического съезда. СПб., 1871. 15 стр.
Труды Второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге. Вып.1. СПб.,
1876, 403 стр.; вып.2, СПб., 1881, 290 стр.
- III АС.** 1874. Киев.
Правила Третьего Археологического съезда. М., 1873. 17 стр.
Труды Третьего Археологического съезда. Киев, 1878, т.1, 347 стр., илл; т.2,
691 стр. Атлас к Трудам (25 илл.).
Указатель выставки при 3-м Археологическом съезде. Киев, 1874, 144 стр.
- IV АС.** 1877. Казань.
Правила Четвертого Археологического съезда. М., 1876. 25 стр.
Известия о занятиях 4-го Археологического съезда. Казань, 1877, 192 стр.,
прилож.: Указатель выставки при 4-м Археологическом съезде. 34 стр.
Труды Четвертого Археологического съезда. Казань, т.1, 1884, 682 стр.; т.2,
1891, 457 стр.
Атлас к трудам Четвертого Археологического съезда. Казань, 1889, 18 л.
- V АС.** 1881. Тифлис
Правила Пятого Археологического съезда. М., 1880, 19 стр.
Протоколы Подготовительного комитета // Под ред. И.Д. Мансветова. М.,
1879, 621 стр., илл.
Труды Пятого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. М.,
1887. 411 стр., илл. Атлас к Трудам. 47 л.
- VI АС.** 1884. Одесса.
Правила Шестого Археологического съезда. Одесса, 1883, 10 стр.
Приложение к программе 6-го Археологического съезда. Одесса, 1883, 12
стр.
Второе приложение к программе 6-го Археологического съезда. Одесса,
1884, 20 стр.
Бюллетени 6-го Археологического съезда (с 5-го загл.: Рефераты о заседаниях...)
Одесса 1884, №1–10.
Труды Шестого Археологического съезда. Одесса, т.1, 1886, 318 стр., илл.;
т.2, 1888, 437 стр., илл.; т.3, 1887, 395 стр., илл.; т.4, 1889, 312 стр., илл.
- VII АС.** 1887. Ярославль
Правила Седьмого Археологического съезда. М., 1886, 38 стр.
Известия о занятиях 7-го Археологического съезда. Ярославль, 1887, 176
стр.
Труды Седьмого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой.

М., т.1, 1890, 305 стр., илл.; т.2, 1891, 356 стр., илл.; т.3, 1892, 149 стр., илл.

Указатель выставки при 7-ом Археологическом съезде. Ярославль, 1887, 151 стр.

VIII АС. 1890. Москва.

Правила Восьмого Археологического съезда. М., 1889, 25 стр.

Занятия 8-го Археологического съезда. М. 1890, 211 стр.

Сборник материалов для 8-го Археологического съезда // Сост. И.Ф.Токмаков. М., 1889—1890, вып. 1, 2, 5, 7, 9.

Труды Восьмого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. СПб.—М., т.1, 1892, 496 стр., илл.; т.2, 1895, 283 стр., илл.; т.3, 1897, 341 стр., илл.; т.4, 1897, 242 стр., илл.

Выставка при 8-ом Археологическом съезде. М., 1890, 12 стр.

Каталог археологической выставки 8-го съезда. М., 1890, залы 1—6,8,10—11.

Каталог выставки древнеписьменных ламятников в Московском гласном архиве Министерства иностранных дел, устроенной в продолжение 8-го Археологического съезда // Сост. И.Ф.Токмаков. М., 1890, 18 стр.

Сибирь и Монголия. Географические и археологические исследования Н.М.Ядришцева в Алтае, в Минусинском округе, за Байкалом и в Монголии с 1880—1890 гг. М., 1890, 12 стр.

IX АС. 1893. Вильна

Правила Девятого Археологического съезда. М., 1891, 29 стр.

Известия 9-го Археологического съезда. Вильна, 1893, 15 стр.

Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне 9-го Археологического съезда. Вильна, 1893, 645 стр., илл.

Труды Девятого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой, С.С.Слуцкого. М., т.1, 1895, 165 стр., илл.; т.2, 1897, 454 стр., илл.

Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при 9-ом Археологическом съезде. Вильна, 1893, 122 стр.

X АС. 1896. Рига.

Правила Десятого Археологического съезда. М., 1894, 33 стр.

Известия 10-го Археологического съезда. Рига, 1896, 122 стр.

Труды Московского предварительного комитета 10-го Археологического съезда. М., вып. 1, 1895, 93 стр.; вып. 2, 1896, 283 стр., илл.

Труды Десятого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. М.—Рига, т.1, 1899, 455 стр., илл.; т.2, 1899, 124 стр., илл.; т.3, 1900, 423 стр., илл.

Каталог выставки к 10-му Археологическому съезду. Рига, 1896, 289 стр., илл.

XI АС. 1899. Киев.

Правила Одиннадцатого Археологического съезда. М., 1899, 33 стр.

Программа для собирания сведений о древностях // Предварительный комитет по устройству 11 Археологического съезда. Киев, 1897, 10 стр.

Протоколы заседаний Киевского отделения предварительного комитета по устройству 11-го Археологического съезда. Киев, 1897—1899, 9 заседаний.

Известия 11-го Археологического съезда. Киев, 1899, 231 стр.

Труды Одиннадцатого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой и С.С.Слуцкого. М., т.1, 1901, 816 стр., илл.; т.2, 1902, 442 стр., илл.

Каталог выставки 11-го Археологического съезда. Киев, 1899, 117 стр.

XII АС. 1902. Харьков.

Известия 12-го Археологического съезда. Харьков, 1902, 238 стр.

Протоколы заседаний предварительного комитета 12-го Археологического съезда. М., 1900, 34 стр.

Труды Харьковского предварительного комитета по устройству 12-го Археологического съезда // Под ред. Е.К.Редина. Харьков, 1902, т.1, 631 стр., илл.; т.2, 691 стр., илл.

Труды Двенадцатого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., 1905, т.1, 771 стр., илл.; т.2, 612 стр., илл.; т.3, 676 стр., илл.

Альбом выставки 12-го Археологического съезда // Под ред. и с объяснит. текстом Е.К.Редина. М., 1903, 25 стр., илл.

Каталог выставки 12-го Археологического съезда. Харьков, 1902. 1. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок, 262 стр.; 2. Отдел церковных древностей, 190 стр.; 3. Отдел исторических древностей, 79 стр.; 4. Нумизматический отдел, 8 стр.; 5. Этнографический отдел, 147 стр.; 6. Отдел старопечатных книг, 10 стр.; 7. Отдел рукописей, 67 стр.; 8. Картографический отдел, 23 стр.

XIII АС. 1905. Екатеринослав

Правила Тринадцатого Археологического съезда. М., 1903, 49 стр.

Труды Харьковской комиссии по устройству 13-го Археологического съезда. Харьков, 1905, 791 стр.

Известия 13-го Археологического съезда. Харьков, 1906, 157 стр.

Труды Тринадцатого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., т.1, 1907, 434 стр., илл.; т.2, 1908, 806 стр., илл.

Каталог выставки 13-го Археологического съезда. Екатеринослав, 1905, 80 стр.

XIV АС. 1908. Чернигов

Правила Четырнадцатого Археологического съезда. М., 1906, 43 стр.

Труды Московского предварительного комитета по устройству 14-го Археологического съезда. М., вып.1, 1906, 126 стр.; вып. 2, 1908, 52 стр., илл.

Труды Черниговского предварительного комитета по устройству 14-го Археологического съезда. Чернигов, 1908, 188 стр., илл.

Известия Четырнадцатого Археологического съезда. Чернигов, 1908, 16 стр.

Труды Четырнадцатого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., т.1, 1910, 533 стр., илл.; т.2, 1910, 218 стр., илл.; т.3, 1911, 505 стр., илл.

Каталог выставки 14-го Археологического съезда // Под ред. П.М.Добровольского. Чернигов, 1908, 399 стр.

XV АС. 1911. Новгород

Правила Пятнадцатого Археологического съезда и протоколы заседаний предварительного комитета. М., 1909, 47 стр.

Труды Московского предварительного комитета по устройству 15-го Археологического съезда. М., 1911, т.1, 258 стр., илл.; т.2, 65 стр., илл.

Известия 15-го Археологического съезда. М., 1911, 185 стр.

Труды Пятнадцатого Археологического съезда // Под ред. гр. П.С.Уваровой. М., т.1, 1914, 861 стр., илл.; т.2, 1916, 507 стр.

Каталог выставки 15 Археологического съезда. Новгород, 1911. Отд.1, 128 стр. Дополнение к каталогу, 34 стр., отд.2, 48 стр.

XVI (несостоявшийся) АС. 1914. Псков

Правила Шестнадцатого Археологического съезда и протоколы заседаний предварительного комитета. М., 1912, 31 стр.

Балтийский сборник исследований по археологии и истории // Предварительный комитет Археологического съезда. Берлин, 1914, 416 стр., илл.

Каталог выставки 16-го Археологического съезда, отмененного по случаю войны. Псков, 1915, 88 стр.

БИБЛИОГРАФИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПЛЕНУМОВ (1951–1995)

1951. Москва

Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. вопросам археологии Прибалтики // АН СССР. ИИМК. М., 1951, 56 стр.

Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. исслед. 1946–1950 г. // АН СССР. Отд. ист. и философ. ИИМК. М., 1951, 88 стр.

1953. Москва

Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. исслед. 1952 г. // АН СССР. Отд. ист. и философ. ИИМК. М., 1953, 71 стр.

1954. Москва

Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1953 г. // АН СССР. Отд. ист. наук. ИИМК. М., 1954, 60 стр.

1955. Москва

Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии ученого совета Института этнографии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1954 г. // АН СССР. Отд. ист. ИИМК. ИЭ. М., 1955, 70 стр.

1956. Москва

Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. исслед. 1955 г. // АН СССР. Отд. ист. ИИМК. М., 1956, 60 стр.

1958. Москва

Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. исслед. 1957 г. // АН СССР. ИИМК. М., 1958, 24 стр.

Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1957 г. // АН СССР. Отд. ист. ИИМК. ИЭ. М., 1958. 28 стр.

1961. Москва

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. в 1960 г. // АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. М., 1961, 60 стр.

Тезисы докладов о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции Отделения ист. наук АН СССР, посвящ. результатам полевых археол. исслед. в

1960 г. // Севастополь, 1961, 18 стр., илл.

1962. Москва

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1961 г. // АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. М., 1962, 64 стр.

1963. Минск.

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1962 г. // АН СССР. Отд. ист. АН БССР. Отд. ист. М., 1963, 67 стр.

1964. Москва

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1963 г. // АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. М., 1964, 76 стр.

1965. Баку

Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1964 г. в СССР. Тез. докл. // АН СССР. Отд. ист. АН АзССР. Отд. обществ. наук. Баку, 1965, 40 стр.

Дополнительные материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. в СССР 1964 г. Тез. докл. // АН СССР. Отд. ист. АН АзССР. Отд. обществ. наук. Баку, 1965, 40 стр.

1966. Москва

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1965 г. // АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. М., 1966, 48 стр.

Тезисы докладов на секциях Пленума Института археологии 1966 г.

Секция "Античная археология". 40 стр.

Секция "Археология Кавказа". Ч.1, 34 стр.; ч.2, 23 стр.

Секция "Археология Средней Азии". 26 стр.

Секция "История архитектуры". 14 стр.

Секция "Неолит и бронзовый век". Ч.1, 46 стр., ч.2, 43 стр.

Секция "Нумизматика". 34 стр.

Секция "Палеолит". 41 стр.

Секция "Ранний железный век". Ч.1, 20 стр., ч.2, 31 стр., ч.3, 28 стр.

Секция "Славяно-русская археология", ч.1, 29 стр., ч.2, 21 стр.

Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 гг. (Материалы к докл. на науч. сессии Института археологии АН СССР) // Иркут. обл. музей. Иркутск, 1966, 72 стр., илл.

1967. Кишинев

Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1966 г. // АН СССР. ИА. ИЭ. АН МССР. ИИ. Кишинев, 1967, 60 стр.

1968. Москва

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1967 г. // АН СССР. ИА. ИЭ. М., 1968, 46 стр.

1969. Ленинград

Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвящ. 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК – Института археологии АН СССР и итогам полевых археол. и этнограф. исслед. в 1968 г. // АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. Л., 1969, 79 стр.

Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1968 г. // АН АзССР. Музей истории Азербайджана. Баку, 1969, 19 стр.

1970. Львов

Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1969 г. //

- АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. АН УССР. Секц.обществ. наук. М., 1970, 70 стр.
- Материалы к Всесоюзной сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исслед. 1969 г. в СССР. Тез. докл. // АН АзССР. ИИ. Музей истории Азербайджана. Баку, 1970, 48 стр.
- 1971.** Тбилиси
- Тезисы докладов, посвящ. итогам полевых археол. исслед. в СССР в 1970 г. (Археол. секции) // АН СССР. ИА. АН ГССР. Отд. обществ. наук. ИИАЭ. Тбилиси, 1971, 328 стр.
- Тезисы докладов, посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР (Археол. секция, доп. выпуск) // АН СССР. АН ГССР. Тбилиси, 1971, 52 стр.
- Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научн. сессии, посвящ. итогам полевых археол. и этнограф. исслед. в 1970 г. // АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1971, 130 стр.
- 1972.** Москва
- Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвящ. итогам полевых исслед. в 1971 г. // АН СССР. Отд. ист. ИА. ИЭ. М., 1972, 109 стр.
- Тезисы докладов на секциях, посвящ. итогам полевых исслед. 1971 г. // АН СССР. ИА. М., 1972, 426 стр.
- Материалы к сессии, посвящ. итогам полевых археол. и этнограф. исслед. 1971 г. в СССР. Тез. докл. археологов и этнографов АзССР // АН АзССР. ИА. Музей истории Азербайджана. Баку: Элм, 1972, 74 стр.
- 1973.** Самарканд
- Тезисы докладов сессии, посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР // АН СССР. ИА. АН УзССР. ИА. Ташкент: Фан, 1973, 271 стр.
- 1975.** Киев
- Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. // АН СССР. Отд. ист. ИА. АН УССР. Отд. ист., философ. и права. ИА. Киев, 1975. Ч.1, 129 стр., ч.2, 132 стр., ч.3. 125 стр.
- 1977.** Москва
- Новейшие достижения советских археологов. Тез. докл. Всесоюзной конф. // АН СССР. Отд. ист. ИА. М., 1977, 29 стр.
- 1979.** Ленинград
- Советская археология в 10 пятилетке. Тез. пленарн. докл. Всесоюзной конф., посвящ. 60-летию Ленинского декрета о создании Института археологии АН СССР // АН СССР. Отд. ист. ИА. Л., 1979, 49 стр.
- 1981.** Тбилиси.
- Всесоюзная научная конференция, посвящ. новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда. Тез. докл. пленарн. заседаний // АН СССР. АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 44 стр.
- Материалы научной конференции, посвящ. новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда // АН СССР. АН ГССР. Тбилиси, 1981 (1 папка материалов, отпечатанных на ротапринте).
- 1983.** Москва
- Советская археология в 11-й пятилетке. Тез. докл. // АН СССР. ИА. М., 1983, 24 стр.
- Новые экспедиционные исслед. археологов Ленинграда. Тез. докл. к Всесоюзному совещанию "Археология в 11-й пятилетке" // АН СССР. ЛОИА. Л., 1983, 24 стр.

1985. Баку

Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. докл. Всесоюзной археол. конф. // АН СССР. ИА. АН АзССР. ИИ. Баку, 1985. Ч.1, 217 стр., ч.2, 191 стр.

1987. Суздаль

Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюзной археол. конф. // АН СССР. ИА. М.: Наука, 1987, 304 стр.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

1991

Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму // АН СССР. ИИМК. СПб., 1991, 83 стр.

1992

Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. // РАН. ИИМК. СПб., 1992, 98 стр., илл.

1994

Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму // РАН. ИИМК. СПб., 1994, 117 стр.

1995

Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК // РАН. ИИМК. СПб., 1995, 104 стр., илл., карт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

А.С.Косцова, А.Г.Побединская (Санкт-Петербург) Русские иконы XVI – начала XX вв. С изображениями монастырей и их основателей из собрания Эрмитажа.....	5
А.Ю.Епатко (Санкт-Петербург) Валаамская легенда о короле Магнусе Эрриксоне.....	8
М.Д.Малченко (Санкт-Петербург) Церковные папикадила XVII – начала XVIII вв. В собрании Эрмитажа.....	10
А.С.Туберозов (Санкт-Петербург) Медная литая икона XVIII в. “чудо св. Дмитрия” из старолadoжского музея.....	11
И.Н.Уханова (Санкт-Петербург) о некоторых старообрядческих резных иконах XVII–XIX вв. Из собрания Эрмитажа.....	12
О.В.Овсянников (Санкт-Петербург) Из истории северного колокольного дела в XVIII в.....	15
Т.М.Кольцова, О.В.Овсянников (Архангельск, Санкт-Петербург) “Книга записная” 1691 г. – новый документ по истории иконописной домовой артели архиепископа холмогорского и важеского Афанасия.....	17
Е.Ф.Фурсова (Новосибирск) Элементы обрядовой одежды, связанные с христианским культом (по материалам старообрядцев Алтая).....	19
И.Ю.Трушкова (Киров) О культурных традициях русского населения в вятском крае (на примере одежды).....	21
А.Ю.Майничева (Новосибирск) Софийский собор в Тобольске (1621–1667).....	22
П.Е.Сорокин (Санкт-Петербург) Спасская церковь – первый храм на территории Санкт-Петербурга.....	25
И.В.Берова (Киров) Культурное зодчество кикнурского района Кировской области.....	28
С.П.Михайлов (Псков) Столичные храмы в гдовском уезде (конец XIX – начало XX вв.).....	31
М.В.Пулькин (Петрозаводск) Имущество сельских приходских церквей олонецкой епархии в XVIII в.: источники формирования и способы распоряжения.....	34

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.Н.Заднепровская (Санкт-Петербург) Церковно-археологические учреждения и их роль в охране и изучении памятников церковной старины России.....	37
Н.Н.Жервэ (Санкт-Петербург) Из истории собирания и изучения новгородских церковно-археологических древностей (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).....	40
Н.А.Хан (Киров) Из истории церковной археологии в российских провинциях.....	44
Р.В.Васильева (Санкт-Петербург) Материалы рукописного архива ИИМК РАН как источник для изучения истории христианской культуры (краткий обзор фондов).....	46

А.Е.Королев (Псков) История псковского края в исследованиях священнослужителей (XIX – нач. XX вв.)	48
В.А.Калинин (Санкт-Петербург) Материалы по изучению церковных древностей в фонде императорской археологической комиссии, хранящиеся в фотоархиве ИИМК РАН	52
Н.А.Белова (Санкт-Петербург) Материалы о подготовке археологических съездов России в рукописном архиве ИИМК РАН	59
Н.Н.Жервэ (Санкт-Петербург) Церковная археология на XV Археологическом съезде (Новгород)	61
А.А.Александров (Псков) XVI Археологический съезд в Пскове, отмененный в связи с началом первой мировой войны	63
И. В. Тункина (Санкт-Петербург) Отзыв С.А. Жебелева о Д.В. Айналове	67
Г.В.Длужневская (Санкт-Петербург) Материалы П.А.Раппопорта в фотоархиве ИИМК РАН	73
А.С.Косцова (Санкт-Петербург) Некоторые данные к биографии Ф.А.Каликина	76

КРУГЛЫЙ СТОЛ “ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ”

Л.С.Клейн (Санкт-Петербург) Российская археология на переломе	86
С.В.Белецкий, Г.С.Лебедев, Ю.М.Лесман (Санкт-Петербург) Традиции регионалистики в российской археологии и XVI (псковский) археологический съезд	105
Л.М.Всевиов (Санкт-Петербург) Археологические съезды в России и археологические пленумы в СССР. библиографический обзор	109

CONTENTS

CHURCH ARCHAEOLOGICAL ANTIQUITES IN RUSSIA

A.S.Kostsova, A.G.Pobedinskaya (St.Petersburg). Russian icones of the 16-th - the beginning of the 20-th centuries with the images of the monasteries and it's founders from the Hermitage collections	5
A.J.Epatko (St.Petersburg). Legend about the king Magnus Ericson from the Valaam-island	8
M.D.Maltchenko (St.Petersburg). Church-chandeliers of the 17-th - the beginning of the 18-th century in the Hermitage collection	10
A.S.Tuberozov (St.Petersburg). Cast copper icone "The miracle of the St. Demetrius" from the collection of the Old Ladoga Museum	11
I.N.Ukhanova (St.Petersburg). Some carved icones of the old-believers of the 17 - 19-th centuries from the Hermitage collection	12
O.V.Ovsjannikov (St.Petersburg). On the history of the bell-casting in the Russian North in the 18-th century	15
T.M.Kol'tsova, O.V.Ovsjannikov (Arkhangelsk, St.Petersburg). "Reestr of 1691" - a new document on the history of the icon-painting artel of	

Afanasyi, archibishop of Kholmogory and Vaga.....	17
E.F.Fursova (Novosibirsk). Elements of ceremonial dress, connected with the christian cult (according the materials of old-believers of Altay).....	19
I.J.Trushkova (Kirov). On a cultural traditions of the Russian population in Vjatka-region (according the cloths)	21
A.J.Majnitcheva (Novosibirsk). St.Sophia Cafedral in Tobolsk (1621 - 1667).....	22
P.E.Sorokin (St.Petersburg). Church of Our Saviour -- the first Temple on the territory of St.Petersburg.....	25
I.V.Berova (Kirov). Cult architecture of the Kiknur district of the Kirov-region.....	28
S.P.Mikchailov (Pskov). "Capital" temples in Gdov-region (the end of 19-th - the beginning of 20-th centuries).....	31
M.V.Pul'kin (Petrozavodsk). The property of the local parish churches of the Olonets eparchy in the 18-th century : the sources of the formation and the mode of dispose	34

RUSSIAN CHRISTIAN ARCHAEOLOGY AND TRADITIONS OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL STUDY

T.N.Zadneprovskaya (St.Petersburg). Church archacological institutions and their part in protection and study of the church antiquites in Russia	37
N.N.Zherve (St.Petersburg). From the history of the collecting and study of Novgorodian Church arhaeological antiquites (second part of the 19-th - the beginning of the 20-th centuries)	40
N.A.Khan (Kirov). On a history of the Church archacology in Russian province	44
R.V.Vasil'eva (St.Petersburg). Materials from the Archive of Scribed Documents of the Institute of the History of the Material Culture (IHMC), as a source for studies of the Christian culture(brief survey of Fonds)	46
A.E.Korolev (Pskov). History of the Pskov region in a studies of a priests (19 - beginning of the 20-th century)	48
V.G.Kalinin (St.Petersburg). Materials on the history of the church antiquites in the Fond of the Imperor's Archacological Comission in Foto-Archive of IHMC	52
N.A.Belova (St.Petersburg). Documents on a preparation for Archacological Congresses in Russia in the Scribed Documents Archive IHMC	59
N.N.Zherve (St.Petersburg). Church archacology on the XV-th Archacological Congress in Novgorod.....	61
A.A.Alexandrov (Pskov). The XVI-th Archacological Congress in Pskov (called off in connection with the beginning of the First World War)	63
I.V. Tunkina (St.Petersburg). S.A.Zhebelev's opinion about D.V.Ainalov	67
G.V.Dluzhnevskaya (St.Petersburg). Materials of the Fund of P.A.Rappoport in the Foto-Archive IHMC	73
A.S.Kostsova (St.Petersburg). Some new data on F.A.Kalykin's biography	76

DISCUSSION
**"REVIVAL OF TRADITIONS AND PERSPECTIVES OF
RUSSIAN ARCHAEOLOGY"**

L.S.Kleyn (St.Petersburg). Russian archeology at it's turn-point	86
S.V.Beletsky, G.S.Lebedev, Y.M.Lesman (St.Petersburg). Traditions of the regionalistic in Russian archacology and the XVI-th (Pskov) Archacological Congress	105
L.M.Vseviiov (St.Petersburg). Archacological Congresses in Russia and Archacological Plenums in the USSR. A survey of bibliography	109

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В трех частях.

Часть 3

Оригинал-макет подготовлен в ИИМК РАН

Компьютерный набор и верстка
Л.Б.Кирчо, К.А.Матехин

Редактор
С.В.Белецкий

Художественный редактор
В.Я.Стеганцева

Подписано в печать 9.10.1995. Отдел ОП Петербургкомстата.

Лицензия № 69-74 от 27.10.1994. Печать офсетная.

Уч.-изд.л. 7,6. Усл.-печ.л. 5,5. Бумага офсетная №1.

Заказ № 917. Тираж 300 экз.